МОСКОВСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

А.И. Аврус

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Очерки

Москва
2001

Программа «Межрегиональные исследования в общественных науках» существует с апреля 2000 года и реализуется Московским общественным научным фондом, Министерством образования РФ, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при содействии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США) и Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США).

Программа призвана способствовать расширению сферы научных исследований российских ученых-обществоведов, повышению качества фундаментальных и прикладных исследований в области общественных и гуманитарных наук, развитию уже существующих научных школ и становлению новых научных коллективов в области общественных и гуманитарных наук, обеспечению тесного взаимодействия российских ученых с их коллегами за рубежом и в странах СНГ.

Введение

Университетское образование существует в Европе свыше 900 лет, а в России — около 300. Университет является одним из самых долговечных и плодотворных созданий европейского гения. Он сыграл выдающуюся роль в развитии европейской цивилизации, в становлении современной науки во всем мире. Значение университетов непрерывно растет, несмотря на неоднократные попытки объявить их устаревшими, прекратить их существование или превратить в обычный тип высших учебных заведений.

В России возникла и сложилась самостоятельная университетская система, роль и место которой в жизни российского общества еще не получили всестороннего освещения. А без этого невозможно ни реформирование университетов, ни приведение их деятельности в соответствие с требованиями современности.

В предлагаемых очерках объектом рассмотрения предстает университетская система России от ее зарождения до сегодняшнего дня. Мы попытаемся выявить закономерности создания университетов в России, общее в них с европейскими университетами и особенности, присущие только российским университетам, проследить этапы их развития. Предметом нашего рассмотрения будет сам университет, его внутренняя жизнь и взаимоотношения с окружающим миром.

Хотя история российских университетов насчитывает почти 300 лет и большинство отечественных ученых-историков сосредоточено в университетах, до сих пор нет обобщающих трудов, посвященных всей их истории. Значительная часть отечественных авторов и авторских коллективов, начиная с середины XIX в. и до сегодняшнего дня, выпускала свои труды к юбилейным датам в жизни того или иного университета. Эти книги носили популярный характер, в них основное внимание уделялось описанию состояния университетских объектов и подразделений ко времени юбилея. Исторические очерки в подобных изданиях часто не носили исследовательского характера, хотя в их написании участвовали историки (см. от “Столетнего юбилея императорского Московского университета”, вышедшего в свет в 1855 г., — до “Харьковского государственного университета”, который был издан в 1980 г. в связи со 175-летием этого университета).

Первые научные исследования по истории российских университетов появились во второй половине XIX в., и среди них следует, прежде всего, отметить публикацию профессора Киевского университета В. Иконникова “Русские университеты в связи с ходом общественного развития”, помещенную в “Вестнике Европы” (1876, №9-11). Автор предпринял одну из первых попыток проследить развитие университетской идеи в России и ее воплощение в жизнь на протяжении полутора веков. Он рассматривал историю университетов в тесной связи с общественной жизнью страны и, являясь человеком либеральных взглядов, негативно оценивал правительственную политику в отношении университетов в конце царствования Александра I и в правление Николая I и с удовлетворением отмечал положительные сдвиги при Александре II.

В последующие годы было сделано еще несколько попыток дать обзор истории российских университетов (Ферлюдин П.И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып.1. Академия наук и университеты. Саратов, 1893; Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения:1802-1902 гг. СПб, 1902; Разумовский В.И. К истории университетов и медицинских факультетов. СПб, 1910 и др.). Особенно следует выделить очерк П.Н. Милюкова “Университеты России”, помещенный в т.68 Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза — И.А. Ефрона (СПб, 1902). В этом очерке подробно описывалось развитие российских университетов до конца XIX в., содержался богатый фактический и статистический материал.

Из частных сюжетов университетской истории наибольшее внимание уделялось студенческому движению: Выдрин Р.И. “Основные моменты студенческого движения в России”, Мельгунов С.П. “Из истории студенческих обществ в русских университетах”, Носалевич М.И. “Материалы для истории студенчества Харьковского университета за 100 лет (1805-1905 гг.)” и др.

После революции 1917 г. истории российских университетов несколько десятилетий не уделялось должного внимания, ибо сама судьба университетов до начала 30-х гг. висела на волоске. В 20-40-е гг. вышло несколько книг очерково-юбилейного научно-справочного характера. И только в 50-е гг. интерес к этой проблематике вновь оживился, что в значительной степени было связано с юбилейными датами Московского, Казанского, Харьковского, Саратовского университетов, отмечавшимися в те годы. Одной из первых была опубликована статья известного историка Е. Н. Городецкого “Советская реформа высшей школы 1918 г. и Московский университет” (Вестник МГУ, 1954, №1). В последующие годы главное внимание советских историков было обращено на изучение отдельных периодов в истории российских университетов, в основном в XIX в. Необходимо отметить труды А. Е. Иванова, Г.И. Щетининой, Р.Г. Эймонтовой. Все они начинали с публикаций статей, а завершали свои исследования солидными монографиями, представляющими существенный вклад в историографию российских университетов. Их трудами обеспечено наиболее глубокое изучение истории отечествен-

ных университетов периода второй половины XIX в. — начала XX в. В 1998 г. началась публикация многотомной монографии Ф. В. Петрова, посвященной российским университетам в первой половине XIX в.

Как бы подводя некоторые итоги изучению отечественного высшего образования до 1917 г., коллектив авторов выпустил в 1995 г. книгу "Высшее образование в России: очерк истории до 1917 г." Монография содержит много интересного фактического материала, большую ценность представляют приложения. Однако специально университетам посвящена только одна глава книги, и поэтому многие аспекты университетской жизни лишь обозначены в тексте.

В отечественной литературе до последнего времени главное внимание уделялось фактически побочной проблеме: отношению университетов к общественной жизни и освободительному движению, а внутренняя жизнь университетов не удостаивалась научного анализа. Не случайно, больше всего публикаций было посвящено студенческому движению. Вся история университетов в царской России рассматривалась как непрерывная конфронтация их с самодержавием и искусственно разделялась на досоветскую и советскую части, отрицали наличие общих университетских традиций, советский период изображали только в восторженных тонах.

Следует при этом подчеркнуть, что до сих пор вышла только одна крупная монография профессора Ш.Б. Чанбарисова, в которой приведен обширный и интересный материал о развитии университетской системы с 1917 г. до конца 30-х гг. (Формирование советской университетской системы. М., 1988 г.) Однако автор несколько тенденциозно оценивал этот период университетской истории, выступал апологетом всей политики большевиков в университетском вопросе.

Во второй половине 90-х гг. в связи с проблемами серьезных преобразований в системе высшего образования интерес к истории университетов значительно возрос. Об этом свидетельствуют: выпуск 5 сборников статей "Российские университеты в XVIII — XX веках" в Воронежском университете, появление полиграфического шедевра "274 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись. 1724-1999", публикация ряда книг с очерками о ректорах и профессорах Московского, Саратовского, Томского университетов, брошюры и статьи ректора МГУ В. Садовничего, поднимающие многие проблемы университетской жизни и университетских традиций, монография В. А. Соломонова "Императорский Николаевский Саратовский университет. История открытия и становления (1909-1917)", защита нескольких диссертаций по сюжетам истории университетов. (Подробнее см.: Список источников и литературы.)

Отдельные моменты истории отечественных университетов отражены были в ряде историко-партийных исследований, но в них, в основном, явно односторонне оценивалась роль Ленина и партии большевиков в развитии университетского образования в нашей стране.

Таким образом, можно сделать вывод, что многие аспекты истории российских университетов еще не получили достаточной научной разработки, а весь путь их развития не прослежен.

В то же время анализ имеющейся источниковой базы: опубликованные документы, мемуары, переписка, дневники, периодическая печать, наличие большого корпуса неисследованных архивных материалов позволяет сказать, что создание серьезного научного труда о всей почти трехвековой истории российских университетов вполне реально в ближайшем будущем.

Имеется множество определений университета как особого типа высшего учебного заведения. Средневековые юристы употребляли термин «университет» для обозначения всякого организованного союза людей, всякой корпорации. Учебные же заведения университетского типа первоначально назывались studium generale. Это означало, что данная школа предназначалась для учителей и учащихся всех государств, а приобретенные в ней ученые степени признавались во всех странах западного христианства. Кроме того, употреблялись термины для обозначения университетов: universitas studii (ученая корпорация) или universitas magistrorum et scholarium (корпорация магистров и учащихся). Окончательное утверждение термина университет произошло в Германии в конце XIV века. Тогда же стали употреблять и другое название университета alma mater.

Большинство авторов, начиная с XVII-XVIII вв., отмечали, что университет отличался от других высших учебных заведений. Суть этих различий четко сформулировал известный английский мыслитель Дж. Милль в трактате "Об университетском воспитании": "Университет не есть место профессионального воспитания. Университеты предназначаются не для того, чтобы поучать знанию, нужному людям для какого-нибудь специального способа приобрести средства к существованию. Цель их состоит не в том, чтобы приготовить только искусных юристов, медиков, инженеров, а чтобы приготовить способных и образованных людей. Университет должен быть местом свободного мышления." Поэтому в университете основное внимание уделялось глубокому освоению фундаментальных наук, воспитанию людей, готовых заниматься исследовательской работой.

В научной и популярной литературе отмечается, что есть два типа высших учебных заведений: специальные, готовящие своих выпускников к работе по определенной профессии, и университеты, которые, как отмечает СИЭ, ведут подготовку по всей совокупности дисциплин, составляющих основы научного знания. Очень емкий ответ на вопрос: что такое есть университет? Давался в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона: "Университет — высшее учебное заведение, которое, имея целью свободное преподавание и развитие всех отраслей науки, независимо от их практического приложения, пользуется вместе с тем, под контролем правительства, широким самоуправлением и предоставляет слушателям значительный простор в выборе и направлении своих научных занятий и частной жизни". Из сказанного можно сделать вывод, что главные отличия университетов от других типов высших учебных заведений должны состоять, во-первых, в тесной связи преподавания с научной деятельностью и участием в ней всех студентов, во-вторых, в наличии широкого самоуправления, в-

третьих, в освоении студентами фундаментальных знаний и, наконец, в свободе преподавания и в свободе выбора студента.

До сих пор трудно точно установить, когда появился первый университет в Европе. В 1888 г. было решено отметить 800-летие Болонского университета, хотя эта дата приблизительна. С тех пор в исторической литературе указывается, что университеты в Европе возникли в конце XI - начале XII в.

Университеты зародились в Европе в период феодальной раздробленности и явились одним из мощных и долговременных инструментов ее интеграции, не потерявших этой роли и в конце XX в. Университеты возникли в Европе как носители и распространители знаний, как корпорации студентов и преподавателей для ограждения от насилия извне, для защиты своих интересов.

Но они никогда не ограничивались этими узкими рамками. Во-первых, в университеты стекались жаждавшие знаний молодые люди из многих государств Европы, и в университетских стенах они образовывали единое братство без всяких национальных и государственных различий; во-вторых, университеты имели почти одинаковые программы на одноименных факультетах, обучали по одним и тем же учебникам, выдавали дипломы и свидетельства, признававшиеся по всей Европе; в-третьих, у преподавателей и студентов был единый язык — латынь, они прекрасно понимали друг друга, в какой бы стране не учились; в-четвертых, университеты в XI-XV вв. объединяло духовное родство — приверженность к католицизму. Поэтому университеты, не менее, чем развитие торговли, экономические и политические взаимосвязи, способствовали тому, что европейские народы осознавали свою принадлежность к одной цивилизации. Благодаря университетам в Европе распространилась культура, основанная на разуме и праве.

Первоначально в Европе возникло два типа университетов: болонский и парижский. Первый был образован студентами, прибывшими в Болонью из многих стран для изучения римского права. В городе собиралось до 10 тыс. приезжавших учиться и не имевших прав горожан. Студенты стремились оградить себя от посягательств на их права городских властей, обеспечить нормальные условия жизни, заключать контракты с теми преподавателями, которые могли дать им наилучшие знания. Поэтому такой тип университетов назывался студенческим, в нем все дела решались студентами, из их числа избирался ректор. В Париже университет возник вокруг теологических школ, преподаватели которых решили объединиться для защиты своих интересов. В Парижском университете решающую роль играли магистры, обучавшие студентов. Появившиеся затем университеты или полностью шли по пути одного из вышеназванных, или образовывали смешанный тип. При этом в Южной Европе преобладали университеты болонского типа, а в Центральной и Северной — парижского.

Остановимся на некоторых особенностях организации и внутренней жизни средневековых университетов. Прежде всего, появление университетов было вызвано потребностями развития европейского общества в XI-XIII вв., когда возникла необходимость в получении юридических, медицинских, теологических знаний и подготовке соответствующих кадров; затем основание большинства университетов в Южной Европе происходило стихийно, а в Центральной и Северной Европе при активном участии светских и духовных правителей, особенно папства; кроме того, ряд университетов (в Кембридже, Падуе, Лейпциге и др.) возник в результате конфликтов части студентов и преподавателей более старых университетов (Болонья, Париж, Оксфорд и т.д.) с местными властями и перемещения в другие города.

Обычно тот или иной университет славился своими преподавателями в определенной отрасли знаний и, соответственно, там получал особое развитие один из факультетов (факультеты впервые упомянуты папой Гонорием III в связи с правами, предоставленными Парижскому университету в 1219 г.): так, в Болонье и Неаполе особенно сильными были юридические факультеты, в Париже — теологический, в Монпелье и Саламанке — медицинские и т.д. Всего в средневековых университетах насчитывалось 4 факультета: медицинский, теологический (богословский), юридический, свободных искусств (артистический). Первые три считались высшими, а последний — низшим. Студенты высших факультетов могли быть одновременно преподавателями на факультете свободных искусств. Факультет рассматривался первоначально как совокупность магистров определенной отрасли знаний; каждый из них был независим, имел во главе декана и свою печать.

Учеба в университете считалась настолько трудным делом, требовавшим всех сил учащих и учащихся, что они давали обет безбрачия. В матрикулах Венского университета есть характерная запись против имени одного профессора: “впав в безумие, женился”. Основная масса преподавателей университетов имела духовные звания и строго соблюдала все требования католической веры.

В XIII веке появились в университетах первые коллегии (колледжи), представлявшие первоначально общежития, организованные духовными орденами для своих посланцев в университетах. Там монах-школяр получал жилье, одежду, пищу, книги. Постепенно в колледжах стали жить также магистры и профессора, в них переместилась значительная часть учебного процесса. Одним из самых знаменитых стал колледж при Парижском университете, открытый в 1257 г. каноником Робертом де — Сорбонн для окончивших факультет свободных искусств и решивших посвятить себя изучению теологии. Доктор теологии мог жить в Сорбонне всю жизнь, а остальные — не более 7 лет.

Кроме деления по факультетам и колледжам, в университетах существовало разделение студентов по нациям, во главе нации стоял прокуратор, избиравшийся магистрами артистического факультета, а 4 нации выбирали общего главу — ректора. Постепенно ректор объединил под своим началом весь артистический факультет, а затем и весь университет. В Парижском университете этот процесс завершился к середине X1У в., и ректор

стал управлять университетом, опираясь на поддержку королевской власти, сделавшись независимым от городских властей и канцлера Собора Парижской богоматери.

Обучение в средневековом университете включало в себя: слушание лекций, участие в диспутах и репетициях, защиту диссертаций и сдачу экзаменов. Лекции делились на ординарные и экстраординарные (соответственно и профессора были ординарные и экстраординарные); это зависело от того, какую книгу читали на лекции. Кроме того, ординарные лекции читали до обеда, их нельзя было прерывать вопросами. Экстраординарные лекции читались после обеда, в праздничные дни, более бегло, могли прерываться вопросами, профессор не обязательно должен был быть одетым по форме (длинный подрясник без разрезов, с поясом, длинный плащ с прикреплявшейся шапкой в виде башлыка, все это обычно темного или серого цвета). Ординарный профессор мог читать и экстраординарные лекции, но не наоборот. В Парижском университете профессор должен был говорить текст лекции свободно, а не читать его, тем более диктовать. Запрещалось даже повторять текст, за исключением особо трудных мест.

В основе средневековых знаний лежало изучение двух комплексов наук, установленных еще в эпоху античности: тривиума (грамматика, риторика, диалектика) и квадривиума (астрономия, арифметика, музыка, геометрия). Эти науки расшифровывались следующим образом: грамматика говорит, диалектика учит истине, риторика украшает речь, музыка поет, арифметика считает, геометрия взвешивает, астрономия изучает звезды.

После завершения обучения на факультете свободных искусств, сдачи экзаменов и участия в нескольких диспутах студент получал степень бакалавра искусств, имел право носить круглую шляпу без полей и поступать на один из высших факультетов. Здесь степень бакалавра требовала еще трех лет учебы и соответствующих испытаний, бакалавр искусств мог получить ее за два года. Бакалавр производился в лиценциаты через несколько лет занятий и новых испытаний. Лиценциат после нескольких лет преподавания и особого экзамена становился магистром. Получение степени магистра и доктора превращалось в многодневную церемонию: надо было выступить с речью перед факультетом, прочитать лекцию, выдержать диспут (так в 1304 г. Дунсу Скотту, пришедшему на диспут в Париж из Оксфорда, пришлось выслушать 200 контртезисов, которые он сразу повторил по памяти в правильном порядке и на каждый дал достаточно убедительный ответ), дать обед для профессоров и каждому из них сделать подарок. Поэтому докторских защит было мало, и многие лиценциаты получали профессорские права. Магистр и доктор имели разрешение носить широкополый берет и особое кольцо на руке. Были и так называемые печатные доктора, получавшие докторские степени от пап и королей в виде печатей. Такие доктора университетами не признавались за настоящих.

Учебный год в средневековых университетах обычно начинался 19-20 октября и длился до 7 сентября (семестры появились в немецких университетах в XУ в.), затем шли большие каникулы. Кроме того, занятий не было две недели в связи с Пасхой, 11 дней на Святках, по четвергам на тех неделях, в середине которых не было праздников. По субботам обычно проводились диспуты: кто-то из магистров говорил вступительную речь и предлагал тезисы для обсуждения. Из числа присутствовавших, желавшие, прежде всего магистры, возражали и выставляли свои контртезисы. Диспуты нередко принимали такие острые формы, что приходилось ставить барьеры.

В средневековых университетах трудно было проложить четкую грань между учителем и учеником: бакалавр учился у магистров в высших факультетах и учил студентов артистического, даже магистр низшего факультета, чтобы приобрести ученую степень по высшему, становился студентом. Преподаватели и студенты часто были близки по возрасту, являлись духовными лицами, жили на доходы от церковных должностей, которые сохранялись за ними согласно папской привилегии. Они вели одинаковый образ жизни, жили вместе в колледжах и общежитиях, а на диспуте студент мог побить бакалавра и даже магистра как в споре, так и физически.

Если в XI-XIII вв. университеты появлялись и развивались в странах Западной Европы, а представители знатных семей из Центральной и Восточной Европы ездили получать университетское образование в Болонью и Париж, то в XIV в. потребности развития экономики и культуры вызвали необходимость открытия университетов в новых регионах. В 1346 г. начал свое существование Пражский университет, вскоре же ставший одним из лучших, а вслед за ним появились университеты в Вене, Кракове, Рече и т.д. В XV-XVIII вв. в связи с возникновением в ряде стран Академий занятия наукой переходили туда, роль университетов как научных центров снижалась, авторитет их падал. К тому же выявились и слабости университетов: плохое преподавание, падение дисциплины, анахронизм с некоторыми привилегиями и т.п. Особенно в тяжелом положении оказались итальянские университеты, в которые перестали ездить учиться из Германии и Восточной Европы, где открылось много местных университетов.

Падению авторитета университетов способствовало и то, что исчезал их наднациональный характер, образование начинало приобретать национальный оттенок, латынь перестала быть общим языком, католическая церковь находилась в состоянии раскола, т.е. духовное единство Европы отошло в прошлое. Появились католические и протестантские университеты. Исследователи отмечают, что в позднее Средневековье меняется социальный состав студенчества, а вместе с ним и образ жизни многих студентов. Образование становится нужным и для служебной карьеры, поэтому в университетах появилось много выходцев из аристократической среды, обладавших большими средствами, ведших разгульный образ жизни.

В XV-XVIII вв. многие крупные мыслители пытались выдвинуть свои проекты преобразования университета, но в большинстве случаев они оставались на бумаге. И только в начале XIXв. в Пруссии великий ученый А.

Гумбольдт провел объединение Берлинского университета с Королевской академией, в результате был создан университет, в котором обучение неразрывно связано с исследованием. Этот тип университета оказал большое влияние на все университетское образование в XIX и XX вв. Основные принципы такого университета: свобода преподавания и свобода учения. Первая означает, что каждый преподаватель имеет право выбирать методы, системы для свободного исследования, а вторая — право студента учиться в университете под руководством любых профессоров.

Глава 1. Начало университетского образования в России (XVIII век)

1. 1. Академический университет

В России настоящее высшее образование появилось в XVIII в., но идея необходимости создания университета возникла раньше. Участившиеся связи с европейскими странами, знакомство с состоянием там образования и науки привели правителей страны к выводу о желательности открытия университета в России. Надо подчеркнуть, что в России вопрос о создании университетов ставился властью, решался сверху, а не возникал из потребностей общества. Впервые реальные шаги в этом направлении были сделаны Борисом Годуновым, который в 1600 г. отправил в Германию Иоанна Крамера с целью отыскать там и привезти в Москву профессоров. Однако резкое противодействие духовенства заставило Годунова отказаться от этой затеи. Вскоре после вступления в Москву Лжедмитрий I высказался за создание университета, но реализовать свои планы не успел. Писатель С. Залыгин в одной из своих статей в журнале “Новый мир” отмечал, что запоздание с открытием университетов обошлось России слишком дорого, стало одной из причин ее общей отсталости от Европы.

Авторы монографии “Высшее образование в России” (М., 1995) пытаются доказать, что уже в XVII в. в России было 12 вузов, непонятно, на каком основании относя к их числу школы при монастырях, лекарскую и посольскую школы и даже Юрьевский университет, хотя Юрьев (Тарту) в XVII в. не входил в состав России. На самом деле, на наш взгляд, к высшим учебным заведениям можно причислить лишь Славяно-греко-латинскую академию, открытую в Москве в 1685 г. Но это было узкоспециальное учебное заведение, готовившее кадры для распространения и защиты догматов православия. А университет, согласно определению В.Даля, — высшая школа, учебное заведение первой ступени, по всем отраслям науки.

Вопрос о начале университетского образования в России до сих пор принадлежит к числу дискуссионных: долгие годы считалось, что начало университетскому образованию положил Московский университет, а существование в Петербурге Академического университета по тем или иным причинам замалчивалось или упоминалось вскользь. И только в 70 — 80-е гг. XX в. исследования Е. С. Кулябко, Л. С. Семенова, Ю.Д. Марголиса, В. А. Тишкина позволили показать подлинное значение Академического университета. Но и после этого в трудах некоторых московских историков, например, А. Ю. Андреева, продолжаются попытки принизить роль Академического университета.

Историю российских университетов надо начинать с 28 января 1724 г., когда Сенат принял Указ об учреждении Академии Наук с университетом и гимназией. Об этом свидетельствует Постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 1997 г. о праздновании в 1999 г. 275-летия Санкт-Петербургского университета.

Как же происходило создание первого российского университета? Петр I в переписке с известным немецким ученым Вольфом (1720-1721 гг.) выработал основные организационные принципы российских университетов: совместное существование Академии наук, университета и гимназии, академики одновременно являются и профессорами университета, выпускники гимназии поступают в университет, который не только служит развитию науки, но широкому распространению научных знаний и т.д. Д. И. Менделеев считал, что император опирался, прежде всего, на голландский опыт, где академии и университеты тогда существовали совместно. По поручению Петра I лейб-медик Блюментрост 24 января 1724 г. представил императору регламент устройства Академии наук и при ней университета и гимназии. После изучения документа царем он был рассмотрен на заседании Сената и последовал Указ от 28.1.1724 г. Для содержания Академии наук и университета предназначались налоги с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга.

Сразу же встал вопрос о приглашении преподавателей из-за рубежа в связи с отсутствием отечественных кадров. Граф Головкин и князь Куракин вели переговоры со многими учеными в Европе, приглашая их преподавать в Академическом университете (АУ). Переговоры шли трудно, требования профессоров неоднократно менялись, многие из них боялись ехать в неведомую холодную страну. Петр I не дожил до открытия своего детища, которое состоялось уже при Екатерине I, издавшей 21 декабря 1725 г. Указ, который заканчивался словами: “И сей указ велите в народ публиковать, дабы о той академии всяк ведал, и имел бы тщание отдавать в разные науки детей своих и свойственников”.

Первоначально удалось пригласить 17 профессоров, прибывших в 1725 г. в Петербург, чтобы совмещать занятия наукой в Академии с преподаванием в университете. Но оказалось, что отсутствовали студенты, ибо в России не было подготовленных для слушания университетских лекций молодых людей, тем более, что требовалось знание латыни и современных европейских языков, так как на них велось все преподавание, ибо профессора не знали русского языка. Тогда было решено вызвать молодых людей, посланных при Петре I учиться за границу. Таким образом удалось отобрать 8 студентов, которым 17 профессоров должны были читать лек-

ции. Среди первых профессоров Академического университета необходимо упомянуть математика Н. Бернулли, астронома И. Делиля, правоведа Х. Гольдбаха, физика Г. Бюльфингера, физиолога Я. Германа. В январе 1726 г. началась учеба в университете и чтение профессорами публичных лекций. Первым русским студентом АУ, по списку, числился Филипп Анохин, отозванный из Германии. Из-за недостатка студентов профессора ходили на лекции друг к другу, были попытки организовать публичные лекции по физике и анатомии с демонстрацией опытов, но и их плохо посещала публика.

Наполнение АУ студентами было самой сложной проблемой за весь период его существования, ее пытались решать разными путями: отзывом из-за границы, направлением учащихся духовных академий и семинарий, которые часто оказывались неподготовленными воспринимать науку, открытием доступа в университет для всех сословий, кроме крепостных и т.д. Но это не дало желаемых результатов, число студентов оставалось незначительным, отмечались годы, когда отсутствовали наборы и выпуски. Это было связано и с нежеланием дворянства отдавать своих детей в университет, и с большей престижностью военной карьеры, и с перенесением при Анне Иоанновне столицы из Петербурга в Москву, и с недостаточным развитием в России среднего образования. Так, в 1765 г. из 18 студентов половина заявила, что непригодна к учебе и просила отпустить из АУ. Один из них писал в заявлении ректору: “Много времени почти без всякой пользы препроводил, так как натуральной остроты к наукам не имею; совершенно знаю, что никакой пользы наукам в академии принести не могу, хотя десять лет в студентах проживу, только время бесполезно потеряю”. В то же время в университете обучались и талантливые студенты, некоторые из них занимались с профессорами по индивидуальным планам, участвовали в экспедициях, организовавшихся Академией наук, успешно сдавали экзамены и получали медали за свои сочинения. Например, В. Ададуров в 1731 г. еще студентом разработал первые основания грамматики русского языка, несколько студентов участвовали в экспедиции В. Беринга на Камчатку. Лучшие студенты проводили занятия в гимназии. Для студентов было установлено жалование: 72 р. в год российскому студенту и 200 р. — иностранному. Первоначально студенты жили на частных квартирах, затем был арендован дом у Строгановых, ставший первым общежитием.

Академический университет не имел своего устава и только в утвержденном в 1747 г. первом академическом Регламенте ряд статей был посвящен АУ: часть академиков должна была читать лекции в университете, была введена категория казеннокоштных студентов, давались некоторые преимущества по службе окончившим университет. В параграфе 37 Регламента было дано такое определение: “Университет есть собрание учащих и учащихся людей. Первые называются профессора, а другие — студенты”.

После принятия Регламента ректору было поручено подготовить университетский Устав. Вместо этого в 1750 г. была сочинена временная инструкция, в ней особое внимание уделялось наказаниям: профессора за пропуски лекций и опоздания штрафовались на дневной оклад, студенты за провинности заключались в карцер на срок до двух недель, им запрещалось носить студенческую форму (зеленый кафтан, шляпа, шпага), и надевать они должны были серый кафтан. Студенты вели себя очень буйно в общежитии, пьянствовали, инспектор просил прислать солдат для наведения порядка. Отдельных студентов подвергали наказанию розгами за дерзкое поведение с профессорами.

Трудности, переживавшиеся АУ, вызвали негативную оценку М. В. Ломоносова: “ни образа, ни подобия университетского не видно”. К сожалению, эта эмоциональная оценка была некритически воспринята последующими историками, в том числе даже В. О. Ключевским, и дала один из поводов для пренебрежительного отношения к истории АУ.

В 1758-1764 гг. ректором АУ был Ломоносов, который попытался перестроить университет, подготовил проект Устава. М.В. настаивал, чтобы дорога в университет была открыта и для помещичьих крестьян, ссылаясь на Рим, где получившие образование рабы становились вольноотпущенниками. Ломоносов предлагал торжественно ввести новый Устав в жизнь, проведя как бы возрождение университета, пригласив на торжественный акт видных европейских ученых, представителей зарубежных университетов и т.д. Особое значение придавал М. В. предоставлению университету права “производить в градусы”, т. е. возводить в ученые степени. Михаил Васильевич подготовил Похвальное слово императрице Елизавете Петровне, которое хотел произнести на торжестве. Но смерть императрицы, а затем болезнь и смерть самого М.В. не позволили осуществить намеченное. Тем более, что в это время существовал уже Московский университет и основные усилия правительства и общественности были сосредоточены на его поддержке.

Вскоре после смерти М. Ломоносова Академический университет и гимназия были объединены в одно учебное заведение — Училище академии, которое просуществовало до начала XIX в., полностью сохраняя университетское образование. Имеющиеся документальные свидетельства и воспоминания современников позволяют говорить о том, что АУ действовал до начала XIX в. и перестал формально существовать с принятием нового Регламента Академии наук в 1803 г., в котором исчезли официальные упоминания о нем.

Какую же роль сыграл Академический университет в развитии университетского образования в России? В чем его заслуги на ниве отечественного просвещения? Конечно, нельзя впадать в эйфорию, подобно Е. Кулябко, которая всех студентов АУ называет замечательными выпускниками, даже если они не кончили учебу и не принесли никакой пользы российскому образованию, всех их именует учениками и последователями Ломоносова, и просветителями, все успехи АУ связывает только с деятельностью М.В.Ломоносова. Значительная роль АУ в истории российского образования и отечественной науки нам видится в том, что, во-первых, это был первый российский университет, он положил начало университетскому образованию в России; во-вторых, из стен

его вышло немало крупных ученых и будущих профессоров Московского университета, т.е. были заложены основы отечественной науки, доказано, что “ может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать”; в-третьих, опыт АУ, как позитивный, так и негативный, был учтен при создании других российских университетов, прежде всего Московского; в-четвертых, в АУ начали формироваться многие черты российской университетской системы: светский характер, отсутствие богословского факультета, широкое сословное представительство студенчества, связь образования с научными исследованиями и. т.д., и, наконец, АУ создал в Петербурге предпосылки дальнейшего развития высшего образования, которые реализовались открытием в 1819 г. Петербургского университета.

1.2. Основание и становление Московского университета

В то время, как история Академического университета изучена явно недостаточно, второму российскому университету — Московскому посвящено гораздо больше научных исследований и юбилейных изданий, в которых он называется первым и ему приписывается вся слава основания российской университетской системы. Кроме того, в литературе существует явная тенденциозность в освещении двух выдающихся деятелей, сыгравших первостепенную роль в создании Московского университета: М. В. Ломоносова и И.И. Шувалова. Если в публикациях XIX в. превозносилась деятельность Шувалова при создании МУ и недооценивалась роль в этом Ломоносова, то советские авторы, рассматривая проблему только с классовых позиций, с некоторым пренебрежением относились к Шувалову, как дворянину и близкому к императрице человеку, и чрезмерно выпячивали Ломоносова, приписывая ему такие деяния и заслуги, к которым он имел небольшое отношение.

Михаил Васильевич сыграл выдающуюся роль в выработке идеи открытия университета в Москве, в разработке проекта его Устава, используя для этого свой опыт знакомства с западноевропейскими университетами, особенно Лейденским. Однако без помощи и поддержки Шувалова, без его придворных связей и личного понимания необходимости университета в Москве, идеи Ломоносова могли остаться в нашей памяти утопическим проектом. Именно их сотрудничество обеспечило быструю и удачную реализацию идеи.

Летом 1754 г. Шувалов представил Сенату предложение об открытии университета в Москве, мотивируя это ее географическим положением в центре государства, в отличие от Петербурга, нахождением в Москве большего количества дворянских семей, детям которых необходимо получить университетское образование для будущей карьеры. Сенаторы достаточно быстро отреагировали на предложение Шувалова и 19 июля 1754 г. согласились с ним, доложив об этом Елизавете Петровне.

Первоначально хотели открыть университет уже в 1754 г., но задержала подготовка здания: выселение, ремонт, просушка и т.д. 12 января 1755 г. императрица подписала “ Высочайше утвержденный проект об учреждении Московского университета”, и этот день стал рассматриваться в дальнейшем как день рождения Московского университета. Вопрос о том, какую дату считать днем рождения того или иного университета, до сих пор остается спорным, ибо одни начинают отсчет от появления официального документа об открытии, другие — от начала строительства университетских зданий, третьи — от официального открытия университета, четвертые-от начала функционирования университета в качестве учебного заведения. На наш взгляд, следовало бы считать началом университета тот день, когда он приступает к своим прямым обязанностям: обучать и воспитывать студентов.

Торжественное открытие Московского университета состоялось 26 апреля 1755 г. в Аптекарском доме (на месте нынешнего Исторического музея). “Санкт-Петербургские ведомости” сообщали, что в 8 часов утра состоялся молебен по случаю открытия университета, затем в большом зале были произнесены речи на русском, латинском, французском и немецком языках. Профессор А. А. Барсов в своей речи отметил, что университет — “место, определенное и посвященное наукам и учению; так что, назвавши университет его именем, в мысли и понятии представлять должно все собрание потребных в жизни человеческой наук, весь круг просвещающего разум учения”. После торжественной части для знатных гостей был устроен прием с винами, кофе, чаем, конфетами. В шестом часу вечера началась иллюминация, которая привлекла много народа, приходившего смотреть ее всю ночь, ибо торжества длились до утра.

Помещение Аптекарского дома оказалось тесным и поэтому начали покупать находившиеся поблизости дома, в частности, дом на Моховой князей Репниных. Было передано университету и казенное здание, где прежде располагалась Межевая канцелярия. И только в 1783 г. был утвержден проект Матвея Казакова на строительство собственного университетского здания, которое продолжалось с 1786 по 1793 г. (был еще проект Василия Баженова построить здание на Воробьевых горах).

В университетском Уставе, действовавшем по 1804 г., определялись основные параметры жизни университета: наличие трех факультетов (юридического, медицинского и философского) с 10 профессорами на них (3-на юридическом, 3 — на медицинском и 4 — на философском), создание двух гимназий (для дворян и разночинцев отдельно), которые бы поставляли будущих студентов, наличие университетского суда и неподсудность профессоров, служащих и учащихся другим властям, прямое подчинение университета Сенату. Обучение было рассчитано на 3 года. Во главе университета назначался директор (первый-Алексей Аргамаков), который был лишь администратором. Университет имел двух кураторов, обычно крупных чиновников, государственных

деятелей, представлявших интересы университета перед двором и наблюдавших за общим состоянием МУ. Первыми кураторами Елизавета Петровна назначила И. Шувалова и Л. Блюментроста.

Профессора университета 5 дней в неделю читали лекции студентам и ежедневно должны были выступать с бесплатными 2-х часовыми публичными лекциями на латыни. По субботам под председательством директора проходили профессорские конференции, на которых определялся распорядок учения, какие предметы и по каким учебникам преподавать.

На учебу в университет принимались без различия сословий, даже крепостные, если помещик соглашался оплачивать их обучение и дать им вольную. Студенты университета носили форму, которая менялась несколько раз. Так, при Екатерине II у них были зеленые мундиры с красным воротником, обшлагами и подбоем. К этому прилагались шпаги и шляпы, напудренные прически. Учебный год начинался в июле и прерывался двумя каникулами: 18 декабря — 6 января и 10 июня — 1 июля. В последнюю субботу каждого месяца проводились студенческие диспуты, а в конце полугодия публичные диспуты. Студентам ежегодно предлагались темы для письменных сочинений и для лучших учреждались золотые и серебряные медали. Екатерина II интересовалась успехами студентов, и директор Херасков ежегодно докладывал императрице о результатах учебы, прилагая при этом ведомость, итоги большого экзамена, указывая, кто у кого учился. Например, о студенте Родионе Гвоздиковском сообщалось, что он натуральный недостаток разума награждает своим прилежанием и рачением, о студенте Николае Рубиковском — ничего не успел, хотя и оказывает свое рачение хождением на лекции.

В университете вводилась должность пристава, который следил за чистотой и порядком, знал, где живет любой студент, и каждое утро рапортовал директору о прошедшем дне. По университетскому Уставу " все профессора и служащие университета должны жить недалеко от него, дабы в прохаживании туда и назад напрасно время не теряли".

В основу Устава МУ были положены традиции ряда европейских университетов, что делало российский университет непривычным явлением в самодержавной стране: он имел необычные для России XVIII века права и вольности. В то же время профессора университета считали, что их права ограничены, и в 1765 г. поставили вопрос о выборном проректоре из числа ученых, о передаче профессорской конференции решения проблемы приглашения новых профессоров и т.п. В 1771 г. были изданы Правила поведения студентов МУ.

И в новом университете самой сложной была кадровая проблема. Правда, к этому времени появились первые русские профессора (Поповский и Барсов), которых зачислили в штаты, но большинство приглашалось из-за границы. В первые 50 лет существования МУ постоянно ощущалась нехватка профессоров. Поэтому приходилось часто одному профессору читать лекции по всем предметам целого факультета или решали посылать студентов слушать лекции в Петербург, где в АУ был нужный специалист. Все это отрицательно сказывалось на уровне преподавания. Д. И. Фонвизин, который поступил в гимназию при МУ с ее основания в 1755 г. и окончил университет в 1762 г., писал в своей Автобиографии, что преподавание было поставлено очень плохо, многие преподаватели не знали своего предмета. Он вынес из университета знание иностранных языков и интерес к словесным наукам, а из профессоров отмечал лишь Шадена, живо читавшего лекции по логике на латыни. Граф Воронцов, учившийся в МУ почти в то же время, просил отца забрать его из университета, ибо никаких знаний не получает, так как учителя — пьяницы, а ученики самые подлые поступки совершают и могут испортить человека самого лучшего воспитания. Основная масса приглашенных профессоров не знала русского языка, что затрудняло их общение со студентами. Долгое время происходили конфликты между российскими и иностранными профессорами, что также сказывалось на работе университета. Профессора Поповский и Барсов стремились преподавать ряд предметов на русском языке, но оказывались в меньшинстве.

В XVIII в. в дворянских семьях существовало предубеждение к университету и научной деятельности, детей стремились отдавать в кадетские корпуса. Поэтому первые 30 студентов МУ были набраны из учеников духовных учебных заведений, среди них не было дворянских детей, и только в 1759 г., когда состоялся первый выпуск из университетской гимназии, появились студенты из дворян. В течение всей второй половины XVIII в. количество студентов в МУ было незначительным, не превышало 100 человек, а число окончивших курс в отдельные годы измерялось единицами. Оценивая состояние МУ к началу 80-х гг. XVIII в., В. О. Ключевский говорил в своих лекциях, что университет еще не успел докончить своего обзаведения: были аудитории и кафедры, профессора и студенты, были обстановка и личный состав науки, но сама наука с трудом пробивалась сквозь то и другое, не успела еще обжиться на новоселье. Число студентов в иные годы не доходило и до сотни; иногда на всем юридическом, как и на всем медицинском, факультете оставалось по одному студенту и по одному профессору, который читал все науки своего факультета; студенты занимались в университете не более 100 дней в году; родной речи почти не слышно было с кафедр; люди хорошего общества еще побаивались пускать в университет своих сыновей.

Несмотря на все сложности и трудности, Московский университет рос и развивался, играл все большую роль в жизни общества, превращался не только в научно-учебный, но и культурный центр Москвы. Этому способствовало появление в 1756 г. ряда Указов императрицы: о разрешении университету иметь типографию, книжную лавку, выпускать газету. 26 апреля 1756 г. вышел первый номер "Московских ведомостей", которые редактировали профессора Поповский и Барсов. Газета сообщала о важнейших событиях в Европе и России, университетских новостях, помещала императорские Указы и т.д. 3 июля 1756 г. была открыта университетская библиотека, где желавшие могли читать по средам и субботам с 2 до 5 часов дня. 17 декабря 1756 г. состоялся первый студенческий диспут по философии: 2 студента защищали свои тезисы, а 4 их опровергали.

Особенно активно действовали университетские типография и книжная лавка в 80-е гг., когда их арендовал Н. И. Новиков. За короткий срок было издано несколько сотен наименований книг, рассчитанных на широкого читателя, развернулась в Москве книжная торговля новиковскими изданиями.

Уже в первые годы существования Московского университета Ломоносов, Шувалов и некоторые другие стремились побудить императрицу принять меры к поднятию престижа университетского образования. В 1756 г. появился Указ, в котором учеба в университете приравнивалась к государственной и военной службе, выслуга лет шла одновременно с учебой, успешно окончившим университет сразу присваивался обер-офицерский чин. В университет стали отдавать детей многие знатные семьи, но это продолжалось недолго, так как учение в России не вошло еще в плоть и кровь, учеников и студентов часто отвлекали от учебы, отзывали домой, устраивали на службу, а после опубликования Манифеста о вольности дворянской и совсем перестали посылать детей в МУ. Так, в 1760 г. были отчислены из университета Г. Потемкин и Н. Новиков, которые до этого блистали успехами. В конце века МУ получил право присуждать ученые степени, и в 1791 г. состоялся первый публичный диспут по диссертации Ф. Барсук — Моисеева “О дыхании”, получившего степень доктора медицины.

Нелегко приходилось и университетским профессорам: оплата была низкой (500 р. в год получал ординарный профессор и 400 р. — экстраординарный), ее иногда задерживали до года, приходилось давать частные уроки. Государственных денег университету не хватало, помогали меценаты. Так, семья Демидовых давала деньги, строительные материалы, книги, гербарии. Казеннокоштные студенты получали 100 р. в год, жили в общежитии вместе с гимназистами, помогали им в учебе и сами приобретали навыки воспитательной и преподавательской работы.

При Елизавете Петровне гетман Кирилл Разумовский думал открыть университет, по подобию Московского, в Батурине, но этот замысел не осуществился. Екатерина II, намечая большую программу реформ, хотела провести изменения и в системе образования. Предусматривалось открытие новых университетов в Екатеринославе, Пензе, Пскове, Чернигове, а для обеспечения их студентами создать в каждом губернском центре гимназии. Кроме того, ставился вопрос о внесении изменений в университетский Устав, так как давно многие его положения вызывали критику, не удовлетворяли профессуру. В проекте устава, подготовленном комиссией под председательством О. П. Козодавлева, взявшего за образец австрийский вариант, намечалось расширить количество кафедр, предоставить право преподавания магистрам и докторам, разрешить профессорам свободно излагать научные понятия, открыть университет для всех сословий, в том числе и крепостных, и т. д. Но занятая решением других проблем Екатерина II забыла о своих намерениях, и только ее внук приступил к их осуществлению в начале XIX в.

Преодолевая сложности и трудности, Московский университет за первые 50 лет своего существования занял почетное место в жизни российского общества. Среди его выпускников было много видных деятелей культуры, науки, профессоров, крупных чиновников. Издававшаяся университетом печатная продукция широко расходилась по стране и способствовала, как отмечал Ключевский, началу формирования общественного мнения в России. При университете возникло несколько вольных обществ, способствовавших распространению научных знаний, живому обсуждению злободневных вопросов российской действительности (Вольное российское собрание — 1771 г., Общество любителей учености и др.).

Глава 2. Российские университеты в первой половине XIX века

2.1. Расширение числа университетов и начало формирования российской университетской системы

В XIX в. возникла и получила свое оформление университетская система в нашей стране, выявились ее особенности, роль университетов необычайно поднялась в культурной и общественной жизни; было принято 4 университетских Устава, каждый из которых определял особенности определенного этапа в развитии университетов. Сложившаяся в России университетская система состояла только из государственных учебных заведений, называвшихся императорскими и находившихся в ведении Министерства народного просвещения. Находясь на государственном бюджете, российские университеты сильно зависели от пожертвований, на которые строились новые университетские здания, создавались библиотеки, музеи, клиники, выплачивались именные стипендии и т.д. Для XIX века характерно постоянное взаимодействие правительства и университетской общественности, принимавшее то форму сотрудничества, то конфликта, что особенно отразилось на содержании университетских Уставов, как мы увидим в дальнейшем.

В XIX в. в Западной Европе шла выработка различных моделей университетов: в Пруссии А. Гумбольдт предложил идею университета, объединившего образование и научную деятельность, в английских университетах превалировало воспитание джентльменов, французские больше готовили к практической деятельности; кардинал Ньюмен выступил с концепцией католического университета. Как показывает анализ, в России более всего была воспринята немецкая модель, но в нее внесены существенные изменения и дополнения.

Необходимо отметить, что в Российской империи существовали в XIX в. университеты, которые были обособлены от российских. Это, прежде всего, университет в Гельсингфорсе (первоначально в Або – Турку), являвшийся полностью самостоятельным, со своим Уставом, имевший тесные связи с немецкими университетами; затем Виленский университет, закрытый после польского восстания 1830-1831 гг., и Дерптский (Юрьевский), не называвшийся императорским, находившийся первоначально в подчинении Сенату, получивший собственный Устав. Деятельности этих университетов мы будем касаться лишь частично.

Что же представляло собой университетское образование в России к началу XIX в.? Оно находилось в зачаточном состоянии: Академический университет завершал свое существование, в Московском университете число студентов на всех факультетах и курсах обычно не превышало сотни, планы Екатерины II по созданию новых университетов и выработке Устава не были осуществлены. Павел I ввел ограничения в области образования, которые сказывались и на университетах (сократилось число средних учебных заведений, запрещен был ввоз книг из-за границы, прекращена посылка молодежи за рубеж для получения образования и подготовки к профессорской деятельности), не хватало профессоров для преподавания многих дисциплин и т. п.

В 1799 г. по просьбе дворянства Прибалтики в связи с запрещением молодежи ездить учиться в зарубежные университеты Павел I подписал Указ о создании Дерптского университета специально для дворянских детей из Прибалтийского региона. Однако открытие этого университета задержалось до 1803 г, тогда же он получил и свой Устав, существенно отличавшийся от Устава Московского университета. Во-первых, в Дерпте был богословский факультет; во-вторых, им управляла коллегия кураторов (по одному от рыцарства Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерний); в-третьих, непосредственно руководил университетом проректор, избиравшийся ежегодно по порядку из числа профессоров, он же одновременно заведовал хозяйственной частью; в-четвертых, в университете внедрялись порядки и традиции немецких университетов. Многие из этих особенностей сохранились и в последующие годы.

Новые веяния в развитии российских университетов непосредственно связаны с теми реформами, которые были осуществлены в первые годы царствования Александра I. Началось со снятия запретов, введенных при Павле I. В общей реформе образования университетам было отведено почетное место. Согласно утвержденным императором в 1803 г. "Предварительным правилам народного просвещения", они должны были стать центрами учебных округов, на которые делилась Россия, и курировать все учебные заведения на территории своего округа, в связи с этим стал вопрос об открытии новых университетов. Были выбраны Харьков и Казань, где наличие гимназий позволяло набирать студентов и приглашать их преподавателей на работу в университеты. Кроме того, намечалось создание университетов в Киеве, Тобольске и Устюге Великом. Александр I призвал делать пожертвования в пользу училищ и университетов. В ответ Демидовы передали более 0,5 млн. рублей на открытие лицея в Ярославле, Московский университет и будущие университеты в Киеве и Тобольске, харьковское дворянство собрало 400 тыс. руб. на свой университет.

Образование в 1802 г. Министерства народного просвещения решило вопрос о подчинении всех университетов непосредственно самому министру (первым министром стал 63-летний граф П.В. Завадовский).

Харьковский университет был торжественно открыт 17 (29) января 1805 г. Большая заслуга в этом принадлежала В. Н. Каразину, являвшемуся видным чиновником МНП. Каразин — патриот Харькова — приложил много усилий, чтобы поднять общественность на создание в городе университета. Выступая 11 августа 1802 г. в собрании харьковского дворянства, он говорил, что идея создать в Харькове университет поддержана Александром I, что губерния созрела для этого и предназначена стать центром просвещения, сыграть для России роль греческих Афин. Благодаря деятельности Каразина было собрано более 600 тыс. рублей пожертвований в Харьковской, Екатеринославской, Херсонской губерниях, получены здания генерал-губернаторства для размещения в них факультетов, квартир профессоров и студенческого общежития. Хотя не удалось сразу укомплектовать все кафедры (к началу занятий было 25 преподавателей из необходимых 45, в большинстве иностранцы), но занятия шли нормально и сразу по университетской программе. Первым ректором Харьковского университета был И.С. Рижский — профессор русской словесности.

Гораздо сложнее проходило становление университета в Казани, где он первые годы существовал как придаток гимназии, директор которой стал профессором и ректором. Имелось всего 2 заезжих профессора и 4 адъюнкта из гимназических учителей. Был принят 41 студент, в большинстве мальчики до 15 лет. Только к десятилетию своего существования университет окончательно оформился как высшее учебное заведение, хотя уже среди студентов третьего приема был Н.И. Лобачевский. В числе первых студентов Казанского университета находился известный писатель С. Т. Аксаков. Вспоминая студенческие годы, он отмечал, что мало вынес из университета научных знаний, что больше увлекался тогда театром и литературным обществом, возникшим при университете. Он также писал, что в те годы многие покинули университет, уйдя на военную службу, и наука лишилась многих замечательных умов.

Новые требования к университетам и Академии наук, возникшие в ходе реформ Александра I, вызвали необходимость в разработке новых уставов. Уже в 1802 г. император поручил сенаторам Муравьеву и Потоцкому, академику Н.И. Фусу составить комитет для рассмотрения новых уставов АН и МУ. От Московского университета в состав комитета вошел проф. Баузе. Проект университетского Устава был составлен Каразиным, а затем дорабатывался Фусом. 4 ноября 1804 г. Александр I подписал Грамоту о правах и привилегиях Московского университета, а 5 ноября был утвержден царем новый Устав Московского университета, действие которого было сразу же распространенно на Казанский и Харьковский, с 1819 г. на Петербургский и в 1820 г. на Дерптский, но не полностью. До этого, в 1803 г., был утвержден новый устав АН, в котором Академии наук поручалось заниматься только развитием науки, образование же было полностью передано в ведение Министерства народного просвещения.

Университетский устав 1804 г. исходил из опыта ряда западноевропейских университетов и учитывал почти столетнюю к тому времени историю университетского образования в России. Он был очень обширен по объему, состоял из 16 глав, включавших 187 статей. В первую очередь определялось, что есть университет - "высшее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное. В нем приготовляется юношество для вступления в различные звания государственной службы". Устав указывал, что университет находится под начальством МНП и в особом ведении попечителя учебного округа, назначаемого из числа членов Главного училищ правления при МНП. Обычно это были крупные государственные чиновники, пребывавшие в основном в столице и не докучавшие университетам мелочной опекой. Первыми попечителями были назначены: М. Н. Муравьев – Московский университет, Генерал-майор Ф. И. Клингер – Дерптский, граф Потоцкий – Харьковский, С. Я. Румовский – Казанский, князь А.Ю. Чарторыйский – Виленский.

По уставу университеты получали большую автономию и невиданную в тогдашней России демократию при решении своих внутренних вопросов, но все же не удалось ввести, по примеру немецких университетов, свободу преподавания, так как не хватало профессоров, и свободу слушания — из-за недоверия к самодеятельности студентов. Всей учебной работой руководил Совет под председательством ректора, составленный из всех профессоров и адъюнктов. Хозяйственные вопросы решались и судебная власть над всеми университетскими чинами осуществлялась Правлением, в которое входили: ректор-председатель, деканы факультетов и непременный заседатель, назначаемый попечителем из числа ординарных профессоров. Университет мог иметь собственную типографию, содержать свою гимназию, составлять ученые общества по разным наукам, проводить собственную цензуру для издаваемых и выписываемых книг.

Особое значение имело то, что по уставу осуществлялась выборность ректора и деканов, профессоров и адъюнктов, основные вопросы университетской жизни обсуждались и решались коллегиально: Советом и Правлением университета, факультетскими собраниями; ректор и деканы, принимая единоличные решения по важным вопросам, докладывали о них на Совете или собрании, они же отчитывались перед очередными выборами о проделанной работе. По уставу ректор избирался на 1 год, но в 1809 г. был установлен трехлетний срок полномочий ректора.

Университет состоял теперь из 4 факультетов с 28 кафедрами: нравственных и политических наук — 7 кафедр, физических и математических наук- 8, медицинских наук — 6, словесных наук — 7. Кроме 28 профессоров, в университете полагалось иметь 12 адъюнктов — помощников профессора, замещавших их в случае болезни или отсутствия, 3 учителей современных иностранных языков (английского, немецкого и французского), 3 учителей приятных искусств и гимнастических упражнений. Вводилось звание Почетного члена университета из числа прославившихся учением и дарованием российских и зарубежных деятелей; почетные члены отбира-

лись Советом по одному от факультета, они получали ежегодную университетскую пенсию и имели право голоса на общих собраниях.

Студенты учились в университете 3 года, для поступления представляли свидетельство директора гимназии об успехах, поведении и прилежании и документ об имущественном состоянии. Не окончившие гимназию сдавали экзамены по языкам и основам наук комитету, назначавшемуся ректором. Зачисление проводилось Правлением. За проступки ректор мог наказать студента карцером до 3 дней, Правление — до 2 недель, и только Совет имел право исключить из университета.

Студенты вначале изучали общие для всех факультетов науки и после этого могли покинуть университет, получив на торжественном собрании аттестат. Оставшиеся студенты приступали к изучению наук по специальности и, когда они считали, что овладели ими, требовали испытаний на степень кандидата. Чтобы получить ее, надо было выдержать письменный экзамен по специальности, затем устно ответить на два вопроса в основной науке и дополнительные вопросы присутствовавших, которые могли касаться и вспомогательных наук.

Для наблюдения за порядком и благочинием в университете попечитель назначал инспектора из числа ординарных профессоров. Совет избирал ему 2 помощников из кандидатов и магистров, которые должны были жить и питаться вместе со студентами в университетском интернате. Устав наделял большими правами факультетское собрание, решавшее важные вопросы: распределения лекций, проведения испытаний, присвоения степеней и т. д. Чтобы получить степень магистра или доктора, требовалось выдержать большую испытательную программу в присутствии всех членов факультета и 2 членов Совета, выделявшихся от других факультетов по жребию. С претендентом декан вместе с 2 профессорами по вспомогательным наукам проводил предварительную беседу, итоги которой докладывались факультетскому собранию, и оно решало: отказать или назначить день публичных испытаний. В этот день из написанных и хранимых тайно вопросов по науке, входившей в программу факультета, путем жребия выбиралось 2 вопроса для магистра и 4 — для доктора, на них должен быть дан вопрошаемым письменный полный ответ. Затем следовало устное испытание в других предметах, назначаемых экзаменатором. После этого в отдельном помещении в присутствии членов факультета отвечали письменно соответственно на 2 или 4 вопроса, выбранных по жребию, сочетая это с выполнением практических заданий: медик ставил диагноз, химик определял состав вещества и т.п. В заключение претендент на степень магистра должен был прочитать одну публичную лекцию, а на степень доктора — 3 по предметам, назначенным факультетом, и представить диссертацию для защиты в публичном собрании. В случае, когда факультет отказывал претенденту в испытаниях, повторное обращение с просьбой о допуске возможно было только через год.

По уставу 1804 г. университет становился центром учебного округа, из 6 ординарных профессоров создавался училищный совет университета, который осуществлял контроль за всей работой гимназий и училищ округа, а профессора систематически их инспектировали.

Таким образом, устав 1804 г. был важным шагом в развитии университетского образования в России, создал невиданную в условиях самодержавия автономную систему, способствовал повышению престижа университетов и совершенствованию их работы. Последующие события показали, что устав 1804 г. оставался во многом на бумаге, так как не соответствовал окружавшей действительности. Попечитель Виленского учебного округа Н. Новосильцев признал устройство российских университетов республиканским, "... несообразным с общими государственными установлениями России, основанными на единстве управления и непосредственной зависимости от верховной власти".

Как отмечали многие современники и исследователи, начало XIX века было очень плодотворным периодом в деятельности Московского университета, чему во многом способствовал его попечитель Михаил Муравьев (отец известного декабриста Никиты Муравьева). При участии Муравьева изменился состав профессоров, появилось много российской молодежи, получившей образование в лучших университетах Европы, большинство предметов стало преподаваться на русском языке. Сенатор С. П. Жихарев, учившийся в 1805 — 1807 гг., сообщал своему другу, что 5 предметов преподавалось на французском языке, 3 — на немецком и 11 — на русском. Иностранных профессоров приглашали в основном из Геттингенского университета, одного из ведущих в Германии и имевшего хорошую библиотеку на русском языке. С 1803 г возобновились публичные лекции, привлекавшие множество слушателей. Их высоко оценил Н.М. Карамзин, сказавший, что при таком уровне отечественных профессоров, можно не посылать молодежь учиться за границу.

При МУ открылось несколько научных обществ, сыгравших большую роль в развитии отечественной науки,: в 1804 г. — Общество истории и древностей российских, в 1805 г. — Общество соревнования медицинских и физических наук, Общество испытателей природы и т.д. Дальнейшему улучшению преподавания, особенно на медицинском факультете, способствовало создание в 1805 г. институтов: клинического, повивального, хирургического. В том же году открылся музей натуральной истории и был заложен ботанический сад.

30 июня 1805 г. торжественно праздновалось 50-летие МУ. Оно началось в 8 утра в Большой университетской аудитории, откуда все члены совета пошли на Божественную литургию в университетскую церковь. В 5 часов дня открылся торжественный акт, выступили с речами ректор Х.А. Чеботарев и представители факультетов. В торжественной обстановке проведено было производство преподавателей в ученые степени, а учеников гимназии — в студенты. Затем ректорство было передано профессору С. П. Страхову. Завершилось юбилейное торжество иллюминацией с 10 часов вечера.

Росту авторитета университетов способствовал Указ 1809 г., подготовленный М. Сперанским, по которому производство в 8-й чин Табели о рангах (коллежский асессор) стало возможно только для окончивших университет или сдавших экстерном экзамен по его программе.

Большое влияние на судьбы российских университетов оказала Отечественная война 1812 г. Оно было неоднозначно и особенно сказалось на Московском университете. Многие студенты и преподаватели добровольно вступили в армию, а на медицинском факультете фактически все профессора и сдавшие экзамен студенты стали врачами в русской армии, прошли в ее рядах от Москвы до Парижа, значительное число погибло или стало инвалидами, снискав себе славу самоотверженным трудом на полях сражений и в госпиталях.

В связи со вступлением войск Наполеона в Москву университет был срочно эвакуирован в Нижний Новгород. Поскольку все это делалось в спешке, многое не удалось увезти. 4 сентября московский пожар захватил здания университета, сгорело почти все, кроме больничного флигеля и ректорского дома. Профессор Х. Штельцер, остававшийся в Москве, описывал в письме ректору И.А. Гейму неоднократные нападения на университетские помещения с целью грабежа как французских солдат, так и москвичей, казаков и даже некоторых университетских чиновников. Погибли многие коллекции, приборы, значительная часть библиотечного собрания литературы и т. д.

В Нижнем Новгороде университет не открывался, и сразу после освобождения Москвы профессора и студенты стали стремиться домой. Однако реэвакуация университета встретила серьезные трудности, ибо генерал-губернатор Растопчин считал, что университет Москве не нужен, так как он рассадник якобинства и масонства. Возвращение университетского коллектива проходило постепенно, и первым сигналом его возрождения стал выход 23 ноября 1812 г. первого после освобождения Москвы номера “Московских ведомостей”. Долгие годы здания университета не восстанавливались, и только в 1817 г. под руководством известного архитектора Д. Жилярди началась реставрация, в основном, на пожертвованные средства. В ходе ее были внесены изменения в архитектуру, приблизившие здание к античным образцам. Университет получил от тысяч людей в дар книги, приборы, инструменты, коллекции, что помогло его полному возрождению.

Новый учебный год в МУ торжественно открылся 17 августа 1813 г. в арендованном доме купца Заикина, а для занятий сняли еще несколько зданий. В этом году было принято на первый курс 129 студентов и возвратились пропустившие год студенты 2-3 курсов. Значительно изменился состав профессуры, ибо в связи с войной уехали или были высланы многие зарубежные преподаватели. Их заменили молодые русские, не всегда достаточно подготовленные. Этот процесс затронул и другие российские университеты. Один из обучавшихся в МУ в эти годы писал в воспоминаниях, что студенты плохо готовились к занятиям, имели слабые знания, да и многие профессора были недостаточно подготовлены: на лекциях по древней истории проф. Черепанова не засыпал только тот, кто читал книгу; проф. Мерзляков был талантлив, но не готовился к лекциям, приходил на них в нетрезвом виде и выпутывался с помощью красноречия. Среди любимых профессоров студенты выделяли Н. Н. Сандукова, преподававшего практическое законоисскуство. На его лекциях разыгрывались судебные заседания, слушались дела, т. е. шла подготовка к будущей деятельности. При поступлении в университет каждый студент получал табель на латинском языке, где перечислялись предметы и имена профессоров, и ректор сам отмечал у каждого, какие надо было, по усмотрению ректора, обязательно слушать. Утренние лекции начинались при свечах с 8 утра, с 12 до 14 часов — обеденный перерыв, а затем занятия продолжались еще 4 часа.

Многие исследователи и современники отмечали, что после 1815 г. отношение Александра I к образованию в целом, и к университетам в частности, серьезно изменилось. Особенно это проявилось в назначении Голицына Министром народного просвещения и объединении в одном министерстве вопросов образования и духовных дел, в связи с чем во всех университетах открывались кафедры богословия, не предусмотренные Уставом. Вообще, в последнее десятилетие царствования Александра I начался настоящий поход против университетов, полностью игнорировался устав 1804 г., как либеральный и неприемлемый в условиях России. Так, ректор МУ А. А. Прохонович-Антонский писал в 1818 г. об очень плохом отношении к профессорам университета, которые годами не получали новых чинов, не могли дослужиться выше статского советника, работа в университете не ценилась, хотя он дал Отечеству более всего годных людей.

В 1819 г. Россия пополнилась новым университетом — Петербургским. Решение об его открытии было принято Александром I еще в 1803 г., но затем МНП и попечитель Петербургского учебного округа Н. Н. Новосильцев на 15 лет задержали его выполнение. Вместо университета в Петербурге был открыт педагогический институт, преобразованный затем в Главный педагогический институт, который имел неплохой профессорский состав и успешно готовил кадры преподавателей. Внезапно в самом начале 1819 г. приступили к форсированному созданию университета, и уже 14 февраля состоялось его торжественное открытие.

Значительную роль в открытии университета в С.-Петербурге сыграл попечитель округа С. С. Уваров, который разработал проект Устава из 345 параграфов (к сожалению, он не сохранился). Этот проект носил либеральный характер и подвергся нападкам Магницкого, заявлявшего, что проект полон крамольных идей и противоречит духу Священного Союза. В результате проект был отвергнут.

Университету было передано старое здание 12 коллегий, в него перешли преподавать и учиться профессора и студенты Главного педагогического института. Петербургский университет имел первоначально 3 факультета: философских и юридических наук, физических и математических наук, исторических и словесных наук (в этом университете никогда не было медицинского факультета, зато вскоре появился единственный в России факультет восточных языков). Профессорский состав нового университета оказался очень квалифицирован-

ным: известные иностранные ученые, главным образом из Германии, среди них выделялся профессор статистики К. Герман, и русские, получившие подготовку за рубежом, в их числе особенно известны профессор философии Галич, профессор общего права Куницын, профессор статистики и географии Арсеньев. СПУ впервые произвел разделение факультетов на отделения, т. е. ввел более узкую специализацию. Первый прием 1819 г. насчитывал 27 студентов, для которых была введена форма: синий мундир с красным воротником и петлицами, синяя фуражка с малиновым околышем.

В первые годы в новые университеты принималось по 20-30 студентов, только в Московском университете в начале 20-х гг. было около 700 студентов, в других менее чем по 100. Дворянские семьи по-прежнему отдавали детей в 14-15 лет на военную службу или в закрытые лицеи, благородные пансионы и т.п. Часть дворян ставила вопрос об открытии в университетах военных факультетов или кафедр.

В 1816 г., по указанию Александра I, был открыт Варшавский университет, но он носил чисто польский характер, имел свой особый устав, совершенно не был связан с российскими университетами и просуществовал всего 15 лет.

Для поднятия престижа университетского образования большое значение имело принятие в 1819 г. " Положения о производстве в ученые степени", которое ввело унифицированный для всех университетов порядок их присуждения: по окончании курса и получении аттестата — степень действительного студента, если оканчивал учебу с предоставлением письменного сочинения, то становился кандидатом наук, для получения званий магистра и доктора надо было показать соответствующее знание наук и защитить диссертацию.

Начало 20-х гг. ознаменовалось подлинным походом правительства и наиболее реакционных деятелей на ниве просвещения, таких как А.С. Стурдза., М.Л. Магницкий, Д. П. Рунич, граф Лаваль и др., на университетские автономии; вся академическая жизнь была отдана под надзор администрации в лице попечителя учебного округа, вводилась плата за обучение. Уже в Первоначальных правилах Петербургского университета, разработанных попечителем С. С. Уваровым, университетские права были сильно урезаны по сравнению с Уставом 1804 г. Александр I был напуган известиями из Германии об активности студентов, убийством писателя Коцебу студентом Зандом и боялся, как бы это не передалось российскому студенчеству. Поэтому император поддержал курс ряда реакционных деятелей просвещения, но не до конца, так как не одобрил предложений о полном закрытии университетов.

Инициатором антиуниверситетской кампании явились Стурдза и Магницкий: первый выступил в печати с памфлетом против университетского образования, а второй возглавил министерскую комиссию по проверке Казанского университета, а затем стал попечителем Казанского учебного округа и начал претворять свои идеи в жизнь. 6 дней работала комиссия в Казани и пришла к выводу, что университет надо уничтожить публично из-за его вреда для молодого поколения. Александр I наложил резолюцию" Зачем разрушать, можно исправить", для чего и послали Магницкого с подготовленной при его участии Инструкцией директору Казанского университета, высочайше утвержденной 17 января 1820 г. В этом документе определялось, как перестроить преподавание и воспитание, чтобы уничтожить "дух вольнодумства и лжемудрия", вывести студентов на прямую дорогу, воспитав из них истинных сынов православной церкви, верных поданных государю, добрых и полезных граждан отечеству (почти соответствует будущей формуле Уварова " православие, самодержавие, народность").

Инструкция подробно определяла направление преподавания каждого предмета и быт студентов, и в дальнейшем ее стали применять в других университетах. В преподавании философских наук, — говорилось в Инструкции, — должно быть отвергнуто то, что не согласуется с разумом Священного писания, ибо истина едина, а бесчисленны заблуждения; в преподавании физико-математических наук во всех курсах следует подчеркивать премудрость Божию и человеческую ограниченность в познании окружающих нас чудес; в преподавании политических наук главное показать, что власть монархов священна, установлена самим Богом; преподаватель словесности доказывает превосходство Библии над всеми другими книгами и авторов, излагавших священные сюжеты, над современными; после рождества Христова основное внимание в преподавании истории обращается на преимущества христиан перед язычниками и т.д. "Профессор истории Российской,- указывала Инструкция,- преподает ее во всей нужной подробности. Он покажет, что отечество наше в истинном просвещении упредило многие современные государства, и докажет сие распоряжениями по части учебной и духовной Владимира Мономаха, показав в то же время положение других европейских государств в сем отношении. Он распространится о славе, которой отечество наше обязано августейшему дому Романовых, о добродетелях и патриотизме его родоначальника и достопримечательных происшествиях настоящего царствования". Все прежние учебники и учебные руководства осудили как пагубные плоды западного просвещения. Магницкий повелел предать земле анатомический кабинет: были заказаны гробы, в них поместили все содержимое кабинета и после отпевания панихиды отправили на кладбище.

Бывший ректор университета Г. И. Солнцев был призван на университетский совет, где ему задали 217 вопросов, и на основании записей в отобранных у студентов тетрадях, признанных крамольными, его изгнали из университета (в николаевские времена Солнцев успешно сделал чиновничью карьеру). Магницкий уничтожал и создавал в университете кафедры по своему произволу (так была изгнана геология и открыта кафедра конституции с обличительной целью), перемещал профессоров с одной кафедры на другую, не считаясь с их специальностью, заставлял читать их лекции по 6 предметам одновременно — от древней истории до математики, предлагал ученым являться к нему домой, чтобы обучаться хорошим манерам. В университетских документах

летоисчисление велось не только от рождества Христова, но и от лета обновления университета. Один из современников характеризовал Магницкого, как внешне привлекательного человека, наделенного необыкновенным даром слова и большим умом, но, будучи на что-то обижен (в свое время был близким помощником М. Сперанского и вместе с ним попал в опалу), искажал и увеличивал до нелепости все правительственные меры; в душе либерал и вольнодумец, он преследовал всякую современную мысль и довел набожность до смешного ханжества.

Быт казанских студентов был перестроен по монастырским образцам, директору поручалось следить за поведением преподавателей и студентов не только в университете, но и дома. Результатом деятельности Магницкого явилось резкое ухудшение положения университета: лучшие профессора были изгнаны или ушли, кадров не хватало, некому было преподавать; за время Магницкого не было опубликовано ни одного научного труда, половина студентов признана неблагонадежной, а новых родители отказывались посылать учиться в Казань. Проверявший университет академик Г. Ф. Паррот в записке Александру I утверждал, что порядки в университете приведут к полной безнравственности. Проведенная в 1826 г. генералом Желтухиным ревизия обнаружила дезорганизацию университета из-за деятельности Магницкого, что привело к его снятию с поста.

В подражании Магницкому попечитель Петербургского учебного округа Рунич в 1821 г. повел наступление на местный университет. Началось с осуждения книги Куницына “Естественное право”, как содержавшей взгляды Руссо, и удаления самого автора, который был одним из популярных и образованнейших профессоров. Затем развернулся поход против всех политических и философских наук. Рунич обвинил ряд профессоров, что они читали лекции в духе, противном христианству, добился их осуждения на университетской конференции и изгнания. Вслед за ними были изгнаны и ушли почти все университетские профессора. Университет оказался в запустении, на ряде кафедр профессорами назначили людей без степеней и даже без высшего образования. Из-за нехватки профессоров были оставлены магистрами некоторые выпускники 1823 г., но и они подверглись вскоре разгрому. Рунича поддерживали министры: первоначально А.Н. Голицын, а затем и А.С. Шишков, позиция которого ясно видна из речи 11 сентября 1824 г.: “Науки полезны только в меру, излишества их, как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ, или несоразмерное число оного количества людей, принесло бы более вреда, нежели пользы. Главное в воспитании — правила и наставления в христианских добродетелях, а не знания”.

Только после отстранения Рунича в 1826 г. Петербургский университет начал восстанавливаться, но еще долгие годы он был лишен духа науки, особенно в гуманитарной области.

В Харьковском университете новые порядки не вводились в масштабах Казани и Петербурга, но и здесь был удален ряд профессоров, в результате их осталось 8 вместо положенных 28, установлены ограничения при выборе ректора и деканов, усилена цензура и запрещены многие старые издания, даже вышедшие по разрешению и при участии Екатерины II. По предложению харьковского попечителя МНП потребовало в 1824 г., чтобы каждый профессор представлял в совет подробный конспект лекций с указанием сочинений, которыми руководствовался. Без этого не разрешалось преподавать.

Московский университет пострадал менее других, ибо он был самый старый, самый крупный, имел уже определенные традиции, играл большую роль в жизни Москвы. Сказалась и известная оппозиционность московских верхов петербургскому чиновничеству. Но и здесь открыли кафедру богословия, перестали преподавать философию после смерти профессора Брянцева. В инструкции новому попечителю университета генералу Писареву в 1825 г. требовалось ужесточить порядок, усилить контроль над студенчеством. Но Московский университет сумел устоять и стал, по словам Герцена, “первый вырезываться из всеобщего тумана”.

За первую четверть XIX в. университетское образование в России сделало большой шаг, в первую очередь, в количественном отношении: вместо фактически одного, Московского, университета стало 7, а число студентов с сотни выросло до 3 тыс.

2.2. Университеты в николаевскую эпоху

Царствование Николая I в жизни российских университетов насыщено многими важными событиями, составляющими целую эпоху. С одной стороны, как отмечали многие современники, Николай I не испытывал уважения к университетам, особенно Московскому, из воспитанников которого вышло много видных декабристов (Никита и Александр Муравьевы, Сергей Трубецкой и др.). По воспоминаниям Н. И. Пирогова, Николай I, посетив Московский университет вскоре после восшествия на престол, был страшно рассержен, увидев написанную золотыми буквами фамилию декабриста Кюхельбекера на доске в зале университетского пансиона; в результате был смещен ректор, гражданский попечитель заменен военным. Царь подозревал в университетах очаги того свободомыслия, которое для него лично, как самодержца, было неприемлемо. Приехав в другой раз в университет, Николай I пошел сразу в студенческие комнаты, велел перетряхивать студенческие кровати и под одним тюфяком обнаружили тетрадь стихов Полежаева, который был отдан в солдаты. Вскоре после этого посещения ввели студенческие мундиры, что для бедных студентов было очень накладно.

Постоянно проявлялось стремление ограничить права и автономию университетов, органически вписать их в административно-бюрократическую систему страны, чтобы они не выделялись, не отличались по своим внутренним порядкам от других государственных учреждений. С этим связано желание изолировать университеты

от проникновения либеральных западных идей, подчинить их духовную жизнь строгому следованию знаменитой уваровской формуле: "православие, самодержавие, народность". (Хотя сам автор этой формулы, Министр народного просвещения С. С. Уваров, по словам известного историка С. М. Соловьева, "говорил о православии будучи безбожником, не веруя в Христа, о самодержавии — будучи либералом, о народности — не прочитав в свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-немецки".) С другой стороны, Николай I, являясь человеком достаточно умным, понимал необходимость развития образования, в том числе и университетского, для России. Поэтому университеты продолжали существовать, вместо закрывавшихся открывались новые, были достигнуты значительные успехи в деле развития университетского образования, в ряде университетов началось формирование отечественных научных школ. Одновременно принимались меры по ограничению возможностей получения университетского образования представителями непривилегированных сословий. Такая двойственность в отношении к университетам просматривается в течение всего периода, о котором пойдет речь в настоящем параграфе.

Уже в 1826 г. российские университеты начинали преодолевать последствия погрома, учиненного Магницким, Руничем и иже с ними. После ревизий, проведенных в Казанском и Петербургском университетах, Магницкий был отправлен в ссылку, а Рунич устранен с должности попечителя и снят с поста в Министерстве. В 1828 г. после пожара университет из Турку был переведен в Гельсинфорс и стал именоваться Императорским Александровским, при этом российский император числился канцлером этого университета, фактически не входившего в российскую университетскую систему.

Самой сложной проблемой для университетов вновь стал вопрос о кадрах, ибо были разогнаны лучшие профессора. В Петербурге шли разговоры о преобразовании университета в педагогический институт, чтобы готовить преподавателей гимназий и профессоров. Академик Г. Ф. Паррот предложил провести коренное преобразование российских университетов, так как в настоящем виде они ничтожны и бесполезны из-за отсутствия хороших профессоров. Поэтому надо всех старых профессоров удалить и заменить новыми из русских. С этой целью следовало оставить в России только 3 университета: Московский, Казанский, Харьковский, в каждом из них отобрать по 32 лучших студента (по числу кафедр) и отправить их на 5 лет учиться в Дерпт, не пострадавший от погромов, а затем еще на 2 года в Германию. После их возвращения заменить всех старых профессоров. Идеи Паррота попали на подготовленную почву, и в 1828 г. в Дерптском университете был открыт профессорский институт, готовивший кадры для российских университетов, но в меньшем масштабе, чем предлагал Паррот. Кроме того, в октябре 1827 г. Николай I повелел отправить за границу 20 лучших студентов Петербургского университета для подготовки к профессорскому званию. Те из них, кто изучал философию и право, направлялись в Берлин, естественные науки — в Париж. Одновременно в Петербурге был вновь открыт Главный педагогический институт.

Достаточно высокий уровень преподавателей сохранился лишь в Московском университете, но и здесь, судя по воспоминаниям выпускников, на 3-5 хороших приходилось 15-20 слабых профессоров. И только в середине 30-х гг., когда в Россию возвратились посланные на учебу в Дерпт, Берлин, Париж, уровень преподавания и университетской науки значительно возрос.

В то время, как в большинстве российских университетов первое десятилетие николаевского царствования проходило под знаком возрождения после погрома первой половины 20-х гг., развитие Московского университета шло более спокойно, и это были годы, когда он превратился в один из центров общественной жизни всей России. В этом процессе особую роль сыграло студенчество, оказавшееся под сильным влиянием патриотических идей 1812 г. и освободительных идеалов декабризма.

Особенно подробно дошли до наших дней сведения о жизни Московского университета в первой половине 30-х гг., ибо в эти годы среди студентов были такие в будущем крупные деятели отечественной культуры, выдающиеся писатели, как Белинский, Герцен, Гончаров, Лермонтов, К. Аксаков, Станкевич и многие другие. Именно они задавали тон в студенческие годы, а в своих воспоминаниях высоко оценивали университетскую среду, студенческое братство. За 10 лет (1825 — 1835) в Московском университете сменилось три попечителя: генерал-майор Писарев стремился навести порядок, вводил обязательное ношение студенческой формы, князь Голицын, будучи по натуре человеком добрым и очень богатым, старался материально помогать университету, но сам бывал там очень редко, передав бразды правления своему помощнику графу Панину и инспектору Голохвастову, которые отличались формализмом, неоправданной строгостью и ненавидели университет; наконец, МУ повезло, когда попечителем стал граф Строганов, не имевший правильного образования и глубоких знаний, но понимавший необходимость науки, поддерживавший ученых и преподавателей, стремившийся, чтобы дворянские дети заканчивали университет. Строганов, являясь ровесником и личным другом Николая I, добился его примирения с МУ, что также благоприятно отразилось на университете.

Одни авторы воспоминаний считали, что в 20-30-е гг. в Московском университете лучше всего преподавались естественные науки, другие отмечали профессоров филологии, истории, права, среди которых было много сравнительно молодых, получивших европейское образование. В воспоминаниях воспитанников университета один и тот же профессор оценивался по-разному: так, Гончаров хорошо отзывался о лекциях профессора теории изящных искусств и археологии Н. И. Надеждина, который читал без всяких записей, сообщая массу сведений и по другим наукам, а К. Аксаков писал, что студенты вначале Надеждиным увлекались, а затем быстро разочаровывались. Примерно также они оценивали лекции по мировой литературе С. Шевырева: Шевырев читал интересно всю мировую литературу (Гончаров), первая лекция Шевырева очаровывала, но ненадолго (Ак-

саков). Более резкие оценки давал профессорам Герцен, слушавший курсы естественных наук: профессор математики Чумаков подгонял формулы, профессор химии Рейс случайно занял эту кафедру, так как его дядя, известный химик, не желая ехать в Россию, послал своего племянника; Г. Мягков, читая лекции по тактике, выкрикивал команды и т.д.

Несмотря на такие преподавательские кадры даже в Московском университете, атмосфера студенческой жизни была очень здоровой, значительная часть студентов хотела получить знания, чтобы лучше служить России. Поэтому много занимались самостоятельно, возникали студенческие кружки и общества, шли постоянные споры. Особое место в духовной жизни Московского университета играл в те годы кружок Н. В. Станкевича. К. Аксаков, который не сочувствовал направлению мыслей участников кружка, признавал, что он был явлением в жизни всей Москвы, что в нем господствовала свобода мысли, не давил ничей авторитет, участники стремились познать чистую науку. Вообще, отмечал Аксаков, в его времена студенчество было на более высоком уровне, чем профессора, благодаря тому, что оно серьезно стремилось к знаниям. Произнося в “Былом и думах” слова благодарности Московскому университету, Герцен подчеркивал, что университет ему много дал, подтолкнул его развитие, завязал дружбу с однокурсниками, которая продолжалась долгие годы. В конце 30-х гг. Белинский посвятил МУ такие проникновенные слова: “...Московский университет — единственное высшее учебное заведение в России; он не знает себе соперников; у него есть история, потому что для него всегда существовало органическое развитие. В Московском университете есть дух жизни, и его движение, его ход к усовершенствованию так быстр, что каждый год он уходит вперед на видимое расстояние”.

На развитии университетского образования в России сказались события 1830-1831 гг. Так, из-за эпидемии холеры на несколько месяцев были прерваны занятия в МУ, в результате в 1831/1832 учебном году на первом курсе оказались и вновь поступившие, и не переведенные в прошлом году: таким образом возник один из самых выдающихся по составу студентов курсов (Герцен, Гончаров, Станкевич, Бодянский, К. Аксаков, Лермонтов и др.).

Очень интересные воспоминания об этом курсе оставил П. Ф. Вистенгоф, который, проучившись в МУ один год, как и Лермонтов, заканчивал через несколько лет Казанский университет и мог сравнить их порядки. В МУ лекции читались с 10 до 14 часов, они отличались монотонностью и бессодержательностью. Поэтому многие студенты их не посещали, вели светскую жизнь, проваливались на экзаменах, так как профессора требовали ответов дословно по тексту лекций. В университет надо было являться в форменных сюртуках (двубортный с металлическими желтыми пуговицами) и темно-зеленой фуражке с малиновым околышем. Кроме того, имелась парадная форма: однобортный темно-зеленый суконный мундир с фалдами, малиновым стоячим воротником и двумя золотыми петлицами, треугольная шляпа и гражданская шпага без темляка.

20-30 % студентов составляли казеннокоштные, которые жили в общежитии на всем готовом, но по окончании должны были несколько лет провести на государственной службе. Университетская полиция строго следила за формой студентов, их внешним видом и поведением. Основным видом наказания было помещение в карцер, но применялись и другие: так, помощник попечителя граф Панин приказал обрить наголо 2 студентов, отрастивших бороды.

В Казанском университете, вспоминал Вистенгоф, все было миниатюрнее, чем в Москве, но порядки более строгие, за всем следил сам попечитель М. Н. Мусин-Пушкин, имевший солдафонские замашки. Студентов обязали носить форму и вне университета, по субботам и перед праздниками посещать университетскую церковь и вели учет их проступкам. Беспощадно преследовали бороды, усы, баки, длинные волосы. Сам попечитель ходил на все экзамены и задавал студентам вопросы.

В 1831 г. закрыли власти Виленский и Варшавский университеты, так как многие их воспитанники и студенты были активными участниками польского восстания 1830-1831 гг., а подчиненный Виленскому университету Волынский лицей перевели сначала в Житомир, а затем в Киев. На его базе правительство решило открыть университет — умственную крепость вблизи военной — с целью подавить дух польской национальности и слить его с общим русским духом (С. С. Уваров). По указу Николая I от 8 ноября 1833 г. в Киеве создавался университет в составе юридического и философского факультетов. Для университета был введен временный устав, сильно отличавшийся от устава 1804 г. Он действовал до 1842 г. Этот устав значительно ограничивал университетскую автономию и усиливал вмешательство чиновников в университетские дела. В связи с нехваткой кадров большая часть кафедр была замещена учителями лицея, преподавателями Киевской духовной академии и гимназии. Даже физику преподавал профессор из Духовной академии. Лучше дело с преподавателями обстояло на юридическом факультете, где оказалось много выпускников зарубежных университетов. Состав преподавателей определил характер преподавания и устройство — они напоминали в первые годы гимназические.

На первый курс в 1833 г. было принято 62 студента, а к 1838 г. их число возросло до 267. Необычайно высок был % дворян среди студентов Киевского университета — около 90. Основную массу студентов и преподавателей составляли поляки, среди которых возникали конспиративные общества, имевшие часто антирусскую направленность. Борьба польских и русских элементов в Киевском университете продолжалась долгие годы, принимала нередко острые формы, что послужило причиной временного закрытия университета в 1839 г. и чистки его состава. Первым ректором Киевского университета был профессор МУ М. А. Максимович, который способствовал проникновению русского влияния, сохраняя при этом наилучшие отношения с польскими профессорами.

В последующие годы в Киевском университете святого Владимира был открыт медицинский факультет на базе закрытой Виленской медицинской академии, введена, по примеру Дерпта, доцентура для подготовки к профессорскому званию, разработан новый устав, существенно отличавшийся от устава 1835 г. для российских университетов.

Так как устав 1804 г. систематически нарушался, многие его пункты были отменены последующими царскими указами и правительственными распоряжениями, а часть явно устарела, то уже с конца 20-х гг. встал вопрос о принятии нового университетского устава. Министр народного просвещения С. С. Уваров считал, что новый устав должен быть проникнут духом его триединой формулы (православие, самодержавие, народность), в нем необходимо усилить надзор за университетами, не допускать к университетскому образованию молодежь низших сословий. Все это нашло отражение в "Общем уставе императорских российских университетов", высочайше утвержденном 26 июля 1835 года" и включавшем 9 глав и 168 статей. Устав был предназначен для 4 университетов: Московского, Санкт-Петербургского, Казанского и Харьковского. По новому уставу университеты были освобождены от надзора за образовательными учреждениями в учебных округах, т. е. стали заниматься только своими внутренними делами. Университеты потеряли ряд судебных привилегий, возросла роль попечителя в управлении университетом, ибо теперь попечитель жил в университетском городе, постоянно присутствовал в университете, мог председательствовать в Совете, ему непосредственно подчинялось Правление университета, он назначал инспектора из гражданских или военных чиновников, мог приостановить любое решение Совета или ректора. Восстановлена была выборность ректоров и деканов, срок их полномочий увеличен до 4 лет, но ректор окончательно утверждался императором, проректор и деканы — министром. Функции Совета университета были ограничены, в основном, выборными делами. Совет с утверждения попечителя назначал ежегодно день для торжественного заседания университета, на котором с докладами выступали профессора, читались отчеты, провозглашались имена выпускавшихся с аттестатами студентов, им выдавались шпаги и дипломы на ученые степени действительного студента и кандидата наук.

Устав 1835 г. менял структуру университета: создавалось три факультета — медицинский, юридический, философский с двумя отделениями (физико-математическое и историко-филологическое), число кафедр увеличивалось до 53, впервые формировались кафедры русской истории, истории и литературы славянских наречий и некоторые другие. В каждом университете открывалась общеуниверситетская кафедра богословия, церковной истории и церковного законоведения для всех студентов греко-российского вероисповедания. Кроме лекторов по иностранным языкам, в университетах могли быть учителя рисования, фехтования, музыки, танца, а в Казанском и Харьковском — верховой езды.

Устав определял обязанности профессора, адъюнкта, студента, должностных лиц, особо подчеркивая соблюдение нравственных норм; хотя в уставе сказано было, что профессор должен иметь степень доктора, а адъюнкт, по крайней мере, магистра, но разрешалось во главе кафедры ставить экстраординарного профессора и даже кандидата, если нет достойного ординарного профессора. Очень четко были сформулированы обязанности профессора: должен полностью правильно и благонамеренно преподавать свой предмет, представлять данные о ходе и успехах наук, им преподаваемых, в ученом мире, участвовать в заседаниях Совета, факультетского собрания и Правления, если он туда избран. Профессор преподавал не менее 8 часов в неделю, в конце семестра устно проверял знания студентов. За неявку без законных причин на занятия у преподавателя удерживалась часть жалования, которое было увеличено у профессоров в 2,5 раза, а у адъюнктов — в 4 раза.

По новому уставу все, поступавшие в университет, сдавали экзамены; от них могли освободить только окончившего гимназию с хорошим аттестатом. Срок обучения был продлен на юридическом и философском факультетах до 4 лет, а на медицинском — до 5. Устанавливались каникулы: с 10 июня по 22 июля и с 20 декабря по 12 января. Студенты, отлично окончившие университет, могли сразу получить степень кандидата, а остальные допускались к экзамену на кандидата. Устав расширял административный надзор за студентами, обязывал их носить определенную форму. Хотя в уставе не было прямо сформулированных положений об ограничении доступа выходцев из низших сословий, но отмечалось, что университетское образование дает излишние в их жизни знания, чем обманываются надежды родителей и ожидания юношей. То, что не вошло в устав, отразилось в "Правилах испытаний для желающих поступить в университет", принятых МНП в 1837 г.

Устав предусматривал, чтобы университет имел свою цензуру, свободно и беспошлинно выписывал из-за границы учебные пособия, зарубежная литература для университетов не подвергалась цензуре. Университеты получили право учреждать особые ученые общества для совместного изучения какой-либо науки, уставы которых утверждались министром.

Оценивая в целом устав 1835 г., можно отметить, что он уже сильно отошел от уставов западноевропейских университетов, что в нем запечатлены многие черты собственно российской системы. Он сыграл большую роль в успехах российского просвещения в последующее десятилетие.

Вслед за новым университетским уставом вырабатывалось Положение об испытаниях на ученые степени, которые входили в компетенцию университетов. В 1837 г. было введено краткое экспериментальное положение с многими неясностями, за что подверглось профессорской критике. В 1844 г. оно было заменено более подробным, соответствовавшим новой кафедральной структуре, введенной в университетах Уставом 1835 г.

Современники и исследователи отмечали, что десятилетие после принятия Устава 1835 г. было очень плодотворным для российских университетов. С. С. Уваров связывал это с внедрением в университетскую жизнь своей триединой формулы. Но, очевидно, были другие обстоятельства, обеспечившие успехи университетов.

Среди них можно отметить: упорядочение внутри университетской жизни в связи с принятием устава, изменение профессорского состава после возвращения из европейских университетов и Дерпта большой группы молодых, талантливых и широко образованных преподавателей, создание первых солидных научных школ в российских университетах, переход к преподаванию большинства предметов на русском языке и т.д.

Изменения, происходившие в стенах университетов, сказались на их авторитете в обществе: возросло число студентов с 2 тыс. в 1836 г. до 4 тыс. в 1848 г., в том числе в Киевском университете более чем в 3 раза (с 203 до 663), в Московском — почти в 3 раза (с 441 до 1168) и т. д., повысился удельный вес среди студентов выходцев из дворянской и чиновничьей среды, укрепились связи университетов с обществом (чтение публичных лекций, сотрудничество МУ с Малым театром, активное участие многих профессоров в издании художественно-публицистических журналов, проведение открытых диспутов при защитах диссертаций и т.п.)

Известный российский ученый, академик Ф. Буслаев, учившийся в Московском университете в 1834-1838 гг., вспоминал, что новый период в истории университета начался с появления молодых профессоров, получивших образование за границей: на юридическом факультете это были Крылов, Баршев, Редькин, позднее — Лешков, на историко-филологическом — Печерин, Крюков, Чивилев, позднее -Меньшиков, Бодянский, Грановский, на медицинском — Анке, Армфельд, Иноземцев, Филомафитский, на физико-математическом — Драшугов, Спасский и др. Произошла и смена попечителя и инспектора, вместо князя Голицына и Голохвастова появились граф Строганов и Платон Сергеевич Нахимов (родной брат известного адмирала), при которых в университете были достаточно либеральные порядки, во всяком случае карцер пустовал. Расширилась материальная база университета за счет открытия новых кабинетов: минералогии, сравнительной анатомии сельского хозяйства, улучшения оборудования физического кабинета и Музея натуральной истории, пополнения библиотеки современной литературой, слияния Московской медико-хирургической академии с медицинским факультетом. Расширение числа кафедр и увеличение профессорского состава позволило ввести в 1837 г. специализацию студентов с 3-го курса физико-математического отделения и 4-го курса историко-филологического. В университете появились первые научные школы: зоологическая, созданная К.Ф. Рулье, славистов во главе с О. М. Бодянским.

Особую роль в жизни Московского университета сыграл в 30-40-е гг. Т.Н. Грановский. Выпускник Санкт-Петербургского университета, он был послан от Московского университета в Германию для подготовки к профессорскому званию. Здесь он основное время провел в Берлинском университете, слушал лекции по истории и философии Вердера, Ранке и др., увлекся историей средних веков и решил подготовить курс лекций по этому предмету. В 1839 г. Грановский начал читать в МУ лекции по истории средних веков сразу на 2 факультетах: для юристов и для филологов. Кроме того, он выступал с публичными лекциями, которые собирали огромную аудиторию, горячо их воспринимавшую. У Грановского был слабый голос, но в аудитории стояла такая тишина, что каждое слово проникало в души присутствовавших, позволяло им зримо представлять прошлое, ощущать себя участником исторических событий. Публичные лекции Грановского, — говорил Чаадаев, — имеют историческое значение: они тесно связывали московское общество с университетом, а университет с общественной жизнью. Большим событием стала защита Грановским магистерской диссертации: актовый зал университета был переполнен, появление Грановского, его выступления, ответы встречались громкими аплодисментами, выступавших против него Бодянского и Шевырева освистали, а Грановского восторженно проводили до экипажа. После этого диспута попечитель сделал выговор деканам факультетов, запрещены были аплодисменты на диспутах, на них стали допускать только студентов старших курсов.

Обучавшиеся в 30-40-х гг. в Московском университете отмечали, что студенты много внимания уделяли занятиям, стремились получить знания. Недельная нагрузка составляла от 18 часов на 1-м курсе юридического факультета до 45 часов на 5 курсе медицинского. Лекции читались с 9 до 14 часов в больших аудиториях, где собиралось по 200 и более человек. Как только аудитория открывалась, в нее врывались студенты, чтобы захватить место поближе к кафедре. Некоторые оставляли на занятом месте фуражку, и тогда оно было неприкосновенно, оставленную же тетрадку могли смахнуть. Большинство профессоров читали самостоятельные курсы, их приходилось записывать дословно, ибо литографированных лекций еще не было.

В середине 30-х гг. казеннокоштные жили в студенческом общежитии, занимавшем верхний этаж старого здания МУ. Здесь было 15 номеров, в которых размещалось 100 медиков и 50 с философского факультета. Подъем был в 7 утра, в 8 — чай с булками, в 14,5 — обед, после которого в номерах занимались до 20 часов (ужин), в 23 часа — отбой. Спать шли в дортуары в правом крыле здания. Между номерами и дортуарами имелась большая комната для бритья, умывания и т.п. На этаже был небольшой кабинет, где находился суб- инспектор, следивший за поведением студентов.

В Казанском университете в 30-40-е гг. уровень преподавания резко возрос, особенно по математическим и естественным наукам. Прежде всего следует отметить, что усилиями окончившего университет в 1833 г. Н.Н. Зинина зародилась школа химиков-органиков, существующая на высоком уровне непрерывно до сегодняшнего дня (небывалое явление в истории мировой науки), питомцы этой школы преподавали химию во всех остальных российских университетах.

Харьковский университет, преодолев трудности 20-х гг., добился определенного прогресса, способствовал просвещению украинского дворянства, подготовил много образованных людей. Известный историк Н.И. Костомаров, учившийся в 30-е гг. в Харькове, выделил 4 категории студентов:

1) богатые сынки, жившие на пансионе у профессоров и стремившиеся любым способом получить диплом, что было не трудно при общей продажности;
2) молодые люди, которым диплом нужен был для службы, они учились порядочно, но без любви к науке, это были медики и будущие чиновники;
3) молодые люди, действительно занимавшиеся наукой, увлекавшиеся философией, будущие учителя гимназий;
4) не настолько богатые, чтобы жить у профессоров, и не настолько трудолюбивые и даровитые, чтобы заниматься наукой.

Большое влияние на студенчество имели молодые профессора М.М. Лунин (всеобщая история) и А.О. Валицкий (греческая словесность). Н.И. Костомаров отмечал, что лекции Лунина отличались богатством содержания и критическим направлением, они возбудили у Костомарова любовь к истории. Другой выпускник ХУ М.П. Де-Пуле подчеркивал, что Лунин оказывал большое влияние не только на университет, но и на весь город, записи его лекций хранились в семьях и через десятилетия. В Харьковском университете, — отмечал один из окончивших, — сложился особый тип студента — идеалист с сентиментальным оттенком. Он мечтал о деле, но не принимался за него. Все вырождалось во фразерство, в неумение взяться за серьезное дело.

Санкт-Петербургский университет в 30-40-е гг. не блистал кадрами профессоров, среди его выпускников тех лет немногие прославили себя на ниве науки и культуры. К тому же в университете сильно возросло число студентов из аристократических семей, которым университетский диплом нужен был для престижа или карьеры. Не случайно, что именно в СПУ в 30-е гг. сложились единственные в истории российских университетов студенческие корпорации, по примеру немецких и Дерптского университетов. Таких корпораций было две:Рутения — для русских и Балтика — для прибалтийских немцев. На основе традиций Дерпта были разработаны уставы корпораций, отличавшихся друг от друга цветом и фуражками. Основное внимание корпорации уделяли дружеским пирушкам, дуэлям, строгому соблюдению корпоративных правил, находясь вдали от учебной и общественной жизни. Один из студентов СПУ, входивший в корпорацию Рутения, вспоминал, что по утрам корпоранты занимались уроками фехтования и научились хорошо владеть оружием. Хотя корпорация была невинной студенческой забавой, начальство очень боялось ее существования. Поэтому приходилось конспирировать, брать псевдонимы, тайно носить корпоративные знаки. В русской корпорации, в отличие от немецких, самым большим почетом пользовались не дуэлянты и умевшие пить, а морально выдержанные, умные, эрудированные студенты.

В целом поступательное развитие российских университетов до середины 40-х гг. стало тормозиться во второй половине 40-х гг., и этот процесс особенно усилился в связи с начавшимися в 1848 г. революционными событиями в Западной Европе. Правительственные круги России и сам император видели в университетах опасные очаги свободомыслия и приложили большие усилия, чтобы ограничить их деятельность. Ходили слухи о предстоявшем полном закрытии университетов, в связи с чем С. С. Уваров в 1849 г. инспирировал появление статьи профессора Давыдова в защиту университетов. Уваров получил запрос от Бутурлинского комитета, как могла такая статья быть пропущена цензурой (дело в том, что цензура подчинялась тогда министру народного просвещения). Это вынудило Уварова уйти в отставку, и долго искали нового министра. Получив в январе 1850 г. докладную записку товарища министра П.А. Ширинского-Шихматова, в которой доказывалось, что университетское преподавание должно быть поставлено так, чтобы впредь все положения и науки были основаны не на умствованиях, а на религиозных истинах в связи с богословием, император заявил: “Чего же нам еще искать министра просвещения? — Вот он найден”. Так стал министром народного просвещения человек, о котором говорили, что его назначение не только шах, но и мат просвещению. И действительно, в годы управления министерством Ширинского-Шихматова университеты России понесли большие потери.

Поворот в университетской политике начался уже с 1846-1847 гг. и связан был с событиями в Киевском и Харьковском университетах, где обнаружили конспиративные студенческие организации поляков и украинцев. Императорскими указами эти университеты были подчинены генерал-губернаторам, отменялись многие университетские свободы, сокращалась выборность, усиливался полицейский надзор. Часть прогрессивных профессоров была уволена, некоторые ушли в другие сферы деятельности, сократился приток крупных ученых из-за рубежа.

В Киевском университете генерал-губернатор Бибиков повел наступление на польский язык, насильственно внедрял русский, а большинство студентов и профессоров были из западных губерний, говорили в основном по-польски. Постепенно общественная жизнь в университете замирала, русские студенты уделяли, в большинстве своем, внеучебное время игре на биллиарде, картам, посещению публичных домов. Польские же студенты перенесли свою политическую деятельность в подполье.

С началом революционных событий в Европе меры, принятые в Киевском и Харьковском университетах, начали распространяться и на другие. Запрещены были командировки за рубеж для подготовки к профессорскому званию и прекратилось приглашение в российские университеты зарубежных профессоров, что резко ограничило контакты с мировой наукой. Количество студентов в университетах не должно было превышать 300 человек, и поэтому прекратили прием на всех факультетах, кроме медицинского, студентам которого был запрещен переход на другие факультеты. В результате общее число студентов в российских университетах снизилось с 4, 5 тыс. в 1848 г. до 3 тыс. в 1853 г. Особенно сократилось их количество в Санкт-Петербургском университете, где не было медицинского факультета. Прекратилось преподавание многих теоретических предме-

тов, в первую очередь, философских, остались только логика и психология, читать которые поручалось профессорам богословия. Сами философские факультеты были раскассированы, их заменили историко-филологические и физико-математические.

Вокруг университетов сложилась тревожная обстановка. Так, Н. Г. Чернышевский в одном из писем в Саратов в начале 1849 г. сообщал, что слышал разговоры о закрытии всех университетов, кроме С.-Петербургского и Московского, а проф. Никитенко слышал о проекте учреждения вместо этих двух университетов корпусов для подготовки дворян к государственной службе. Один из крупных государственных деятелей тех лет Д. Бутурлин предлагал закрыть все университеты.

Принимались меры к изменению социального состава студенчества. С этой целью повышена была плата за обучение и ограничивался прием не дворян. На докладе, представленном НиколаюI в январе 1850 г. "О принятии в университеты преимущественно молодых людей, имеющих право на вступление в гражданскую службу", император начертал — исполнить. А в докладе речь шла о том, что выходцы из низших сословий, получая университетское образование, поступали на государственную службу и добивались дворянства, не имея большей частью никакой недвижимой собственности, слишком много мечтая о своих способностях и знаниях, и поэтому гораздо чаще делались людьми беспокойными и недовольными существовавшим порядком вещей. Автор доклада просил императорского позволения, чтобы в университетах при приеме в студенты отдавалось предпочтение тем, кто на основании законов имел право на вступление в гражданскую службу (дворяне, купцы 1-й гильдии и т.п.). Молодые люди других сословий могли обучаться на богословском факультете в Дерпте, а на остальные факультеты поступать, если там оставались места после приема дворян.

Выборы ректоров университетов были заменены их назначением министром с утверждением императором. Главной обязанностью ректора и деканов стал надзор за преподаванием. Каждый профессор должен был представить декану подробную программу курса с указанием используемой литературы, ее утверждали на факультетском собрании и ректор. Декан обязан был следить за точным соответствием лекций программам и докладывать о любом отступлении.

Новые требования резко понизили уровень преподавания. Устрялов, учившийся в 1852-1856 гг. в Санкт-Петербургском университете, вспоминал, что многие профессора читали одни и те же лекции из года в год, а так как у студентов были теперь литографированные тексты, то они по ним следили. На экзаменах требовали заучивания текста, часто без понимания его смысла. Логику юристам читал профессор богословия Райковский так, что ни профессор, ни студенты не были в состоянии уяснить себе, о чем идет речь. Поэтому на экзамен студенты приходили, не заглядывая в записи лекций, и отвечали, что Бог на душу пошлет. Большинство получили пятерки. В связи с нехваткой преподавателей возникали совершенно неожиданные курсы: так, юристам прочитали лекции о строительном искусстве. Бывший в те годы попечителем СПУ Мусин-Пушкин имел ограниченное образование, пришел в университет с военной службы и стремился ввести в университете аракчеевскую дисциплину путем наказаний. Он ежедневно бывал на лекциях, проверял их посещаемость, пересчитывал число пуговиц на студенческих сюртуках, следил за длиной стрижки и т.п.

В связи с Крымской войной в российских университетах была введена военная подготовка, желавшим студентам предлагали поступать на военную службу, где их через 3 месяца производили в офицеры. После 6 часов лекций еще 3 часа уделялось военным занятиям: лекциям по артиллерии, фортификации, маршировке.

Меры правительства в отношении университетов сказались не только на уровне университетского образования, но и на гимназиях: в них сократился приток преподавателей с университетским образованием, прекратилось преподавание греческого языка и меньше стало латыни, что затрудняло выпускникам гимназий поступление в университеты.

Наиболее заметным событием университетской жизни в середине 50-х гг. было празднование 100-летия Московского университета. Программа юбилея утверждалась еще в 1851 г. Николаем I, был создан комитет по подготовке во главе с ректором А.А. Альфонским. Юбилейные издания готовились под руководством проф. Шевырева, который написал и книгу по истории МУ. Праздничные торжества начались утром 12 января 1855 г. богослужением в университетской церкви, в 19 часов в круглом актовом зале открылось торжественное заседание, зачитали царский рескрипт, прослушали речь ректора и доклад Шевырева о столетней истории университета, выступление С. М. Соловьева "Благодарное воспоминание об Иване Ивановиче Шувалове".

Актовый зал был переполнен, многие выпускники стояли в проходах, в открытых дверях, даже не попали в зал. Шумно приветствовали любимых профессоров, особенно Грановского. 13-14 января в университете проходили торжественные обеды, а на квартирах профессоров и выпускников многочисленные частные собрания и встречи.

Если в целом в царствование НиколаяI произошли качественные сдвиги в развитии университетской системы в России, то количество университетов даже сократилось, а общее число студентов осталось без изменений. Поэтому можно считать, что происходил определенный застой в развитии университетов.

Глава 3. Изменения в университетах России во второй половине XIX века

3.1. Российские университеты в эпоху буржуазных реформ

Обычно новый этап в развитии российских университетов связывают с вступлением на престол Александра II. Однако факты свидетельствуют о том, что уже в последний год царствования Николая I начались определенные изменения в отношении к образованию в целом, и университетам в частности. Был создан Комитет по преобразованию учебных заведений под руководством Д. Блудова. В 1854 г. назначен новый министр народного просвещения С. С. Норов (брат декабриста), который совместно со своим неофициальным советником А. В. Никитенко (профессором СПУ и либеральным цензором) представили царю доклад о необходимости улучшить положение университетов. Если в 1854 г. Николай I не разрешил праздновать 50-летие Казанского университета, то в 1855 г. 100-летие МУ отмечалось торжественно, и царь по этому случаю прислал университету Благодарственную грамоту. Кроме того, в 1854 г. после многолетнего перерыва разрешено было увеличить прием в некоторых университетах, но только на медицинских факультетах.

С началом правления Александра II процесс перемен ускорился, постепенно отменялись наиболее стеснительные запреты предыдущих лет. Уже в 1855 г. были сняты ограничения по приему студентов, с 1856 г. вновь отправлялись выпускники в зарубежные университеты для подготовки к профессорскому званию, восстановлены права университетов по выборам ректоров и деканов, с 1859 г. разрешено выписывать книги из-за рубежа без цензуры, с 1860 г. возрождались прежние кафедры философии, государственного права и открывались новые в соответствии с требованиями времени. В короткий срок обозначился быстрый рост числа студентов университетов, за 8 лет в среднем в 2 раза, а в СПУ — в 3,5 раза. Происходила быстрая смена состава преподавателей, профессорский состав обновился почти на 50% за 1855-1862 гг., особенно на юридических факультетах. На кафедрах появилось много молодых профессоров, в том числе и из числа считавшихся политически неблагонадежными, подвергавшихся ссылке и т.п. Так, на кафедру русской истории СПУ был избран Н. И. Костомаров, только что вернувшийся из ссылки и сменивший консервативного Устрялова. Кафедру истории российской словесности возглавил 27-летний А.Н. Пыпин (двоюродный брат Н.Г. Чернышевского), на юридическом факультете СПУ появились К. Кавелин, В. Д. Спасович и т.д. В эти годы старое соперничество Московского и Санкт-Петербургского университетов продолжалось, но если в предшествовавшие годы пальму первенства держал МУ, то теперь она переходила к СПУ.

В воспоминаниях студентов, учившихся во второй половине 50-х гг. в российских университетах, отразились перемены тех лет: постепенная перестройка студенческой жизни, изменения преподавательского состава, отмена ряда ограничений для студенчества. Разрешено было носить форму только в университете, а затем и это стало необязательным. Студенческие кружки интересовались только внутриуниверситетскими делами: диспуты, споры, обсуждения, коллективные читки, совместная подготовка к экзаменам. Собираясь вместе, студенты, в основном,пили чай и пели лирические песни. И первые студенческие сходки в университетах в конце 50-х гг. были посвящены академическим вопросам: выпуску сборников студенческих работ и т.п. Только примерно с 1859 г. политические проблемы, особенно в связи с готовившимися реформами, стали привлекать внимание студенчества. Этому способствовало активное участие многих профессоров, в первую очередь СПУ, в различных правительственных комиссиях и комитетах по разработке проектов реформ. Фактически впервые в истории России знания ученых были востребованы правительством при выработке нового политического курса.Особое внимание в университетах вызывала крестьянская реформа, абсолютное большинство преподавателей и студентов выступали против крепостного права.

Произошла коренная смена лиц, возглавлявших университеты, попечители из военных были заменены гражданскими чиновниками, а попечителем Киевского университета стал выдающийся хирург, профессор Н. И. Пирогов (первый случай в истории российских университетов). В качестве ректоров появились молодые талантливые ученые: Киевский университет возглавил 34-летний профессор Бунге Н. (в будущем министр финансов России), Казанский — 32-летний проф. химии А.М. Бутлеров. Решающим влиянием в СПУ пользовался проф. Кавелин К., избранный деканом юридического факультета. Киевский и Харьковский университеты были освобождены из-под опеки генерал-губернаторов.

В интересных воспоминаниях Пантелеева Л.Ф. много страниц посвящено жизни студенчества СПУ в 1858-1861 гг. Автор показывает рост авторитета университета в обществе, появление на юридическом и историко-филологическом факультетах большого количества молодых профессоров, которые изменили всю атмосферу в университете (Костомаров, Пыпин, Стасюлевич, Павлов, Спасович и др.). Лекции Костомарова по русской истории отличались свежестью мысли, с ними в аудиторию ворвался живой народ. Профессор Кавелин стал неформальным лидером университета, был очень близок к студентам, которые его уважали за честность, прямоту, либеральные взгляды.

Постепенно втягивались студенты в общественную жизнь, налаживались взаимоотношения с поляками, которые составляли почти треть студентов СПУ и держались обособленно от русских. Новым явлением в жизни университета было появление большего количества записавшихся вольнослушателями и даже совсем посторонних на лекциях, наконец, в зимний семестр 1860 г. в аудитории юридического факультета появилась первая женщина, а к концу второго семестра женщины были на лекциях на всех факультетах, в некоторых аудиториях их было столько же, сколько и студентов. Кавелин добился решения университетского совета о позволении женщинам посещать лекции, затем этому последовали и другие университеты, кроме Московского, где большинство профессоров высказались против.

В середине XIX века проблемы дальнейшего развития университетского образования достаточно широко обсуждались в Европе. Идеи Гумбольдта о соединении в университетах науки и образования начали распространяться за европейские пределы, первоначально в США, Канаду, позднее в Японию. Были они, как мы уже отмечали, восприняты и в России. Но в эти годы возникла и получила определенное распространение, прежде всего в Великобритании, идея либерального католического университета, разработанная кардиналом Ньюменом при создании университета в Дублине. Суть этой идеи — университет должен развивать интеллект студента, воспитывать из него джентльмена, отсюда главное внимание гуманитарным наукам, философии; занятия наукой, исследовательская работа — совсем другое, для этого нужен иной тип преподавателя и иной тип учебного заведения. И хотя идеи Ньюмена не получили широкого распространения за пределами Великобритании, где они были восприняты в Оксфорде, Кембридже, Дублине, но в дальнейших дискуссиях об университетах они сыграли большую роль. Одновременно с идеями Ньюмена в Англии получили хождение идеи утилитаристов, которые провозглашали, что образование нужно всем и должно приносить пользу. Они видели в университетах агентов по распространению передового научного знания. Под влиянием их идей открылся Лондонский университет, доступный для всех желавших. В нем широко преподавались естественные и прикладные науки, что отличало его от большинства английских университетов.

В ходе проводившихся в России в 60-е гг. преобразований проблемы развития университетов занимали не последнее место. Реформы Александра II нуждались в резком увеличении числа образованных людей, серьезных переменах в сфере народного просвещения. Не случайно поэтому стал вопрос о существенных изменениях в университетах, о разработке нового университетского устава. И в официальных документах правительства, и в выступлениях профессоров в печати отмечались основные проблемы, требовавшие решения. Они сводились к расширению университетской автономии, свободе преподавания, увеличению прав профессорской коллегии, улучшению материальной базы, повышению заработной платы преподавателей и т. д. Министр народного просвещения Головнин в своих "Записках для немногих" отмечал главные недостатки российских университетов к началу 60-х гг.: 1. Нехватка хороших профессоров, отсюда многие кафедры незамещены или на них случайные люди; 2. Равнодушие ученых сословий к интересам их университетов и науки вообще — результат того, что профессора отстранены от управления университетами и обременены материальными заботами; 3. Излишняя множественность изучаемых студентами предметов, что сказывалось на глубине знаний и приводило к снисходительности на испытаниях; 4. Скудость учебных пособий университетов, что не позволяло им идти вровень с западноевропейскими.

Дискуссия по университетскому вопросу началась фактически с 1856 г., когда в СПУ приступили к разработке проекта нового университетского устава, который создавался при активном участии Кавелина и был готов в феврале 1858 г., а затем отослан в министерство, где застрял на 3 года, и только в 1861 г. были получены отзывы на него от Московского и Киевского университетов. Очевидно, министерство считало проект слишком либеральным, предлагаемые в нем меры несвоевременными и поэтому не торопилось с его обсуждением. Петербургский проект предлагал усилить власть выборного ректора, передать все учебные и научные дела в ведение факультетских собраний, выделить университетских преподавателей из общей бюрократически-чиновной иерархии, разрешить студентам свободное посещение лекций, отменить приемные и переводные экзамены, оставить только докторскую степень и защиту одной диссертации без экзаменов и т.д.

Пока в кабинетной тиши обсуждались будущие судьбы университетов, в них самих проходили существенные перемены. Студенчество все активнее втягивалось в общественное движение, в политическую жизнь. Возникали конфликты с преподавателями, одних обшикивали и вынуждали покидать аудитории, других встречали и провожали аплодисментами, не всегда заслуженными. Попытки попечителей и ректоров справиться со студентами потерпели неудачу; тогда была создана правительственная комиссия по проверке МНП, которая осудила деятельность министра Ковалевского Е.П. за либерализм и вынудила его в 1861 г. уйти в отставку.

В окружении Александра II предлагались разные меры по усмирению студенчества, в том числе и перенесении университетов в уездные города, где легче будет вести за студентами надзор. В результате долгих споров император принял предложение графа Строганова С.Г. о преобразованиях в университетах, которые вели к превращению их в учебные заведения для имущих и благонадежных. Осуществить это было поручено новому министру народного просвещения адмиралу Е.В. Путятину, издавшему 21 июля 1861 г. Циркуляр, запрещавший студенческие организации, сокращавший число освобождаемых от платы за обучение. За нарушение дисциплины полагалось наказание, вплоть до исключения из университета. Профессора и преподаватели должны были продемонстрировать свою благонадежность.

Циркуляр вызвал недовольство в университетах, осенью 1861 г. возникли студенческие волнения, особенно сильные в Петербурге и Москве, состоялись манифестации и демонстрации, носившие часто политический ха-

рактер. Против студентов бросили войска, пожарных, жандармов, начались аресты. СПУ открыли с месячным опозданием, но студенты не посещали лекции, рвали студенческие книжки с путятинскими правилами. Половина студентов СПУ была арестована и уволена из университета. 20 декабря 1861 г. Александр II распорядился закрыть СПУ впредь до пересмотра университетского устава

Из Петербурга волнения перекинулись в другие университеты, особенно сильны они были в октябре 1861 г. в Москве, где имели место стычки с полицией и массовые аресты. Московские профессора неодобрительно отнеслись к студенческим волнениям, считали необходимым продолжать занятия, и это привело к быстрому затуханию движения.В меньших размерах студенческие волнения прошли в Киеве, Харькове и Казани, но Казанский университет тоже временно был закрыт. Министр Путятин писал шефу жандармов, оценивая студенческое движение,: "С некоторого времени студенты под влиянием некоторых профессоров стали смотреть на университеты не как на учебные заведения для высшего образования, но как на учреждения, в коих должны вырабатываться идеи о лучшем управлении государством, а на себя самих — как на деятелей, призванных играть роль в политическом существовании России".

Студенческое движение оказало влияние на общую обстановку в России, инициировало процесс подготовки и проведения реформ не только в академических сферах, вызвало определенные кадровые перемены: министром народного просвещения был назначен А. В. Головнин (сын известного мореплавателя), отличавшийся умеренно либеральными взглядами, заменили петербургского генерал-губернатора, управляющего III-м отделением е.И.в. собственной канцелярии, полицмейстера Санкт-Петербурга.

В связи с временным закрытием СПУ студенты и преподаватели организовали "вольный университет", доступный всем желавшим учиться и управляемый студенческими депутатами. Это был первый опыт создания подобного вуза в России. Открылся "вольный университет" 30 января 1862 г. в помещениях Городской думы и училища св. Петра. 27 лекторов безвозмездно читали в этом университете публичные лекции и целые курсы, в среднем в неделю получалось 36 лекций, за которые была установлена плата: одна лекция 25 коп., полный курс — 1-2 рубля, неимущие студенты от платы освобождались. Многие лекции, особенно историков Костомарова и Стасюлевича, отличались либерализмом. Поэтому за "вольным университетом" постоянно наблюдало III-е отделение, а после ареста и высылки проф. Павлова за лекцию о 1000-летии России в марте 1862 г. университет прикрыли.

В начале 60-х гг. в университеты пришло новое поколение студентов, более раскованных, смелых, не только активно участвовавших в общественной жизни, но и внесших впоследствии большой вклад в развитие российской и мировой науки. Именно в эти годы в университетах учились Сеченов И.М., Ключевский В.О.

Воспоминания А. Ф. Кони, В. О. Ключевского и других позволяют восстановить картины студенческой жизни в Московском университете в начале 60-х гг. В 1861 г. лекции в МУ начались 1 сентября. Студент должен был к этому сроку заплатить 25 руб. за первое полугодие, получить вид на жительство в полиции, входной билет и расписание лекций в ректорате. Университетские курсы настолько отличались от гимназических, что даже названия многих были непонятны для медалистов московских гимназий. На младших курсах читались общие лекции для студентов разных факультетов. Так, лекции проф. Буслаева по русской словесности слушали совместно юристы и математики, они относились к числу обязательных. Обычно лекции читались с 9 утра: две или три сорокаминутные без перерыва, затем часовой перерыв и еще 2-3 лекции. К 14 часам обязательные лекции заканчивались и начинались факультативные по выбору.

Во время часового перерыва студенты бегали перекусить "под скрипку", в маленькую пирожковую во дворе дома, где на вывеске была скрипка. Здесь, стоя, одетые, они поглощали городские пироги с рисом, мясом, вареньем, только что выпеченные, по 5 коп. за пару.

Количество студентов уменьшалось от курса к курсу, и уже на втором курсе в 1862 г. у филологов только 1 студент слушал латинский язык. Проф. Петров, преподававший санскритский язык, на первой же лекции заявлял, что заинтересован в возможно меньшем числе студентов, старался, чтобы их оставалось 2-3 человека, с которыми он готов был заниматься сколько угодно.

А. Кони, начинавший учиться в 1861 г. на физико-математическом факультете СПУ, в связи с его закрытием поступил в 1862 г. на 2-й курс МУ, но уже юридического факультета. Из профессоров, преподававших специальные дисциплины, он отмечал Б. Чичерина, Н. Крылова, К. Победоносцева, прекрасно читавшего курс гражданского судоустройства. Из профессоров других специальностей он особенно хвалил С. М. Соловьева, лекции которого по истории России посещали многие студенты разных факультетов. Очень живой портрет знаменитого историка дал его ученик Ключевский, начавший слушать лекции Соловьева в 1863 г. на третьем курсе. Сергею Михайловичу было тогда 42 года. Высокий и полный, в золотых очках, с круглыми и пухлыми чертами лица, без бороды и усов, он шел немного раскачивавшейся походкой к кафедре, а затем в течение 40 минут с закрытыми глазами, в низком регистре своего немного жирного баритона, читал лекцию, которая была всегда импровизацией, заставлявшей студентов размышлять. У него была гармония мысли и слова, лекции легко записывались, но Соловьев не хотел издавать своих лекций.

Под влиянием студенческого движения, выступлений профессоров с конца 1861 г. вновь поднялся вопрос об университетской реформе, о принятии нового университетского устава. В МНП была создана комиссия под председательством С.С. фон-Брадке (попечитель Дерптского округа), в которую вошли попечители и их помощники, профессора всех университетов. Комиссия разработала проект устава университета, переданный на широкое обсуждение не только в России, но и за рубежом. Министерство собрало все отзывы на проект, все

предложения от российских университетов и зарубежных ученых (особенно активно откликнулись немецкие) и отправило в 1862 г. К. Кавелина за границу на несколько месяцев для изучения опыта тамошних университетов.

Одновременно на страницах многих журналов и газет развернулась жаркая дискуссия о судьбах российских университетов. Н.И. Пирогов в ряде статей ставил вопрос о серьезных преобразованиях в университетах: широкая автономия, существенное повышение зарплаты профессоров (в одном из министерских документов тех лет отмечалось, что профессору для сносного существования необходимо иметь зарплату в 3-4 тысячи рублей в год, а получал ординарный профессор тогда 2 тыс.), учитывая при этом, в первую очередь, личные заслуги и талант преподавателя, а не занимаемую должность, введение штатного доцентства для подготовки профессоров, строгое соблюдение конкурсной системы, чтобы отбирать действительно достойных. Сравнивая российские университеты с европейскими, Николай Иванович Пирогов писал: “наш университет отличается совершенно от средневекового английского тем, что он нисколько не церковный, не корпоративный, не общественный, не воспитательный. Наш университет похож только тем на французский, что в него внесен — и еще сильнее и оригинальнее — бюрократический элемент; но он не есть еще департамент народного просвещения, как французский, и факультеты в нашем еще не лишены так взаимной связи, как в том. Наконец, наш университет еще менее похож на германский, который ему служил образцом, потому что в нем нет самого характеристичного: полной Lehr — und Lernfreiheit и стремления научного начала преобладать над прикладным и утилитарным”. Пирогов отмечал, что некоторые особенности российских университетов необходимо сохранить в ходе их реформирования.

Д. И. Писарев в большей статье “Наша университетская наука” (1863 г.) подверг резкой критике все университетское образование, заявил о полном отрыве университетов от реальной жизни и видел выход в введении полной самостоятельности студентов, в разрешении им посещать только интересующие их лекции, в отказе от специализации, деления на факультеты, экзаменов, дипломов и т.п. Писарев считал, что нужна реформа школьного образования, в основу которого поставить естественные науки, а историю, географию, классические языки совсем снять, тогда на основе самостоятельности студентов университеты сами себя реформируют. Г. Елисеев, Г. Благовестов, Н. Чернышевский в “Современнике” и “Русском слове”, критикуя университетскую систему в целом, отрицали возможность ее реформирования при существовавшем строе и поэтому не выдвигали позитивной программы реформы.

В ходе дискуссии о судьбах университетов на первый план выдвинулись вопросы: что такое университет, какова его роль в обществе, чему учить в университете и кого оттуда выпускать, взаимоотношения университетов и властных структур и т.д. Профессор И. Бабст писал: “Решим сначала: что такое наши университеты — школы ли, где за хорошее учение и добропорядочное поведение дают чины, где приготовляются люди для государственной службы, или это высшее учебное заведение, всем открытое, с полной свободой преподавания, без которой немыслимо развитие науки, с полной свободой учения и выбора предметов занятий, без чего немыслимо строгое занятие наукой”. Спектр взглядов по этим вопросам был очень широк, но все сходились в одном: университетам нужно самоуправление, уменьшение власти попечителей, расширение полномочий совета и профессорской коллегии. Министр Головнин отмечал, что были и такие предложения, которые тогда не могли быть включены в устав: отмена чинов у преподавателей, чтобы они искали ученые степени и славу, а не чины; отмена чинов оканчивающим, чтобы они поступали в университеты не ради карьеры; иметь по каждому предмету несколько лекторов, чтобы студенты могли выбирать, и т. п.

Отзывы иностранных ученых и общественных деятелей на проект реформы были переведены на русский язык и изданы отдельной книгой в 1863 г. Публиковались книги и статьи отечественных ученых, побывавших в зарубежных университетах (И. К. Бабст “От Москвы до Лейпцига”, серия статей К. Кавелина), наиболее положительно оценивался опыт немецких университетов, но указывались и их недостатки. Таким образом, обсуждение будущего российских университетов приобрело невиданный размах, усилило интерес общественности к университетским проблемам и оказало заметное влияние на окончательный проект устава. Следует отметить, что университетские преобразования оказались проведенными сразу вслед за крестьянской реформой, ранее всех остальных реформ этой эпохи.

Окончательный проект устава готовился ученым комитетом Главного правления училищ МНП с привлечением широкого круга специалистов. С 27 июня по 31 октября 1862 г. состоялось 18 заседаний комитета, обсудивших все предложения и выработавших текст, который был рассмотрен в начале 1863 г. в особом совещании сановников и министров. После этого проект прошел экспертизу в министерстве юстиции и был одобрен общим собранием Государственного Совета. 18 июня 1863 г. император в Царском Селе утвердил университетский устав, ознаменовавший начало нового этапа в истории российских университетов.

В принятом уставе 1863 г. не были учтены многие предложения, поступавшие в ходе дискуссии, он носил в значительной степени компромиссный характер, но две основные идеи проведены достаточно последовательно: сосредоточение в университетах вопросов науки (общественное мнение осознало, что преимущество Западной Европы, прежде всего, в развитии науки, а источник и опора науки — университеты) и устранение регламентации, особенно в нравственных вопросах, которые были внесены уставом 1835 г. В официальной записке МНП, разосланной в университеты в связи с утверждением устава 1863 г., подчеркивалось: “Наука читается в университетах для науки, и самое свойство разных отраслей человеческого знания служит основанием разделения университетов на факультеты. Университетское преподавание может принести истинную пользу тем,

которые ищут в храме науки только науку, т.е. знание, а не идут туда движимые материальными, спекулятивными побуждениями. Посему все искусственные приманки вредны для университета, ибо наполняют аудитории его несвойственными оным слушателями, а из этого следует, что университеты должны бы стоять вне всякой категории чинов”.

Устав 1863 г. состоял из 12 глав, в которых подробно перечислялись права университетов в целом, факультетов, преподавательской и студенческой корпораций. Университеты получили достаточно широкую автономию, права попечителей были урезаны, они не должны были вмешиваться в повседневную жизнь университетов. Зато были расширены права Совета, ректора, избираемого Советом на 4 года из университетских профессоров и утверждаемого императором, факультетских собраний, был восстановлен университетский суд, который избирался Советом из 3 профессоров и 3 кандидатов, при чем 1 проф. и 1 кандидат обязательно должны были быть с юридического факультета. Университеты получили очень важное право утверждать в ученых степенях. Намного расширилось количество кафедр и штатных единиц на 4 факультетах, на историко-филологическом стало 11 кафедр с 12 профессорами и 7 доцентами, на физико-математическом — 12 кафедр с 16 проф. и 3 доц., на юридическом — 13 кафедр с 13 проф. и 6 доц., на медицинском — 17 кафедр с 16 проф. и 17 доц., на факультете восточных языков (только в СПУ, где не было медицинского факультета) —9 кафедр, 9 проф., 8 доц., 4 лектора. Кроме того, в университетах была кафедра богословия и по 4 лектора для преподавания итальянского, французского, немецкого и английского языков.

Для наблюдения за студентами Совет избирал из своей среды проректора или инспектора из чиновников, в помощь им назначались субинспектора и секретарь по студенческим делам. Принимали в университет с 17 лет, без вступительных экзаменов для окончивших успешно гимназию. Студент подписывался о соблюдении университетских правил, ношение формы отменялось, вне стен университета студент становился подвластен полиции. Не допускалось создание студенческих организаций. Переход студента с курса на курс стал возможен только через испытания, кончавшие университет с хорошими оценками и представившие диссертации получали степень кандидата, а окончившие удовлетворительно и не представившие диссертации удостаивались звания действительного студента. Была ликвидирована категория казеннокоштных студентов и вводились стипендии для нуждавшихся, за лекции взималась плата, устанавливавшаяся университетами (в среднем 40-50 руб. в год).

По новому уставу четко была проведена синхронизация ученых степеней и должностей: “Никто не может быть ординарным или экстраординарным профессором, не имея степени доктора по разряду наук, соответствующих его кафедре. Для получения звания доцента надлежит иметь, по крайней мере степень магистра; приват-доцентами же могут быть и кандидаты, представившие диссертации по тому отделению факультета, в котором они намерены преподавать”. Однако осуществить это соответствие на практике не удалось.

Согласно новому уставу университеты получили больше самостоятельности в решении кадровых вопросов, ибо теперь Совет и факультетские собрания выбирали профессоров, отправляли за границу лучших выпускников для подготовки к профессорскому званию, с этой же целью почти на всех кафедрах вводилась доцентура. Зарплата ординарного профессора была повышена до 3 тыс. руб. в год, штатного доцента — до 1,5 тыс. Все университеты поступали под особое покровительство императора и именовались императорскими, они освобождались от многих пошлин и налогов, имели свою печать, могли приобретать недвижимую собственность, открывать типографии и книжные лавки.

Давая общую оценку уставу 1863 г., следует отметить, что, во-первых, он восстановил университетскую автономию, способствовал определенному прогрессу университетов как центров науки и образования; во-вторых, расширились права профессорской коллегии, улучшилось материальное положение профессоров, что содействовало привлечению в их ряды талантливой молодежи; в-третьих, складывалась достаточно стройная система подготовки университетских кадров; в-четвертых, университеты получили теперь право сами утверждать в ученых степенях. В то же время надзор властных структур за университетами в значительной степени сохранился, так как права попечителей были сформулированы крайне нечетко. Студенчество осталось в прежнем положении, не получив желаемых прав. Поэтому не прекратились студенческие беспорядки. Так что можно считать, что устав 1863 г. явился компромиссом между либеральными веяниями 60-х гг., прежними университетскими порядками и стремлениями бюрократических петербургских кругов. Отсюда неудовлетворенность всех и желание внести в устав изменения. Либеральные авторы, приветствуя новый устав, отмечали его половинчатость, консерваторы критиковали его за уступки общественности, революционно-демократические деятели и их органы печати восприняли новый устав резко отрицательно. Хотя правительственный лагерь приветствовал устав, но уже вскоре начались наступления на университетские права в замаскированной форме: МНП рассылало в университеты циркуляры, предлагая разработать и ввести в действие правила внутреннего распорядка, еще более урезавшие права студентов и нарушавшие Устав 1863 г.

Десятилетие после принятия устава оценивается многими исследователями и современниками как одно из наиболее продуктивных в истории российских университетов. Особенно успешно развивался СПУ, где сосредоточились крупнейшие российские ученые: математики, химики, юристы, филологи. Университетские профессора стали основой преподавательского корпуса открывшихся в 1878 г. высших женских курсов (бестужевских), работавших по университетской программе. В феврале 1869 г. было торжественно отпраздновано 50-летие СПУ, и с этого времени традиционно отмечали 8 февраля годовщину университета, отбрасывая все, связанное с Академическим университетом.

В эти годы появились 2 новых университета: Новороссийский в Одессе, открытый 1 мая 1865 г. на базе ришельевского лицея, и Варшавский русский, созданный в 1869 г. с целью усилить русское духовное влияние в польских губерниях, ибо Киевский университет с этой миссией не справился. Варшавский университет имел свой устав, ректор и инспектор назначались из русских, преподавание и делопроизводство велись на русском языке. Устав Варшавского университета во многом предвосхитил Устав российских университетов 1884 г. Организовать университет в Одессе предложил Н. И. Пирогов в 1856 г., но тогда не нашлось денег. Вскоре появилась возможность открыть университет в Николаеве, что вызвало сильное волнение в Одессе. Оба проекта были представлены в Государственный Совет и Александру II, который высказался за Одессу.

Появление новых университетов, увеличение числа кафедр и количества штатных единиц на них остро поставили вопрос о подготовке профессорских кадров, не хватало 250 преподавателей со степенями: в Киевском университете отсутствовала треть профессоров, в СПУ вместо 51 профессора и 24 доцентов работало 34 профессора и 16 доцентов, в Казанском университете из 58 профессоров и 31 доцента (по штату) имелось 25 профессоров и 8 доцентов. Хуже всего с кадрами было на историко-филологических факультетах, наиболее благоприятная обстановка — на медицинских факультетах, где больше всего приглашалось зарубежных профессоров. Чтобы преодолеть это состояние с кадрами, было послано за границу в 1862-1866 гг. 100 “профессорских стипендиатов”, на их подготовку казна ассигновала 800 тыс. руб., это была беспрецедентная в истории российских университетов акция, давшая неплохие результаты, ибо среди посланных оказались И. Мечников, Н. Ковалевский, М. Авенариус, А. Потебня, В. Герье, В. Сергеевич, Н. Таганцев и другие, в будущем крупные деятели отечественной науки. Кроме того, началось создание аспирантуры при российских университетах (хотя сам термин “аспирант” вошел в обиход только в 80-е гг., а первоначально их называли “профессорскими стипендиатами”). В 70-е гг. уже абсолютное большинство профессоров готовилось в российских вузах: в 1870 г. 51 из 67, в 1876 г. 79 из 91 и т. д.

Принятые меры позволили к середине 70-х гг. значительно улучшить состояние с преподавательскими кадрами в университетах: за 1863-1874 гг. получили докторские и магистерские степени более 780 человек по университетским кафедрам, в результате в 1875 г. в 6 российских университетах из 321 профессора и доцента 264 окончили отечественные университеты, более 80% из них были в возрасте до 50 лет. По числу защищенных магистерских и докторских диссертаций в 60 — 70-е гг. лидировал Петербургский университет. Однако общее число профессоров в российских университетах оставалось намного меньшим, чем в примерно равных по числу студентов западноевропейских университетах (например, 120 в Берлинском и около 50 в Московском).

В 60-70-е гг. возрастала роль университетов как научных центров, при них открылось большое количество ученых обществ: за 1868-1873 гг. их число возросло с 10 до 20. Так, при СПУ в 1868 г. открылись Естествоиспытательное и Химическое общества, в 1872 г. — Физическое, при МУ возникло Московское математическое общество. На заседаниях обществ обсуждались актуальные научные проблемы, заслушивались доклады о достигнутых результатах, нередко имевших мировое значение. Общества выпускали журналы со статьями крупных ученых, информацией об успехах российской и мировой науки.

Повышение научного потенциала университетов проявилось в создании большего количества школ, получивших международное признание. Так, в СПУ возникла блестящая математическая школа (академик П. Чебышев и его ученики — А. Марков, А. Ляпунов и др.), первая в России школа физиологов во главе с И. М. Сеченовым, менделеевская химическая школа (А. Бутлеров, Н. Меншуткин), в Московском университете создал школу физики А. Г. Столетов, который 30 лет заведовал соответствующей кафедрой и передал ее другому крупнейшему ученому П. Н. Лебедеву. Химия в МУ была в загоне до появления В. В. Марковникова в 70-е гг., основавшего свою школу. Эти же годы отмечены расцветом науки и в молодом Одесском университете, где одновременно работала большая группа крупных ученых: И. И. Мечников, В. О. Ковалевский, Н. А. Умов, Н. И. Андрусов, Л. С. Ценковский, И. В. Яглич и др.

Именно в 60-70-е гг. сложилась система исторического образования в российских университетах. В отличие от Западной Европы, где исторические науки обычно входили в состав философского факультета, у нас были образованы историко-филологические факультеты, и историческое образование получалось в тесной связи с филологическим, на 1-2 курсах слушались одни и те же предметы, специализация начиналась на 3 курсе. Сложилась устойчивая номенклатура исторических кафедр, отраженная в Уставе 1863 г. Сформировалась традиция российских университетов — профессора читали авторские общие курсы, что заставляло студентов мыслить, приучало к самостоятельному анализу. Спецкурсы обычно читались приват-доцентами и доцентами, которые таким образом выносили на аудиторию результаты своих будущих диссертаций. Семинарские и спецсеминарские занятия появились у историков только в 70-е годы, одним из инициаторов явился проф. всеобщей истории Московского университета Герье. Посещение семинаров первоначально не было обязательным, на них ходило по несколько человек, часто с разных курсов и проводились они в большинстве случаев прямо на квартирах преподавателей. Для привлечения студентов к научной работе ежегодно на факультетах предлагались темы медальных сочинений. Сочинение, удостоенное золотой медали, приравнивалось к диссертации на степень кандидата наук, что давало возможность автору получить в дальнейшем профессорскую стипендию в своем университете (для специалистов по отечественной истории) и за границей (для занимавшихся всеобщей историей).

В пореформенное время продолжался рост численности студентов университетов, и в 1880 г. их было уже более 8 тысяч. Менялся состав студенчества, больше стало нуждавшихся в стипендиях, зарабатывавших на

жизнь. Так, в Казанском университете в начале 70-х гг. всего 28% студентов могли существовать на свои средства, а в Одесском число нуждавшихся доходило до 80%. Для ряда категорий студентов вводились специальные стипендии. Так, в 1863 г. установили 150 стипендий для бывших студентов СПУ, которые учились в других университетах и приготовлялись к учительскому званию. Для студентов, занимавшихся славянской филологией, в 1862 г. были учреждены стипендии Кирилла и Мефодия. Их могли получать по 4 студента в Московском, С.-Петербургском, Казанском, Харьковском и Киевском университетах (240 руб. в год).

Гиляровский В. в одном из своих очерков описал жизнь студентов МУ 60-70-х гг. Большинство их происходило из провинциальной бедноты, ютилось в “Латинском квартале” между двумя Бронными и Палашевским переулком, где находилось два больших заброшенных дома дворян Чебышевых, в которых студенты снимали комнаты, в большинстве случаев одну на 4. Один из этих домов именовался “Чебышевская крепость” или Чебыши, другой — кратко, но выразительно “Ад”.

В 70-е гг. студенты ходили без формы, наиболее радикальные отпускали длинные волосы, нахлобучивали на глаза широкополые шляпы, иногда одевали очки и плед через плечо.

Самым знаменательным днем в жизни Московского университета было 12 января — Татьянин день. Толпы студентов ходили в этот день по Москве до поздней ночи, ездили, обнявшись втроем, вчетвером, на одном извозчике, горланя песни. И полиция в этот день студентов не арестовывала. 12 января утром проходил торжественный акт в университете, после чего студенты вываливались на Б. Никитскую и толпами, распевая Gaudeamus, двигались к Никитским воротам и Тверскому бульвару в излюбленные свои пивные. Зарядившись в пивных, уже с пением Дубинушки студенты спускались на Трубную площадь и направлялись в роскошный Эрмитаж, хозяин которого француз Оливье отдавал свой ресторан для студенческой гулянки. Из ресторана предварительно уносилась дорогая мебель, ставились простые деревянные столы и табуретки, пол посыпался опилками, в буфете оставляли только холодные кушанья, водку, пиво, дешевое вино. Студенты шумно праздновали Татьянин день, произносились смелые речи. Непрерывно звучали тосты, дым стоял коромыслом. Приходили любимые профессора, восторженно встречаемые студенческой толпой. Все это длилось до позднего вечера.

В 60-70-е гг. российские университеты стали центрами самой страстной и бурной политической жизни, основная масса участников общественного движения тех лет или студенты, или недавно окончившие университеты. Одна из причин, толкавших студентов на участие в беспорядках, отсутствие у них всяких прав, лишение их любой возможности общения в университете во внеучебное время, постоянный контроль за ними полиции и университетской инспекции.

Подводя итоги деятельности российских университетов в эпоху буржуазного реформирования, можно использовать яркую оценку, данную им Ушинским: “Многим, очень многим мы обязаны нашим университетам! Если живая мысль и живое чувство не заснули у нас совершенно и пробудились с необычайной силой после севастопольского погрома, если мы с негодованием могли взглянуть на наши нравственные язвы и твердо решиться излечить их; если на всех поприщах государственной жизни, во всех слоях общества появились у нас люди, готовые к нравственному возрождению; если, наконец, величайший из фактов русской истории, факт освобождения крестьян, нашел себе отзыв и поддержку в русском обществе...,то всем этим Россия обязана единственно своим университетам. Правда, и в посторонние учебные заведения проникала иногда мысль, гуманизированная наукой; но проследите ход ее, и вы увидите, что она шла из этих же университетов”.

3.2. Новая попытка ограничения университетского самоуправления

Устав 1863 г. и последовавшие изменения в жизни университетов, участие студентов в общественном движении в 60-70-е гг. — все это вызывало неоднозначное отношение в правительстве, обществе и внутри самих университетов. Консервативно настроенная часть общественности считала, что университетское самоуправление в России недопустимо, что университетские свободы негативно влияли на молодежь, и поэтому требовала пересмотра устава в сторону усиления правительственного контроля за университетами. Леворадикальные элементы признавали необходимым добиваться полной автономии университетов, расширения студенческих прав, вовлечения студентов в активную политическую жизнь. Основная масса либерально настроенной профессуры в целом поддерживала Устав 1863 г., обращая внимание на полезность некоторых уточнений в нем, настаивала на том, что в университетах надо серьезно заниматься образованием и наукой, а не политической борьбой.

В 70-е гг., когда министром народного просвещения стал Д. А. Толстой, в России началась перестройка всей системы образования на классической основе, т.е. центральное место заняли латинский и греческий языки, античная история и античная литература. Это сказалось, в первую очередь, на гимназиях, а затем и университетах, особенно историко-филологических факультетах. Как вспоминал проф. Н. И. Кареев, из 18 часов в неделю обязательных занятий для студентов историко-филологического факультета СПУ 14 приходилось на классические языки, древние литературу, историю, философию и искусство, а на все остальное — 4 часа.

В 1872 г. МНП поставило вопрос об университетской реформе, в печати появились статьи с предложениями о характере изменений. В качестве рупора министерской точки зрения выступил проф. физики Московского университета Любимов, опубликовавший несколько статей, в которых он ставил вопрос о полном подчинении университетов государственной власти, лишении их всяких элементов автономии. При МНП была создана ко-

миссия по подготовке реформы университетов, но в ней отсутствовало единство. Комиссию возглавил И.Д. Делянов, сменивший Толстого на посту министра. Деятельность комиссии встретила противодействие в университетах, где большинство стояло за сохранение устава 1863 г.

Усиление либерального движения в стране в конце 70-х гг. задержало разработку нового устава. Тогда Правительство и МНП приняли в 1879 г. ряд постановлений об университетах и студентах, ограничивавших их права, повышавших вновь роль попечителя за счет снижения роли ректора. Особые усилия прилагались для разъединения студенчества и народнического движения, так как около трети народников были связаны с университетами. В Записке графа Н. П. Игнатьева министру внутренних дел М.Т. Лорис-Меликову в марте 1881 г. отмечалось, что три четверти государственных преступников и почти все цареубийцы побывали в университетах, хотя и не кончили курс в них, или в других вузах. Объясняя причины этого, Игнатьев указывал, что у нас количество студентов весьма значительно при слабом развитии среднего и высшего образования, что многие стремятся к высшему образованию для поступления на казенное содержание, что в университете молодой человек чувствует наличие прав и отсутствие обязанностей, полную бесконтрольность. В связи с этим Игнатьев предлагал установить такой контроль за студентами, чтобы им нельзя было не работать, высшие учебные заведения перевести из столиц в провинциальные города, где легче надзирать за студентами, часть средств, ассигнуемых на стипендии, передать для средних и низших школ.

В духе этих предложений происходило обсуждение изменений в уставе в конце 1880-начале 1881 гг., когда возмущение студентов и преподавателей инструкциями МНП привело к отставке министра и назначению на этот пост попечителя Дерптского учебного округа А.А. Сабурова, решившего ввести в российские университеты дерптский дух: корпоративизм, отсутствие общественных интересов и т.п. Убийство Александра II на время отложило решение университетских проблем.

В духе проводимой новым императором консервативной политики был разработан И. Деляновым и Д. Толстым проект университетского устава, который в 1882-1884 гг. неоднократно обсуждался в Государственном совете, где встретил сильную оппозицию, ибо многие были против той коренной ломки университетской системы, какую предлагали авторы проекта. Делянов в официальных заявлениях вроде хвалил университеты, а на заседании Госсовета дал им отрицательную характеристику, возложил на них ответственность за все грехи интеллигенции. Толстой резко осуждал студенчество за антиправительственные выступления, заявлял, что в университетах царят студенческий и профессорский произволы, что государство устранилось от управления ими. Поэтому одна из главных идей проекта — введение государственных экзаменов, принимаемых особой комиссией, назначаемой министром. При этом на экзамены не допускались преподаватели, читавшие лекции в университетах по предметам, выносимым на государственный экзамен. В ходе длительных дебатов были достигнуты компромиссные формулировки многих положений, но меньшинство сторонников проекта добилось личной встречи с Александром III и убедило его снять эти формулировки в пользу предложений Толстого-Делянова. 23 августа 1884 г. Император утвердил новый университетский устав.

Что же представлял новый устав? В чем его коренные отличия от Устава 1863 г.? Как он был воспринят общественностью и самими университетами? Устав 1884 г. состоял из 6 разделов: в первом содержались общие положения о структуре факультетов и органах управления ими, во втором говорилось об управлении университетом, в третьем — об устройстве учебной части: организация учебного процесса, экзаменов, деятельность учебно-вспомогательных учреждений, в четвертом — о личном составе университета, правах и обязанностях работавших в нем, принципах формирования преподавательской коллегии, в пятом речь шла о студентах: состав, дисциплина наказания, система материальной помощи, шестой назывался “права и преимущества университетов”. Действие устава было распространено на 6 российских университетов, а затем Томский; Дерптский и Варшавский были должны руководствоваться особо для них изданными уставами. Основная идея нового устава — придать университетам вид государственных учреждений, а всех работавших в них сделать государственными чиновниками. Отсюда назначение и утверждение ректоров, деканов, профессоров, зав. кафедрами, доцентов и т.д., а не выборность, как было по старому уставу. Так, ректор теперь выбирался министром из ординарных профессоров, предлагавшихся университетом, и назначался императорским указом на 4 года, возможно было продление полномочий еще на один срок. Деканы избирались попечителем и назначались приказом министра. Профессорские вакансии замещались министром по собственному усмотрению, он мог при этом совершенно не учитывать предложения университета. Полную власть над университетом получал попечитель, только через него осуществлялась связь университета с министерством, большинство вопросов университетской жизни решалось лишь с санкции попечителя. Намного были уменьшены функции Совета университета, он теперь фактически решал только учебные вопросы.

Изменилась роль ректора, он из первого среди равных превратился в начальника над всеми в университете и помощника попечителя. Расширились функции Правления за счет Совета и университетского суда (он был ликвидирован). Повышено было значение инспекторов, которые теперь подчинялись непосредственно попечителям.

На всех факультетах, кроме медицинского, было сокращено число кафедр, понижена роль факультетского собрания, расширены права деканов.

Большие изменения внес устав и в студенческую жизнь, которая попала теперь под постоянный инспекторский контроль. В университеты принимали только окончивших гимназии юношей, не моложе 17 лет и неженатых (еще в 1880 г. МНП выпустило распоряжение — запретить студентам вступать в брак и не принимать в

число студентов женатых лиц). Студент должен платить за слушание лекций, участие в практических занятиях по 5 руб. за полугодие (с1887г. — по 25 руб.). Кроме того, студент платил и так называемые гонорарные деньги преподавателям из расчета 75 коп. за недельный час на медицинском факультете и 1 руб. — на остальных. Эти гонорарные суммы вызвали большие споры среди преподавателей. Правительство хотело таким путем повысить заработки профессоров, ибо они вынуждены были работать по совместительству в нескольких местах: так, Ключевский преподавал одновременно в 5 местах, Кареев — в 3-4-х и т.д. Однако, как оказалось, гонорары зависели не от качества лекций, не от популярности профессоров, а от величины потоков и обязательности тех или иных лекций. Поэтому профессора — медики оказались в выигрышном положении, а также профессора, читавшие обязательные курсы на других факультетах: к ним обязаны были записываться все студенты, при этом многие посещали более интересные необязательные лекции, за которые преподаватели не получали гонораров. После жарких дискуссий гонорарная система была отменена в начале XX века. Вновь для студентов устанавливалась форменная одежда. Ношение было обязательным не только на занятиях, но и вне стен университета.

При переходе с курса на курс студенты сдавали курсовые испытания, а для медиков были введены и семестровые (с августа 1889 г. их распространили на все факультеты). Для допуска к экзаменам по окончании университета студенты подавали прошение с выпускным свидетельством и платили 20 руб. Для принятия выпускных экзаменов ежегодно министром назначалась на каждом факультете комиссия. Правила экзаменов и требования на них, общие для всех университетов, утверждались министром и публиковались для всеобщего сведения. Государственные экзамены были очень сложными, требовали большой подготовки и усилий. Например, на историко-филологическом факультете надо было получить зачеты по всем семестрам, сдать экзамены по богословию и одному из новых языков, представить зачетное сочинение и свою автобиографию на латыни. Затем следовал письменный экзамен — переводы с латинского и греческого на русский. Кто получал по переводам неудовлетворительную оценку, не допускался до устного экзамена, на котором задавались вопросы по основному предмету, но могли спросить и по дополнительным. Выдержавшие экзамены получали, соответственно объему и качеству показанных знаний, дипломы 1 и 2-й степени. 30 декабря 1889 г. был утвержден жетон для окончивших курс университета.

Итак, Устав 1884 г. внес большие изменения в университетские порядки, лишил университеты многих прав и привилегий. Больше всего устав ударил по историко-филологическим факультетам, ибо там все преподавание свели к классической филологии. Это была инициатива А. И. Георгиевского, долголетнего председателя Ученого комитета МНП, желавшего превратить эти факультеты в простое продолжение классической гимназии. Устав был неодобрительно встречен общественностью, постоянно подвергался критике. Так, Д. И. Менделеев писал в "Вестнике Европы": "Профессура, с тех пор как действует нынешний университетский устав, требует не преданности науке, не самобытности, а только ученой степени, так как назначение профессора ведется путем чисто канцелярским, не спрашивая суждения людей, посвятивших себя научной работе". Не случайно поэтому уже вскоре начали издаваться инструкции и постановления, изменявшие или приостанавливавшие действие отдельных положений устава 1884 г., но они не касались его духа, а затрагивали только отдельные детали учебного процесса.

Одним из крупных событий 80-х гг. явилось открытие первого университета в Сибири. Идея сибирского университета возникла еще во времена Екатерины II, первые реальные шаги были сделаны в начале XIX в., когда Демидовы пожертвовали 100 тыс. руб. на строительство университета в Тобольске. Однако вопрос об открытии университета затягивался, высказывались опасения, что расходы себя не оправдают, будет мало желающих учиться, а тем более ехать преподавать в Сибирь. В 20-е гг. генерал-губернатор Западной Сибири П. М. Капцевич вновь предложил открыть Сибирский университет, но этим дело и ограничилось. Александр II в начале своего царствования отклонил предложение министра Норова об открытии университета в Сибири. В 1875 г. сибирский генерал-губернатор под давлением общественности вновь представил императору просьбу о разрешении иметь свой университет. Поднялась широкая кампания в печати, развернулась дискуссия о месте строительства: Иркутск, Омск или Томск. Созданная правительством комиссия предпочла Томск. И 16 мая 1878 г. Александр II подписал указ об открытии в Томске университета с 4 факультетами.

В 1880 г. началась разработка проектов университетских зданий, было собрано более 300 тыс. руб. пожертвований, граф Строганов подарил будущему университету свыше 20 тыс. книг, в том числе и редчайшие. 26 августа 1880 г. приступили к закладке первого университетского здания, но строительство затянулось на 8 лет, ибо даже некоторые члены строительного комитета выступали против открытия университета, а М. Н. Катков поднял в консервативной печати целую кампанию против создания нового рассадника революционеров. Все это привело к решению Александра III открыть Томский университет в 1888/1889 уч. году в составе только медицинского факультета.

Торжественное открытие состоялось 27 июля 1888 г. На новый университет был распространен Устав 1884 г. Однако в Томском университете разрешался прием воспитанников духовных семинарий, среди 72 первокурсников в 1888 г. насчитывалось 30 окончивших гимназии, 40 — духовные семинарии, 2 были переведены из других университетов. Из этого приема в 1893 г. выпустили 34 человека — первые сибирские врачи. Особенности Томского университета: пожертвования и долгое строительство привели к тому, что он оказался сразу хорошо оборудованным, с множеством лабораторий, ботаническим садом, библиотекой, насчитывавшей почти

100 тыс. книг и журналов; среди студентов было много высланных за участие в революционной деятельности из других университетов, значительное число их происходило из малообеспеченных семей, к тому же в Томске немного возможностей имелось для приработка, поэтому большую роль играли частные пожертвования на стипендии, что позволяло многим студентам получать от 100 до 420 руб. в год.

В последующие годы шла борьба за открытие в Томске новых факультетов, и в 1898 г. был объявлен прием на юридический факультет, из 142 принятых тогда в 1902 г. выпущено 47.

К концу XIX в. российские университеты были крупными научными центрами, большинство профессоров успешно занимались научной работой, почти все академики читали лекции в университетах. Но по общему числу университетов и количеству студентов в них Россия отставала от крупных европейских государств. В 1900 г в России было 10 университетов с 16,5 тыс. студентов, в то время как в Германии 20 и 32 тыс. студентов, во Франции — 15 и 26,5 тыс., в Италии 17 и 22,7 тыс., в Австро-Венгрии — 11 и 23 тыс. и т.д.

Устав 1884 г., принятые правительством другие меры, разгром народнического движения — все это сказалось на внутриуниверситетской жизни 80-90-х гг. Почти не было студенческих выступлений, создававшиеся в университетах студенческие кружки оставались малочисленными, больше занимались самообразованием, не вмешивались в политические проблемы. Первые марксистские кружки действовали нелегально и не имели значительного авторитета в студенческой среде. Многие современники в своих воспоминаниях отмечали вторую половину 80 — начало 90-х гг., как время жесточайшей реакции в университетах. В СПУ это связано с ректорством М.И. Владиславлева, сменившего в 1887 г. либерального И. Е. Андреевского, который пытался смягчить действие устава 1884 г. За студентами был установлен постоянный надзор инспектора, субинспекторов и педелей, которые время от времени посещали секретную комнату, где висели фото всех студентов. Им нужно было сдавать экзамены на знание студентов. На вешалке у каждого студенческого пальто имелось определенное место, и педель мог сразу установить, кто пропускал лекции. За приход в университет без формы могли сразу посадить в карцер.

СПУ находился под непосредственным наблюдением министра Делянова, следившего, какие курсы читались в университете, и если ему не нравилось название, он мог, даже не зная, что это такое, вычеркнуть тот или иной курс. Проф. Кареев вспоминал, что Делянов вычеркнул его курс “теория культурного процесса истории” из-за непонятности министру названия. Несмотря на эти трудности, университет в С.-Петербурге в 80-90-е гг. рос и расширялся. Возникло в 1889 г. историческое общество при университете, студенты в 1881 г. образовали научно-литературное общество, в котором участвовали будущие крупные ученые и общественные деятели России: С. Платонов, В. Вернадский, Д. Мережковский, С. Ольденбург, А. Лаппо-Данилевский, А. Ульянов и др. В эти годы в СПУ началась деятельность проф. анатомии П. Ф. Лесгафта, лекции его привлекали студентов многих факультетов своей парадоксальностью: он заявлял, что учить надо одну анатомию, ибо все остальные науки мертвы. Под влиянием его лекций часть студентов-гуманитариев забросила гуманитарные дисциплины, чтение литературы и бросилось изучать анатомию. Лекции в СПУ проходили обычно с 10 до 15 часов, а практические занятия с 18 до 20 часов, а у некоторых профессоров затягивались до 11-12 часов вечера. В перерывах между дневными и вечерними занятиями многие студенты подрабатывали репетиторством. Положение иногородних студентов облегчилось с 1882 г., когда по проекту архитектора Л. Бенуа на деньги крупного капиталиста С. Полякова было построено первое общежитие СПУ — Коллегия императора Александра II.

В Московском университете в эти времена настала брызгаловская эпоха, по фамилии тогдашнего инспектора А. А. Брызгалова. До назначения инспектором был добрый, милый человек. А затем как подменили: исключительная подозрительность, во всем видел политическую подоплеку, особенно преследовал бедных студентов. Он подобрал педелей из бывших унтер-офицеров, наделил их чрезвычайными полномочиями, сделав грозой для студентов. В университете распространились доносы, шпионство, за появление 1 сентября в белой фуражке (ее разрешалось носить только по 31 августа) можно было угодить в карцер. Брызгаловские порядки вызвали сопротивление, один из студентов отвесил Брызгалову пощечину на концерте, что стало толчком к студенческим выступлениям, разогнанным с помощью полиции и казаков.

Централизация управления университетами достигла такой степени, что даже разрешение на отсрочку экзамена студенту давал министр.

Чтобы лучше представить себе студенческую жизнь в конце XIX в., остановимся на некоторых ее деталях на историко-филологическом факультете Московского университета. Разрешалось зачисление на факультет без экзаменов только окончивших классические гимназии, при этом учитывались оценки, особенно по поведению, и характеристика педсовета гимназии. Прошения о зачислении принимались с 16 июля по 10 августа, начало занятий 1 сентября. Обучение длилось 4 года, на 1-2 курсах все слушали общие курсы, с 3 курса специализация по 10 кафедрам языка, литературы и истории (исторические кафедры: русской истории, всеобщей истории, истории церкви).

На младших курсах слушали в основном общие курсы по истории и литературе, на которые надо было записываться, и инспекция проверяла их посещение. На старших курсах было много лекционных спецкурсов, ежегодно обновлявшихся на 50-70%. Их читали доценты, посещение необязательное. Лекции посещали плохо, так как многие студенты имели литографированные записи общих курсов; издание их было разрешено министерством в университетской типографии с согласия лектора. Чтобы усилить контроль за студентами и активизировать их работу, были введены практические занятия. До 3-го курса семинары являлись необязательными, их посещали добровольцы. Так, проф. П.Виноградов вел 2 семинара по средним векам: первый, необязательный,

для студентов 1-2 курсов, чтобы познакомить их с основными проблемами истории средних веков; второй начинали посещать после распределения по кафедрам, на него приходили на квартиру Виноградова и выпускники, здесь обсуждали студенческие доклады, диссертации, актуальные научные проблемы.

К концу университета студент должен был сдать на курсовых и семестровых экзаменах определенный минимум предметов, чтобы быть допущенным к выпускным экзаменам. На выпускных экзаменах особую роль играл председатель экзаменационной комиссии, который мог основное внимание уделять знаниям по своему предмету. Многие профессора считали, что госэкзамены приносят вред, отрывают от занятий наукой, сосредотачивают внимание студента только на том, чтобы получить диплом 1-й степени, сразу дававший 10-й чин Табели о рангах.

Несколько слов о материальном положении студентов. В конце XIX в. общая плата за обучение доходила в Московском университете до 50 руб. за полугодие (при 30-40 руб. в месяц зарплаты квалифицированного рабочего). Средняя стипендия студента составляла 25 руб. в месяц. Обычно студенты снимали на двоих комнату в 20 кв. аршин, что обходилось по 11 руб. каждому. Обед в кухмистерской стоил 7,5 руб. в месяц, остальные расходы: чай — 50 коп., сахар — 80 коп., хлеб — 3 руб., освещение — 50 коп., прачка — 1 руб., мелкие расходы — еще 50 коп. Всего уходило в месяц на самую скромную жизнь 24 руб. 80 коп. Государственную стипендию получало 15% студентов, и они должны были 6 лет отработать учителями в гимназии. Чтобы отделаться от этой обязанности, добивались характеристики о политической неблагонадежности, что помогало избежать казенной службы. Кроме того, имелись ведомственные стипендии (земств, МНП, учебных округов) и частные, на историко-филологическом факультете МУ присуждались стипендии К. Аксакова (325 руб. в год), С. Соловьева (600 руб.), А. Хомякова (321 руб.). В целом стипендии были в диапазоне от 8 до 50 руб. в месяц.

11% московских студентов пользовались бесплатными обедами в двух столовых, открывшихся в начале 90-х гг. на М. Бронной и Б. Царицынской. Столовые содержали за счет ежегодных пожертвований в размере израсходованных сумм. От платы за учебу (100 руб. в год) освобождалось 28 % студентов Московского университета, а не в состоянии платить было не менее 50% обучавшихся.

В Московском университете в первой половине 90-х гг. существовали студенческие землячества, которые возглавлял Союзный совет представителей землячеств. Действовали эти организации полулегально и стремились защищать студенческие интересы, не допускать разрозненных выступлений по академическим вопросам. Авторитетом в этих организациях пользовались неонародники, готовившие студенчество к совместным действиям в случае широких народных выступлений.

Оценивая общую ситуацию в российских университетах в конце XIX века, обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев писал в статье “Об университетском преподавании”, что университеты находятся в разваливающемся состоянии, что в них падает серьезная наука, что профессора только читают лекции, но не воспитывают студентов, не устанавливают с ними живой связи, не дают им индивидуальных заданий. Победоносцев ссылался при этом на опыт своих студенческих лет, наверное, забывая, что тогда была эпоха Николая I, и число студентов в несколько раз меньше. Но состояние университетов он почувствовал, тревога его, как показали последующие события, была не случайной.

Глава 4. Университетская система России в условиях революций и войн начала XX века

4.1. Университеты накануне и в годы первой российской революции

Положение университетов к началу XX в. было очень сложным, ибо, с одной стороны, можно отметить увеличение числа студентов, серьезную вовлеченность многих из них в занятия наукой, создание и расцвет университетских научных школ, а с другой — недовольство уставом 1884 г., университетскими порядками, давлением властей на университеты. Все это, в конце концов, вылилось во всероссийскую студенческую забастовку февраля-марта 1899 г., явившуюся первым массовым выступлением студенчества России.

Поводом к забастовке стал разгон отрядом конной жандармерии студенческой демонстрации у Румянцевского сквера в Петербурге. Как обычно, 8 февраля студенты Петербургского университета отмечали его годовщину, собираясь в двух помещениях: в зале Федоровой на Б. Гребецкой улице и на Боровой улице. Здесь было шумно, весело, пьяно и революционно, спорили народники и марксисты. В вечеринке участвовали такие известные ученые и общественные деятели, как В. Воронцов, Н. Кареев, П. Струве, М. Туган-Барановский и др. После громких споров студенты двинулись к Дворцовому мосту без всяких знамен и лозунгов, распевая веселые песни, и подверглись нападению конных городовых. Несколько студентов получили увечья, были арестованные и высланные. В ответ на эти действия жандармерии 11 февраля в СПУ началась забастовка, которая вскоре перекинулась еще на 30 высших учебных заведений России и охватила более 25 тысяч студентов.15 февраля к забастовке присоединились студенты Московского университета, избравшие для руководства исполнительный комитет и выдвинувшие ряд требований: гарантии физической неприкосновенности личности, публикация инструкции полиции в отношении студентов, право обжалования незаконных действий полиции обычным судебным порядком и т.п.

Размах забастовки, ее организованность, поддержка студенческих требований многими профессорами и российской общественностью вызвали разногласия в правительстве: часть министров (И. Л. Горемыкин — МВД, Н.П. Боголепов — МНП, К.П. Победоносцев — обер-прокурор Синода) требовали усиления репрессий в отношении студентов, другие (С. Ю. Витте, М. Н. Муравьев — министр юстиции, М И. Хилков — министр путей сообщения, А.С. Ермолов — министр земледелия) считали, что именно меры насилия к студентам превратили детские выступления в серьезные беспорядки. Была создана комиссия во главе с военным министром П. С. Ванновским для расследования событий 8 февраля. Опросив 300 свидетелей и участников событий, в том числе 124 арестованных студента, комиссия пришла к выводу, что студенческие выступления не носили антиправительственный характер, что надо сблизить профессоров и студентов, разрешить студентам создавать свои организации для культурных и научных целей, наладить более гибкую систему контроля над студенчеством.

Николай II утвердил доклад комиссии Ванновского, вину за беспорядки разделили между студентами и полицией, но наказали фактически только студентов, в основном, провинциальных университетов. Боголепов остался МНП, но принял ряд мер и на основе проведенного в мае 1899 г. совещания попечителей и ректоров издал несколько циркуляров. В одном из них предписывалось обязательное проведение практических занятий, открытие научных и культуртрегерских студенческих кружков; другой циркуляр налагал на инспекторов заботу об улучшении студенческого быта и под этим предлогом увеличивал число их и педелей. Наконец, МНП установило обязательность поступления выпускников гимназий в университет только своего учебного округа, а если такового нет, то в строго определенные университеты. Но самым скандальным из принятых тогда документов явились “Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений”, изданные 29 июля 1899 г. Они предусматривали исключение из университета и отдачу в солдаты за неповиновение начальству, участие в студенческих волнениях и т.п.

Временные правила не запугали студентов, а вызвали новую волну их выступлений, начавшуюся в конце 1900 г. в Киевском университете. Студенты СПУ поддержали киевлян, организовав забастовку. Прекратились посещения лекций, профессоров, продолжавших их читать, подвергали обструкции. Часть студентов поддержала освистанных профессоров. Тогда леворадикальные элементы решили провести химическую обструкцию и разбивали в аудиториях склянки с вонючими газами, что оттолкнуло от забастовщиков большинство студентов. Учитывая изменившуюся обстановку, министр Боголепов решил применить “Временные правила” и отдал распоряжение о передаче в солдаты свыше 200 киевских и петербургских студентов на 1-3 года В ответ началась вторая всероссийская студенческая забастовка, поддержанная на этот раз в ряде городов рабочими.

В начале 1902 г. Боголепов был убит эсерами. Временные правила отменили, министром назначили 80-летнего Ванновского, который взял курс на реформы. Прежде всего, были изданы Временные правила о студенческих организациях, разрешавшие их создание под контролем университетской администрации и профес-

суры. Затем министр обратился к профессуре с просьбой вносить предложения по изменению устава 1884 г. Николай II не очень поддерживал курс Ванновского, считал необходимым усилить давление на студентов, симпатизировал идее князя Мещерского о сокращении университетского образования, о введении дополнительных трудностей для его получения. В письмах Николая II министрам народного просвещения Ванновскому и Зенгеру подчеркивалась необходимость сократить число классических гимназий, так как они давали возможность поступать в университеты, принимать в университеты только окончивших эти гимназии, поднять роль профессоров в налаживании порядка и дисциплины, предлагалось перенести ряд факультетов в небольшие города.

Надо отметить, что студенты и профессора тоже не выразили восторга в связи с предложениями Ванновского. Первые считали уступки правительства недостаточными и ответили на них третьей всероссийской студенческой забастовкой в январе 1902 г. (с участием 30 тыс. человек), вторые отказывались выполнять функции надзора над студентами.

Курс Ванновского был признан при царском дворе вредным, и после убийства Д. С. Сипягина его отправили в отставку. Новый министр Г.Е. Зенгер вынужден был продолжать курс Ванновского, намереваясь усилить участие профессоров в контроле за студентами. Одновременно была создана комиссия по преобразованию вузов, которая обсудила и переработала все статьи устава 1884 г., подготовила проект нового устава, но правительство сочло его чересчур либеральным.

В 1904 г. Зенгер был освобожден от поста, и министром назначен генерал Глазов В.Г. — бывший начальник Академии Генштаба. Глазов заявил, что он никогда не занимался народным образованием, но готов выполнить волю императора и очистить университеты и МНП от определенного типа людей. Однако в предреволюционной обстановке курс Глазова оказался нереальным.

Одновременно с правительственными мерами в отношении университетов в периодической печати широко обсуждались университетские проблемы. Либеральная и консервативная пресса помещала статьи видных ученых, публицистов, общественных деятелей, которые единодушно высказывались за полную отмену устава 1884 г., за расширение университетской автономии и т.д. Известный историк П. Виноградов писал в "Вестнике Европы" в 1901 г., что в России не решен университетский вопрос, а от этого зависит вся система воспитания и образования. Университет должен быть самодеятельным, только при этом условии он может выполнить свои задачи. Виноградов предлагал отойти от общефакультетских учебных планов и составлять их по определенной специальности, указав в них главные предметы, что сократит число обязательных лекций, позволит студентам слушать больше курсов по выбору. Устав 1884 г., отмечал Виноградов, пытался решить две несовместимые идеи: поставить университеты под полный контроль государства и усилить академические свободы в духе немецких университетов, что оказалось невозможным, породило сразу массу конфликтов.

Профессор МУ кн. С.Н. Трубецкой считал, что "теперешний строй наших университетов не пользуется ничьей симпатией", что "университет стал походить на "больного человека", который может поддерживать непрочный порядок в своих владениях путем чисто внешних репрессий". В то же время он полагал, что хорошо поставленное университетское образование позволит внедрить в людей терпимость, умеренность, стремление к компромиссу, взаимопониманию. Трубецкой предлагал дать студентам определенные права, что отвлечет их от участия в революционном движении.

Профессор В. Вернадский особо подчеркивал унизительное положение профессоров в российских университетах: они находились под постоянным полицейским надзором, рассматривались как часть бюрократической системы. На Западе, — отмечал Вернадский, — развивается университетское самоуправление, а в России идет ущемление их автономии, и устав 1884 г. оказал пагубное воздействие на российские университеты. Университетские профессора пришли к выводу, что надо коренным образом переработать университетский устав, что профессура должна управлять университетами. Вернадский призывал создавать объединения университетских профессоров для защиты университетов и созвать профессорские съезды всей России.

"Вестник Европы" в №10 за 1901 г. поместил предложения комиссии СПУ об изменениях в уставе: восстановить университетскую автономию, выборность профессорско-преподавательского состава путем голосования в университетском совете, отменить систему гонораров, а также государственные экзамены по министерским программам, разрешить студентам проведение курсовых, факультетских и университетских собраний с позволения ректора, декана при участии назначенных советом профессоров, создать студенческое самоуправление в лице курсовых старост и советов старост.

Остро обсуждался вопрос о допущении женщин в университет: студенчество, либеральная профессура стояли за это, правительство, консервативная часть общества — против, так как это, по их мнению, только могло революционизировать университеты. Князь Мещерский поместил в №78 "Гражданина" за 1901 г. статью, в которой доказывал, что допущение женщин приведет к разврату, что женщин с университетским образованием некуда будет девать.

Много внимания уделялось в университетской дискуссии необходимости усиления связи в университетах учебы с научно-исследовательской работой, а Д. Менделеев категорично заявлял, что профессорами в университетах могут быть только лица, постоянно занимавшиеся научной деятельностью.

Несмотря на трудности во внутриуниверситетской жизни, споры, дискуссии, студенческие выступления, университеты продолжали выполнять свои задачи, увеличивали прием студентов и выпуск специалистов. По некоторым подсчетам, из примерно 85 тысяч имевшихся в России к началу XX в. людей с высшим образованием 58 тысяч окончили российские университеты. Распределение студентов по факультетам было очень нерав-

номерным. Например, в СПУ к началу 1900 г. более 2 тыс. училось на юридическом, около 1150 — на физико-математическом, 212 — на факультете восточных языков и всего 171 — на историко-филологическом. Из поступавших в срок заканчивала учебу незначительная часть. В СПУ ежегодно принимали более 1 тыс. студентов, а выпускали лишь третью часть. Так, в 1906 г. получили дипломы 378 человек, из них 8 окончили факультет восточных языков, 21 — историко-филологический, 109 — физико-математический и 239 — юридический.

Некоторое представление о жизни студенчества могут дать сведения о московских студентах, собранные в результате опросов и анкетирования в 1903 г. Отмечается прогрессирующая бедность студентов из года в год, более 50% студентов МУ нуждалось в материальной помощи. Часть из них получало поддержку "Общества для пособия недостаточным студентам Московского университета", созданного в 1873 г. Университетские стипендии получало 15% студентов, в среднем 20-22 руб. в месяц, а меньше, чем на 25 руб., жить студенту в Москве было практически невозможно. Но были студенты, жившие на 18 руб. в месяц: втроем в тесной комнате, на сухом хлебе, чае в прикуску, раз в 2 месяца баня. Стипендии и пособия выдавались со второго курса и при отличных отметках. Поэтому особенно велик был отсев с 1 курса. В результате на историко-филологическом факультете уже на 2 курсе всякий желавший мог получить стипендию, а для юристов она была достижима часто только на третьем курсе. От платы за учебу (100 руб. в год) освобождалось 28% студентов МУ, а не в состоянии были платить не менее 50%. Вот еще причина оставления учебы. Кроме платы за обучение, студент расходовал около 150 руб. на одежду (правда, у Ильинских ворот имелись две лавки, где бедные студенты могли купить поддержанную студенческую одежду), от 10 до 60 руб. на покупку учебников. Питание большинства студентов было скудным: на завтрак и ужин покупали колбасу по 25 коп. фунт и русский сыр по 20 коп. фунт делили на 4 раза, добавляя хлеб и чай, а обедали в кухмистерской. Пикантным блюдом на ужин были полдесятка соленых огурцов и 0,5 фунта черного хлеба. 11% студентов получали бесплатные обеды в двух столовых на М. Бронной и Б. Царицынской, открытых в начале 90-х гг. XIX в. Эти столовые содержались за счет ежегодных пожертвований Ю. И. Базановой в размере израсходованных сумм (примерно 21 тыс. руб. в год). В результате плохого питания очень много хронических желудочных заболеваний у студентов. Некоторые бедные студенты 1 курса, не получая стипендии, соблазнялись предложением московских мамаш получить бесплатно комнату и харчи до окончания университета при условии женитьбы потом на одной из дочерей. Таким образом одна мамаша сумела выдать по очереди за студентов 3 дочерей.

Несмотря на трудности и сложности университетской жизни, успешно развивалась в университетах наука, расширялись старые и возникали новые научные школы. В Московском университете большие достижения в физике были связаны с существованием школы П. Н. Лебедева, ученики которого составили основу Физического общества при МУ. В 1904 г. открылся Физический институт при физмате МУ, что позволило расширить объем исследований, вовлечь в них значительную часть студентов. Н.Е. Жуковский и С. А. Чаплыгин сформировали крупнейшую школу механики в МУ, в 1902 г. здесь была установлена одна из первых в мире аэродинамическая труба, что дало толчок успешному развитию аэрогидродинамики. С 1893 г. руководство московской школой химиков перешло к Н. Д. Зелинскому. Геологическая школа Московского университета создавалась трудами А. П. Павлова и его учеников. На рубеже веков расцвела московская школа историков-специалистов по всеобщей истории, связанная с именами: П. Т. Виноградова, Р. Ю. Виппера, Д. М. Петрушевского, А. Н. Савина.

Революция 1905-1907 гг. серьезно отозвалась на университетской жизни. Уже с февраля 1905 г. начались студенческие сходки, демонстрации, выступления, активно участвовали студенты в различных политических акциях. В результате занятия постоянно прерывались, университеты закрывались. Так, в СПУ 7 февраля 1905 г. состоялась массовая сходка в Актовом зале, послужившая началом студенческих выступлений в годы революции. После нее во втором семестре 1904 / 1905 уч. года занятий не было. В сентябре 1905 г. занятия начались, но октябрьские события прервали учебу до осени 1906 г.

В Московском университете в настоящую студенческую демонстрацию, перешедшую затем в студенческие волнения, сделавшие невозможными учебные занятия, вылились похороны либерального профессора, ректора С. Н. Трубецкого в начале октября 1905 г. Трубецкой был идеальным представителем университетской профессуры, отличался моральной чистотой, отсутствием карьеризма и стяжательства, пользовался в МУ большим уважением. Избранный осенью 1905 г. ректором, Сергей Николаевич хотел сохранить университет, изолировав его от политических страстей, кипевших вокруг. Но за это его подвергли критике и справа, и слева. На похороны Трубецкого собралась огромная толпа, и социал-демократы попытались использовать их в своих целях. В сентябре 1905 г. в Московском университете начался новый учебный год, но в связи с Октябрьской всероссийской забастовкой он прервался, и университет был закрыт до осени 1906 г. В феврале 1905 г. приостановили занятия в Томском университете, и фактически весь год они не проводились. В 1906 г. учеба возобновилась, но часто прерывалась забастовками, митингами.

В Варшавском университете особый размах приобрела борьба за полонизацию. Польское студенчество решило создать невыносимые условия для русских профессоров, что привело в октябре 1905 г. к прекращению занятий. Значительная часть русской профессуры ставила вопрос о переводе университета в русский город. В Российском правительстве не было единого мнения о судьбе Варшавского университета, министр народного просвещения И. И. Толстой был против насильственной русификации, считал, что надо создать параллельно русским и польские факультеты и даже создать чисто польский университет, а русский перевести в другой го-

род. Но другие министры его не поддержали, а сменивший Толстого фон-Кауфман при поддержке Столыпина стоял за полную ликвидацию университета в Варшаве и перевод его в один из русских городов. В результате долго не могли власти придти к единому мнению, и Варшавский университет несколько лет бездействовал.

В ходе революции начали легально действовать многочисленные политические партии, оказавшие большое воздействие на профессуру и студенчество. Если среди профессоров особенно популярны были кадеты (недаром кадетскую партию называли часто профессорской), то партийные пристрастия студентов были более разнообразны: от анархистов до черносотенцев. Политические страсти ворвались в университетские аудитории, они часто использовались для проведения митингов, собраний партиями, профсоюзами, другими общественными организациями.

Под влиянием требований профессоров и студентов, стремясь отвлечь их от участия в революции, правительство пошло на ряд уступок. 27 августа 1905 г. были приняты “Временные правила по управлению университетами”, которые формально не отменяли устав 1884 г., но восстанавливали выборность ректоров и деканов, устанавливали самостоятельность университетских Советов. Упразднялась университетская инспекция, разрешался прием в университеты выпускников семинарий, реальных и коммерческих училищ, зачисление женщин в качестве вольнослушательниц. Был восстановлен университетский суд.

В 1905 г. опять встал вопрос о новом университетском уставе. Под председательством МНП И. И. Толстого была создана комиссия с участием профессоров ряда университетов, которая на основе собранных еще в 1902 в министерстве материалов приступила к выработке университетского устава. Комиссия подготовила проекты документов, которые были посланы для обсуждения в университетские Советы. С 5 по 28 января 1906 г. в Петербурге было проведено совещание ректоров и профессоров российских университетов (по одному профессору от каждого факультета), в котором участвовало 44 человека. На нем председательствовал И. И. Толстой (в своих воспоминаниях И. И. Толстой подробно излагает причины, по которым он решил возглавить комиссию: лучше познакомиться с жизнью университетов, поднять авторитет комиссии в глазах чиновников и т д.). Совещание разбилось на 5 комиссий, обсуждавших разные разделы устава, окончательное решение принималось на общих заседаниях путем голосования. “Думаю, что редко у нас в России осуществлялось такое компетентное собрание, в котором, несмотря на различие основных направлений и темпераментов собравшихся, все участники от первого до последнего работали так дружно, не за страх, а за совесть, признавая дело не чужим, а своим, с единственным желанием создать нечто по возможности совершенное не ради угождения кому-либо, а ради самого дела”, — писал И. И. Толстой через несколько месяцев, уйдя в отставку.

В результате трехнедельной работы участников совещания был подготовлен проект нового университетского устава. Он был гораздо меньше по объему прежних, так как участники совещания выступили против излишней регламентации — она должна присутствовать в университетских правилах и быть индивидуальной для каждого университета. По проекту университет получал широкую автономию, управлялся Советом, включавшим всех профессоров университета. Совет решал основные вопросы университетской жизни, а факультетские собрания — факультетской. Ректор должен избираться на 2 года из профессоров университета и утверждаться императором; он мог переизбираться. Отменялись все ограничения при приеме, женщины получали право не только учиться в университете, но и преподавать, студентам разрешалось самим выбирать учебные предметы, создавать литературные и научные общества. Большинством голосов участники совещания высказались за сохранение одной ученой степени — докторской и повышение требований к ее соискателям, за замену общеуниверситетской кафедры богословия кафедрой истории религий на историко-филологическом факультете Во всех вопросах университетской жизни решающий голос должен принадлежать профессорам, ибо все остальные в университете люди временные или случайные, либо вспомогательный персонал.

Дальнейшее развитие событий, замена И. И. Толстого на посту министра в апреле 1906 г. П.М. фон Кауфманом, человеком консервативных взглядов, привели к тому, что дальше разработки нового проекта устава дело не пошло.

Новый министр, учитывая, что революция отступала, правительство овладело обстановкой, выработал программу наступления на университетскую автономию и студенческие организации. Опираясь на поддержку П. А. Столыпина, он предложил изгнать из университетов политику, ликвидировать студенческую автономию, прежде всего, в общежитиях. Правые депутаты Государственной думы поддерживали Кауфмана, но большинство ректоров не соглашались с его курсом в отношении студентов. Тогда Кауфман подал рапорт в Сенат, обвиняя ректора и проректора Новороссийского (Одесского) университета в бездействии и превышении власти (прием женщин-вольнослушательниц, допущение собраний и митингов в стенах университета, пособничество незаконной деятельности студенческих организаций и т.д.), вынудив их уйти в отставку.

Затем министерство разработало проект “Правил о студенческих организациях и устройстве собраний в стенах высших учебных заведений”, в котором вся ответственность за порядок в университете возлагалась на профессуру. Кауфман внес предложение поставить у входа в вузы полицейскую стражу, что вызвало протест даже министра внутренних дел Макарова. 11 марта 1907 г. Правила были подписаны министром народного просвещения, но издали их и разослали по вузам только в летние каникулы после третьеиюньского переворота, чтобы студенты не сразу на них отреагировали. Согласно этим правилам запрещались центральные органы студенческого представительства в вузах (совет старост и т.п.), разрешалось присутствие на студенческих собраниях полицейских чинов, профессура приглашалась к тесному сотрудничеству с властями для поддержания порядка.

1 августа 1907 г. МНП разослало во все университеты циркуляр о необходимости требовать от поступающих письменного свидетельства о благонадежности.

В 1906-1907 гг. в университетах шел спор о преимуществах двух систем: курсовой и предметной. Большинство склонялось к введению предметной системы, суть которой состояла в том, что на факультетах составлялось несколько учебных планов в соответствии с имевшимися специализациями. Студент выбирал по этому плану, какой он будет сдавать основной предмет и какие специальные, какие посещать практические занятия. При этом можно было растянуть учебу в университете до 6 лет или успеть все сделать за 2 года. При предметной системе студент имел право выбора, что заставляло преподавателя лучше готовить лекции, более тесным становилось общение студентов с профессорами. Предметная система ориентирована на сильного студента и талантливого преподавателя, поэтому устраивала не всех. Кроме того, требовалось наличие большого количества профессоров, чтобы у студента была возможность выбора. В результате многолетних дискуссий придти к единому мнению не удалось, и предметная система не была введена.

Таким образом, начало XX в. в истории российских университетов отмечено, с одной стороны, небывалой вовлеченностью профессоров и студентов в общественную жизнь, в политическую борьбу, а с другой — поиском новых путей подъема университетского образования, новых правил внутри университетской жизни, соответствовавших требованиям XX века.

4.2. Между двумя революциями

Поражение первой русской революции отразилось и на судьбах университетов. Как мы отмечали, университеты начали лишаться тех прав и свобод, которые они получили в 1905 г. Проект устава, выработанный в январе 1906 г., не был реализован, к руководству министерством народного просвещения по очереди были привлечены консервативно настроенные деятели: фон Кауфман, А. Н. Шварц, Л. А. Кассо. Последний из них заявил, что нечего менять университетские уставы каждые 20 лет, что устав 1884 г. хорош и дополненный правилами 1905 г. может действовать еще много лет. Однако требования профессоров и студентов, выступления в Государственной думе представителей ряда фракций заставляли министерство проводить двойственную политику: одной рукой отнимать университетские права, а другой — разрабатывать проект нового устава с учетом требований общественности. Так, министр Кауфман в 1907 г. запретил прием в университеты выпускников коммерческих, реальных училищ, духовных семинарий, зачисление женщин вольнослушательницами. Студенческие собрания было разрешено проводить лишь по академическим вопросам, касавшимся данного учебного заведения. От профессоров потребовали принятия дисциплинарных мер против бастующих студентов. Осенью 1907 г. был подготовлен в министерстве новый проект устава, по которому высшее руководство университетом передавалось министру, осуществлявшему его через назначаемого императорским указом канцлера. Университетский совет получал право обсуждать только учебные программы и избирать профессоров, все его решения должны утверждаться канцлером.

Однако студенческие сходки осенью 1907 г., выступления либеральной профессуры против правительственного курса означали, что политика Кауфмана потерпела провал, и он вынужден был уйти в отставку.

Новым министром стал А. Н. Шварц, который пользовался полной поддержкой П.А. Столыпина, о чем свидетельствовала серия статей проф. И. Я. Гурлянда, появившаяся в проправительственной печати по предложению Председателя Кабинета министров. Столыпин призывал министра к решительным действиям по наведению порядка в университетах, предлагал исключать смутьянов без права поступления в другие высшие учебные заведения, увольнять профессоров и преподавателей, которые попустительствуют и содействуют разладу в жизни университетов. Когда в сентябре 1908 г. в СПУ началась студенческая забастовка и Совет университета предложил временно закрыть его, министерство не согласилось с этим. На заседании правительства был обсужден текст официального заявления, написанный самим Столыпиным. В нем говорилось, что правительство не может терпеть студенческие забастовки в условиях, когда в стране нет полного успокоения, что курс Шварца пользуется поддержкой правительства, что университетская автономия означает лишь выборность ректоров и деканов. В то же время Кабинет министров разрешил студентам избирать старост-посредников для урегулирования текущих учебных вопросов.

В октябре 1908 г. забастовка в СПУ прекратилась, правительство приостановило наступление на университетские права. Одновременно разрабатывался новый проект устава, опубликованный в правительственной печати. По этому проекту профессора назначались министерством, в случае затянувшихся выборов ректора и декана они назначались министром. Отменялся профессорский суд, все судебные обязанности возлагались на ректора. Ограничивались состав и полномочия университетского Совета. В студенты должны приниматься в университетах лишь выпускники мужских гимназий МНП, увеличивалась плата за учебу, для надзора за студентами вводилась должность факультетского пристава. Обладатель университетского диплома лишался прав и привилегий по службе, которые раньше получали выпускники университета.

Проект Шварца не получил полной поддержки даже в правительстве, но его все же передали на обсуждение в Государственную думу. Против проекта выступила широкая общественность, ректоры СПУ и МУ И. Боргман

и А. Мануйлов расценили его как попытку отбросить университеты далеко назад. Проект был настолько непопулярен, что новый министр Кассо отозвал его из Думы в 1910 г.

Конец 1910-начало 1911 гг. ознаменовались новым подъемом студенческого движения в связи с похоронами проф. МУ С. А. Муромцева, известного юриста, одного из лидеров кадетов, а затем и смертью Л.Н. Толстого. Правительство потребовало от администрации университетов принятия строгих мер к участникам демонстраций, а от профессоров помощи в их подавлении. В ответ прокатилась новая волна забастовок, в Петербурге городской коалиционный комитет призвал студентов бастовать весь семестр. Власти приняли решение ввести в здания университетов полицейские караулы, были арестованы и высланы сотни студентов. В связи с этими мерами ректор и оба проректора Московского университета подали в отставку, а Кассо уволил их из университета. В знак солидарности с ректором покинули университет 130 профессоров и преподавателей. Московский университет долгие годы не мог оправиться от такого разгрома. Министр лично увольнял неблагонадежных профессоров и в других университетах, назначал на их место своих ставленников, но их не хватало. В результате уже к концу 1911 г. из 443 университетских кафедр 146 были вакантны, для 60 из них не было кандидатур и среди приват-доцентов.

В качестве выхода из положения Кассо предложил послать значительное количество выпускников российских университетов в западноевропейские университеты, дабы уберечь их от вредного влияния. Правительство поддержало министра лишь частично, чтобы не признать полную несостоятельность русской высшей школы. Было решено улучшить подготовку профессоров в отечественных университетах, а часть выпускников послать на два года в Париж, Берлин и Тюбинген.

Университетская система в России подвергалась серьезной критике на заседаниях Государственной думы. Правые требовали отменить всякую университетскую автономию, ликвидировать любые признаки студенческого самоуправления, сделать высшее образование недоступным для определенных социальных категорий и национальностей. Социал-демократы связывали решение университетского вопроса только со свержением самодержавия (Чхеидзе заявил: “Свободная наука может существовать только у свободного народа”). Кадеты и октябристы выступали за пересмотр устава 1884 г., за предоставление университетам автономии, за открытие новых университетов, за разрешение поступать в университеты всем желающим. Кадеты заявляли: «Университеты — это очаги русской культуры, передовые источники света, без которого немыслимо прогрессивное движение страны, ни низшее, ни среднее образование».

Позицию значительной части студенчества выразил в своем реферате “Университеты и университетская наука” В. Булгаков, подавший в 1910 г. ректору МУ прошение об увольнении из студентов философского отделения. С этим рефератом Булгаков выступил перед студентами юридического факультета МУ, и большинство ораторов его поддержали. Булгаков сказал, что за 3 года пребывания в университете убедился, что система преподавания неудовлетворительна, что университет и наука не совпадают, что трудно выбрать специальность, поступая на 1-й курс, что ни один лекционный курс не читался до конца, а профессора часто дословно повторяли давно изданные курсы, что экзамены превращаются в комедию и по ним нельзя судить о знаниях студентов и т.д. Выход он видел в полной свободе университета, в его независимости от государства.

После открытия Томского университета долгие годы в России не открывались новые, хотя, как отмечалось ранее, в стране их было явно недостаточно. Николай II на одном из докладов министра народного просвещения начертал резолюцию: “Я считаю, что Россия нуждается в открытии высших специальных заведений, а еще больше в средних технических и сельскохозяйственных школах, но с нее вполне достаточно существующих университетов. Принять эту резолюцию за руководящее мое указание”. Правда, непонятно, откуда бы взялись преподаватели для новых учебных заведений, если не расширять число университетов.

При таком отношении властей трудно было добиться открытия нового университета, но общественность Саратова сумела решить эту задачу. Мечта об открытии Саратовского университета зародилась еще в середине XIX в. Саратов уже тогда стал выделяться среди городов Юго-Востока европейской части России по своему культурному потенциалу. Постепенно здесь открывались новые гимназии, крупнейший в провинции художественный музей, художественное училище, театры и т. д. Университет должен был увенчать духовную сферу города и способствовать превращению Саратова в культурную столицу Нижнего Поволжья. Стремления саратовской общественности поддерживали жители ряда соседних губерний. Но только в начале XX в. создались реальные предпосылки открытия университета. Решающую роль в этом сыграли некоторые факторы: возможность крупных материальных пожертвований на строительство университета, настойчивость губернской общественности и поддержка ее губернскими властями и, наконец, позиция бывшего саратовского губернатора, в то время ставшего главой правительства, П. А. Столыпина. Кроме того, в связи с закрытием Варшавского университета Саратов оказался наиболее приемлемым местом для перевода преподавателей и студентов из Варшавы. Однако в сентябре 1908 г. Варшавский университет возобновил свою работу, в него открыли широкий прием русских студентов, даже выпускников духовных семинарий и без дополнительного экзамена по классическим языкам. В результате резко изменился национальный состав университета, поляков теперь оставалось только 8-12%, а русские составляли абсолютное большинство. Жители Варшавы относились к университету неприязненно, он был для них инородным телом.

В связи со всеми сложностями с Варшавским университетом теперь стоял вопрос об открытии в Саратове совершенно нового учебного заведения. Учитывая, что все условия для этого существовали, 8 мая 1909 г. Государственная дума, а затем 7 июня 1909 г. Государственный Совет приняли законопроект “Об основании уни-

верситета в г. Саратове и отпуске средств на этот предмет”. 10 июня 1909 г. Николай II, находясь на императорской яхте “Штандарт”, подписал закон: “Быть посему”.

Саратовский университет первоначально открывался в составе одного факультета — медицинского, но наряду со специальными кафедрами создавались и общенаучные: физики, химии, ботаники и т.п. Не позже, как через 5 лет, предполагалось открыть все остальные факультеты.

Решено было начать учебный год уже в сентябре, для занятий подготовлено здание бывшей фельдшерской школы. В июле в Саратов прибыли первый ректор — профессор Казанского университета В. И. Разумовский и первый декан медицинского факультета — профессор И. А. Чуевский, тоже из Казани. Надо отметить, что среди первых профессоров СУ большинство представляли казанцы, кроме них были из Москвы и Одессы. Сразу коллектив принялся за подготовку к первому учебному году. Нужно было приспособить помещения, оборудовать лаборатории, договориться о проведении практических занятий в медицинских учреждениях, провести набор студентов. Все это легло на плечи первого ректора, показавшего себя умелым организатором, целиком отдавшим все силы университету (он отказался в Саратове от частной хирургической практики, несмотря на приглашения богатых клиентов). Усилия небольшого, но дружного коллектива профессоров и администрации принесли хорошие результаты. В начале сентября в университет было принято 92 студента и 14 вольнослушателей, среди них только 50 % составляли саратовцы, остальные — из многих губерний России, в том числе бывшие студенты 8 других университетов. Возраст студентов первого набора был разнообразен: от 17 до 30 лет, социальный состав — также: от крестьян до дворян.

На Саратовский университет был распространен устав 1884 г. с последующими изменениями. Штаты университета были утверждены в составе 29 профессоров, 4 лекторов по иностранным языкам, 10 ассистентов клиник, 20 ординаторов клиник, 17 лаборантов. Государство сразу взяло университет на свое содержание и выделило на 1909 г. в этих целях 45708 руб. и 7500 руб. на стипендии и пособия студентам. Этих средств, конечно, было недостаточно. Поэтому губернатор и Городская дума передали университету дополнительные суммы, а также поступили многочисленные частные пожертвования. Город выделил значительную территорию для строительства университетских зданий, библиотеки, создания ботанического сада. Вскоре под руководством архитектора-художника К. Мюффке был разработан проект университетского городка и началось строительство университетского комплекса; здания вступали в строй одно за другим, но первая мировая война помешала осуществить все задуманное.

Занятия в Саратовском университете начались 23 сентября 1909 г. Проф. физики В. Д. Зернов вспоминал, что первую лекцию он читал 27 сентября, пришли все студенты во главе с деканом. Уже к этому времени была создана физическая лаборатория, что позволяло сопровождать лекции опытами.

6 декабря 1909 г. состоялось торжественное открытие Саратовского университета. На него прибыли многочисленные гости из других российских университетов, представители общественности, губернских и городских властей. Утром проходил торжественный молебен в Соборе, а затем шествие к месту закладки первого камня в здание университета на Московской площади. Днем торжественный акт открытия университета имел место в Городском театре. После выступления попечителя Казанского учебного округа А. Н. Деревицкого ректор В. И. Разумовский произнес торжественную речь, в которой изложил коротко историю университетов и медицинских факультетов в Европе и России, закончив ее такими словами: “Пусть же новый светильник, зажженный на юго-востоке России, горит ярким, но ровным пламенем, рассеивая мрак невежества, освещая пути обновленной России!”. Декан И. А. Чижевский выступил с речью “К истории императорского Николаевского университета”. Затем последовали многочисленные приветствия новорожденному университету от старших собратьев, в том числе и зарубежных. Всего было прислано 163 адреса и 669 приветственных телеграмм. В честь памятного события были изготовлены медали: 115 серебряных, 550 бронзовых и 2 золотые для подношения императору и Столыпину.

25 июня 1910 г. началось строительство 1-го и 2-го корпусов Саратовского университета, а осенью 1913 г. в них приступили к занятиям. В 1914 г. вступили в строй 3-й и 4-й корпуса. 27 октября 1909 г. открылась в небольшой комнате университетская библиотека.

К началу первой мировой войны университетское образование в России сделало значительный шаг в своем развитии: появился новый университет, возникли новые факультеты и кафедры, выросло число преподавателей и студентов, увеличился намного выпуск из университетов, особенно на юридических и физико-математических факультетах. Так, количество студентов в российских университетах с 1900 по 1913 гг. увеличилось в 2 раза, а преподавателей на 80%; за эти годы университеты окончило более 40 тыс. человек, среди них свыше 9 тыс. юридические факультеты. Менялся классовый состав преподавателей и студенчества, при этом среди студентов выходцы из дворянства составляли всего 5%, а в числе профессоров их было до трети. В 1915 г. в Петроградском университете появилась первая женщина преподаватель О. А. Добиаш-Рождественская, читавшая лекции по истории западноевропейского средневековья.

Надо отметить и серьезные проблемы в развитии университетов в России. В связи с позицией Николая II медленно, по сравнению с остальной Европой, росло число университетов в России (в Германии за 1900-1912 гг. открылось 10 новых университетов, в Италии — 11, во Франции — 13). С большими трудностями добивались открытия новых факультетов, новых кафедр. Так, несмотря на поддержку III и IV Государственных дум, из-за позиции МНП не открывались историко-филологический и физико-математический факультеты в Томском университете, новые факультеты в Саратовском университете, не преобразовывался в университет Деми-

довский лицей в Ярославле. Постоянно испытывали университеты нехватку преподавателей, в 1913 г. оставалось вакантными около трети преподавательских мест. Например, в Харьковском университете к 1917 г. из 173 преподавательских единиц только 47 занимали штатные работники, а 50 профессоров и 76 приват-доцентов были внештатными. В Петроградском университете на 47 штатных профессоров приходилось в 1916 г. 32 внештатных. Одной из причин отсутствия необходимого количества профессоров и доцентов была повышенная сложность получения магистерских и докторских степеней в российских университетах. Многие современники отмечали, что российские магистерские диссертации превосходили немецкие, американские и другие докторские. Очень трудным был и магистерский экзамен, который сдавался несколько дней по разделам науки, а затем надо было еще представить письменное эссе по теме, предложенной экзаменационной комиссией. По 5-7 часов продолжались диспуты на защите диссертации, задавалось множество вопросов, выступало, кроме официальных оппонентов, обязательно несколько неофициальных, среди которых могли быть даже студенты.

По-прежнему не решался вопрос о повышении заработной платы работникам вузов, она оставалась на уровне, определенном уставом 1863 г., хотя с тех пор изменился курс рубля, повысились цены и т. д. Для наглядности приведем ставки, установленные при создании Саратовского университета: ординарный профессор — 3 000 руб. в год, преподаватель иностранного языка — 1 000 руб., ассистент клиники — 1 200 руб., лаборант — 800 руб., бухгалтер — 1000 руб., фельдшер — 480 руб., сиделка — 150 руб. Ректор, кроме профессорского оклада, получал еще 1 500 руб. в год, декан — 600 руб. Казалось бы, что профессорско-преподавательский состав материально обеспечен неплохо (для сравнения средняя зарплата промышленного рабочего в 1913 г. 263 руб. 60 коп. за год), но надо иметь в виду дополнительные расходы на квартиру, на покупку книг, выписывание газет и журналов, которые поглощали значительную часть доходов. Не случайно абсолютное большинство профессоров совмещали работу в 3-4 местах. В то же время профессора американских университетов получали от 4 до 9 тыс. руб. в год, а президенты университетов от 8 до 13 тыс.

В годы первой мировой войны значительная часть студентов университетов отправилась в армию, особенно студенты-медики. В связи с этим с 1915 г. начали принимать женщин на медицинские факультеты. В ходе боевых действий пришлось эвакуировать Варшавский, Дерптский университеты и на месте их нового размещения были заложены основы будущих Ростовского и Воронежского университетов. В 1916 г. в Перми открылось отделение Петроградского университета, которое в 1917 г. было преобразовано в самостоятельный университет. В Саратов осенью 1915 г. был частично эвакуирован Киевский университет, в городе появилось более 2,5 тысяч студентов и преподавателей его юридического, физико-математического и историко-филологического факультетов.

Царское правительство вынуждено было учитывать давление общественного мнения и вносить изменения в политику по отношению к высшей школе. Значительную роль сыграли действия министра народного просвещения П. Н. Игнатьева, который понимал роль университетов. В 1916 г. он писал: “Как бы не выдвигать вперед значение профессионального образования, необходимо иметь в виду, что университеты являются единственными рассадниками целых категорий деятелей, без которых не может обойтись ни высшая школа, ни средняя общеобразовательная и профессиональная школы, ни государственная и общественная работа”. В связи с этим Игнатьев разработал проект создания не менее 9 новых университетов (в том числе в Воронеже, Ярославле, Екатеринославе, Владивостоке, Ташкенте и т. д.), подписал решение об открытии ряда новых факультетов в уже существовавших университетах, подготовил проект нового университетского устава, расширявшего права профессорской коллегии, особенно в кадровых вопросах. Однако министерская чехарда тех лет коснулась и МНП, Игнатьев был отправлен в отставку, а прошедшая вскоре Февральская революция привела к полному отказу от его планов.

Таким образом, к 1917 г. в России сложилась собственная университетская система, хотя и воспринявшая некоторые черты немецких и французских университетов, но отличавшаяся существенными особенностями. Российские университеты давали глубокие знания в области фундаментальных наук, профессора читали общие курсы, специализация вводилась на старших курсах, существовала тесная связь с академической наукой, очень высокие требования к магистерским и докторским диссертациям и т. п. Все это обеспечило серьезные достижения университетов России, рост их авторитета в стране и за рубежом. Руководство университетов осознавало стоявшие проблемы и искало пути их решения.

Глава 5. Университеты в годы революции и гражданской войны

В первой половине XX в. в связи с расцветом науки, превращением среднего образования в общедоступное в большинстве европейских стран, Северной Америке и Японии, расширением сети вузов проблемы дальнейшего развития университетов широко обсуждались общественностью; о судьбах их, необходимости серьезных перемен в университетской жизни высказывались многие видные ученые и общественные деятели. Так, Макс Вебер прочитал в 1918 г. в Мюнхенском университете лекцию “Наука как профессия”, в которой выдвинул свою идею университета, как центра интеллектуального единства, соединяющего приращение знаний, обучение методам мышления и ориентацию на основные человеческие ценности. Вебер предлагал, чтобы в университетах преобладало элитарное обучение индивидуального характера, основанное на либерально- гуманистических идеалах.

Другой подход к будущему университетов предложил известный философ, математик и педагог Альфред Норс Уайтхед в цикле лекций, с которыми он выступил в Кембриджском и Гарвардском университетах в 20-х гг. Он считал, что университеты утратили теперь свое значение школ образования и школ знания, так как в современных условиях получать знания и проводить исследования можно гораздо дешевле вне университетов и независимо от них. Существование университетов, по мнению Уайтхеда, оправдывалось только тем, что они сохранили связь между знанием и сутью жизни, объединяя молодых и старых в образно-богатом процессе обучения.

Наконец, в 1930 г. крупнейший испанский ученый Х. Ортега-и-Гассет опубликовал книгу “Миссия университетов”, созданную на основе прочитанных им лекций в Мадриде. Идеи, высказанные Ортегой, сводились к тому, что университет должен сделать обыкновенного человека культурным, помочь ему стать хорошим профессионалом. Но рядовой человек не обязательно должен быть ученым, поэтому научные исследования Ортега не относил к основным функциям университета.

Отмеченные выше взгляды оказали влияние на преобразования университетов в первой половине XX в., но наиболее существенный сдвиг в университетской системе произошел во всем мире после второй мировой войны, о чем речь пойдет дальше.

Что же происходило в это время в России? Как шло развитие университетов в нашей стране? Революционные преобразования, начатые в нашей стране с февраля 1917 г., не могли не отразиться на всей системе высшего образования, не привести к серьезнейшим переменам в ней. Временное правительство за короткий срок своего пребывания у власти сделало немало для развития всех видов образования в стране. Стоявшие в эти месяцы во главе МНП люди были крупными учеными, университетскими профессорами, прекрасно знавшими нужды учебных заведений. Поэтому, несмотря на необходимость решения многих сложных проблем, Временное правительство и министерство народного просвещения приняли целый ряд мер в интересах развития университетов. 21 марта 1917 г. начала работать комиссия по вопросам реформы учебного дела в высших учебных заведениях, а в июне в МНП состоялось совещание, обсудившее положение в вузах. Университеты освободили от контроля попечителей учебных округов и полностью восстановили университетскую автономию. Принимались решения об открытии новых университетов в Иркутске, Ташкенте, Ростове н/Д с факультетами прикладных наук, кроме обычных. Наконец, старые университеты получили возможность открыть отсутствовавшие факультеты. Так, в Саратовском университете было разрешено открыть историко-филологический, физико-математический и юридический факультеты, а осенью 1917 г. на них уже начались занятия. Был подготовлен проект «Общего устава российских государственных университетов», но Временное правительство не успело его утвердить.

Взятие власти большевиками в октябре 1917 г., развернувшаяся затем гражданская война, проводившаяся в стране политика “военного коммунизма”, ожесточенная борьба против классово и идейно чуждых элементов и многое другое не могли не отразиться самым существенным образом на судьбе российских университетов.

В рядах правившей партии отношение к университетам не было единым. Наиболее радикальные элементы, занимавшие пролеткультовские позиции, считали университеты консервативными, устаревшими, предлагали их полностью ликвидировать. В 1918 г. пролеткультовцы даже открыли Московский пролетарский университет на новых основах, но уже в следующем году он был закрыт по решению СНК. Другая точка зрения состояла в том, что университеты следовало сохранить, существенно изменив социальный состав студенчества, полностью перестроив преподавание всех наук на марксистской основе, для чего провести переподготовку преподавателей, а не желавших это сделать уволить, лишить университеты всякой автономии. Победила вторая точка зрения, правда, не по всей стране, ибо на Украине к концу гражданской войны все университеты были расформированы.

Рассмотрим те конкретные перемены, какие произошли с российскими университетами после октября 1917 г. Прежде всего, встал вопрос об открытии новых университетов. Авторитет университетского образования был так высок, что новые органы власти не только губернских, но и уездных городов хотели создать свои собственные университеты и скоропалительно открывали их, не имея ни помещения, ни оборудования, ни преподавательских кадров, ни контингента студентов с соответствующей подготовкой. Многие из таких университетов вскоре же прекратили свое существование. В Москве и Петрограде возникло по три университета, но петроградские вскоре же слились в один, а в Москве объединились 1-й и 3-й, 2-й просуществовал до 30-х гг. Большинство новых университетов прибавляло к своему названию социально-классовый признак: народный, пролетарский, рабоче-крестьянский, солдатский и т. п.

Бурный процесс открытия новых университетов проходил в 1918 г., когда было создано 16 государственных университетов, в том числе Нижегородский на базе политехнического института, Воронежский — на основе приехавших 80 преподавателей и 800 студентов из Юрьевского, Ярославский, преобразованный из Демидовского лицея, Самарский — из пединститута и т. д. Несколько университетов возникло на территориях, где советская власть тогда еще не существовала, но там оказалось значительное количество профессоров и студентов, бежавших от ужасов гражданской войны: Тифлис, Баку (один из организаторов и первый ректор В. И. Разумовский, бывший первым ректором в Саратове). С усилением гражданской войны процесс создания новых университетов затормозился, и только во второй половине 1920 г. вновь начали открываться университеты.

Реорганизации подверглась факультетская система: появились инженерные, агрономические факультеты, постепенно ликвидировались юридические, а затем произошло образование факультетов общественных наук (ФОН), в которых объединилось большинство гуманитарных наук. Первый ФОН был открыт 3 марта 1919 г. в 1-м Московском университете на базе юридического и историко-филологического факультетов. Именно на ФОНах создавались первые кафедры истории социализма, истории рабочего движения, Конституции РСФСР и т. п. Здесь, в первую очередь, внедрялся марксизм-ленинизм как теоретическая основа всех наук, удалялась старая профессура, основной набор студентов шел за счет рабочих факультетов.

Чтобы изменить социальный состав студенчества, университеты открыли широко свои двери для приема рабочих и крестьян, в 1918 г. были отменены вступительные экзамены, подача документов о полученном образовании. Фактически в университеты принимали всех желавших, кому исполнилось 16 лет. Это привело к резкому росту числа студентов: в Саратовском университете на 1 января 1917 г. было 1072 студента (из них около 70 женщин), на 1 января 1918 г.-2250 студентов (600 женщин), на 1 января 1919 г.-10242 студента (3709 женщин). Такой наплыв студентов вызывал серьезные затруднения: не хватало аудиторий и занятия проходили в 2-3 смены, многие студенты были неподготовлены к слушанию университетских лекций и оказывались совершенно беспомощны, когда дело доходило до лабораторных и семинарских занятий. Попытки профессорско-преподавательского состава провести проверку знаний вновь набранных студентов власти расценили как антисоветские действия и саботаж. Однако дальнейший ход учебы показал, что она многим не под силу, и в феврале 1919 г. при институте народного хозяйства им. Плеханова был открыт рабочий факультет, а затем они были организованы при всех университетах. В Постановлении НКП от 11 сентября 1919 г. указывалось: “Открыть при университетах республики подготовительные курсы, как автономные учебно-вспомогательные учреждения, имеющие целью подготовку в кратчайший срок рабочих и крестьян в высшую школу, присвоив им название рабочих факультетов”. Рабфаки имели целью изменить социальный состав студенчества, подготовить рабоче-крестьянскую молодежь, не имевшую среднего образования, к учебе в вузах. Первоначально срок обучения на рабфаках установили в 6 месяцев, но это оказалось явно недостаточно и его продлили до 2, а затем и 4 лет. Набор на рабфаки проводился только по направлениям райкомов РКП и комсомола, фабрично-заводских профсоюзных комитетов. К концу гражданской войны насчитывалось 74 дневных рабфака и 14 вечерних, на них обучалось несколько десятков тысяч человек. На рабфаках значительное число студентов состояло в компартии и комсомоле. Все студенты рабфаков получали стипендии, им выдавались красноармейские пайки. Они, по мнению партийных и советских руководителей, должны были стать опорой советской власти в вузах. В Резолюции 1-го Всероссийского съезда рабфаков указывалось: “Рабочий класс должен завоевать высшую школу, как таковую, приспособленную к потребностям пролетарского государства. Высшая школа должна понять, что рабфак обеспечивает ей беспрерывный приток студентов из рабочего класса, пролетаризирует ее и в отношении изменения социального состава студенчества и изменения методов преподавания и реформы науки по ее содержанию”.

Постановлением Советского правительства в 1918 г. были отменены всякие экзамены в вузах, т. е. исключался любой контроль за знаниями студентов. Для уравнивания профессорско-преподавательского состава были отменены все ученые степени и звания, теперь все желавшие могли занять должность профессора, если они готовы были читать лекции в вузе. В результате многие доценты, преподаватели и даже посторонние к вузам люди стали профессорами. Ввели положение о том, что нельзя более 15 лет работать в одном университете на преподавательской работе, а надо переходить на другую работу или выдержать всероссийский конкурс. В результате в Московском университете 90 из 99 профессоров должны были пройти этот конкурс, а 175 доцентов, приват-доцентов и других лиц сразу получили звание профессора.

Как встретили советскую власть и ее нововведения преподаватели и студенты университетов? Большинство источников свидетельствуют, что основная масса профессоров и студентов отрицательно отнеслась к взятию власти большевиками, многие университетские Советы отказались признать новую власть. Особенно упорное

сопротивление университетских кругов встретило стремление большевиков ликвидировать всякие проявления университетской автономии, полностью подчинить университеты ведению Народного комиссариата просвещения. В течение ряда лет шла борьба партийных ячеек и государственных органов за то, чтобы сломить сопротивление университетской общественности, сократить права ректоров и Советов университетов, направить туда комиссаров для руководства всеми делами. Одним из путей решения этой проблемы большевики считали проведение репрессий против инакомыслящих. Не случайно значительное число профессоров и студентов оказалось среди репрессированных в те годы или вынуждено было спасаться бегством. В результате страна понесла колоссальные потери интеллектуальной собственности.

В первые месяцы после взятия власти большевики уделяли высшей школе мало внимания, поэтому действовали прежние университетские Советы и Правления, руководили университетами те же ректоры, чувствовавшие себя сравнительно независимо от новой власти. Но уже весной 1918 г. в общем контексте политики в отношении буржуазных специалистов, намеченной Лениным в "Очередных задачах Советской власти", началась работа по завоеванию университетов, перестройке их внутренней жизни, подчинению интересам правящей партии. М. Н. Покровский, отвечавший долгие годы в Народном комиссариате просвещения за высшую школу, писал, что многие принципиальные вопросы политики в отношении вузов решались при непосредственном участии или по совету Ленина. Так, Ленин решительно выступал против всякой университетской автономии, считая ее буржуазным пережитком, недопустимым при диктатуре пролетариата. Ленин высказал идею создания рабфаков, чтобы помочь рабочим и крестьянам получить высшее образование. Он же предложил план переподготовки всех вузовских преподавателей на марксистской основе, а тех, кто не желал переходить на марксистские позиции, отстранять от работы в вузах. В декабре 1920 г. Совнарком издал постановление о реорганизации преподавания общественных наук. Были подготовлены новые программы с помощью зарубежных ученых марксистов, составлены списки лиц, которым можно было поручить преподавание общественных наук по этим программам.

Уже в январе 1918 г. Луначарский на заседании просветительной секции III Всероссийского съезда Советов поставил вопрос о реформе высшей школы, а саму разработку реформы НКП начал весной 1918 г. после переезда Совнаркома в Москву. В Народном комиссариате просвещения существовало несколько точек зрения на будущее университетов. Луначарский на первых порах был сторонником полной их ликвидации, заявляя, что университет- это фабрика дипломов, необходимых для карьеры, и в такой своей функции не нужен при власти трудящихся. Зав. отделом вузов НКП П.К. Штернберг предлагал разделить университеты на две секции: научную и практическую. В первой готовить только научных работников, тут не надо проводить лекции, лишь семинары и практические занятия; во второй — практических работников для экономики и культуры, здесь на первом курсе общие лекции, выяснение подготовленности студентов. Проект Штернберга был одобрен государственной комиссией и предложен к обсуждению в вузах. Но появились вскоре тезисы Покровского, в основном одобренные Лениным и Политбюро, за исключением пункта об университетской автономии. Тезисы Покровского предусматривали: бесплатное обучение в университетах; уничтожение дипломов при поступлении и окончании; уничтожение ученых степеней; обязательный открытый конкурс для всех преподавателей; выборность профессуры на краткий срок (не более 5 лет); коллегиальность управления университетом,обязательное участие университетов в распространении знаний среди масс; создание ФОНов; преобразование учебных планов других факультетов, широкий обмен учеными и преподавательскими силами между университетами. На основе этих тезисов был подготовлен проект "Положения о Российских университетах", который был предложен 400 участникам Всероссийского совещания деятелей высшей школы в Москве в июле 1918 г. В проекте предлагалось строить университеты на основе трех ассоциаций: научной, учебной и просветительской; управление коллегиальное, но с преобладанием внеуниверситетских сил, чтобы парализовать воздействие буржуазной профессуры. К. А. Тимирязев выпустил брошюру "Демократическая реформа высшей школы", в которой поддержал проект.

Совещание прошло в острой полемике авторов проекта и их защитников с большинством представителей профессуры. По ряду положений удалось достигнуть компромисса: признан принцип бесплатности университетского образования, отмечена необходимость демократизации студенчества, одобрили создание кафедр по изучению социализма, объединение научной и учебной ассоциаций. Но профессура не делала уступок в вопросе университетской автономии, требовала, чтобы внутренние перемены в университетах совершались без давления извне.

По предложению проф. МУ С.А. Чаплыгина была создана комиссия для выработки нового проекта, которая заседала 15-23 июля 1918 г. Представители профессуры защищали свои предложения, которые одобряло большинство университетов.

Пока на местах шло обсуждение нового проекта, СНК принял Постановление " О приеме в вузы РСФСР" и Декрет о правилах приема в вузы. Эти документы не во всем соответствовали компромиссным решениям, и поэтому ряд профессоров Московского университета предложили бойкотировать Второе Всероссийское совещание по реформе высшей школы, проходившее в Москве 4-8 сентября 1918 г. Чтобы обеспечить прохождение проекта НКП, состав участников совещания был изменен так, что представительство от студентов равнялось профессорско-преподавательскому. Однако и это не помогло, ибо большинство участников поддержали требования профессоров об университетской автономии. Попытки Луначарского, Покровского и др. опереться на левое крыло профессуры и студенчества не дали желаемого результата, поэтому правительство признало не-

возможность сразу провести единую реформу высшей школы и решило действовать путем издания отдельных декретов и нормативных актов. В феврале 1919 г. в Наркомпросе был создан Главный ученый совет (ГУС) под председательством М. Покровского, на который возложили руководство всеми преобразованиями в высшей школе. Анализируя проводившиеся в Советской России реформы, В. Булгаков отмечал, что университеты по-прежнему остаются под властью государства, не получают необходимой для их развития свободы.

В 1918/1919 уч.г. прием студентов в университеты был неограничен по времени: принимали весь год, университеты оказались переполненными. Когда в ряде университетов профессора решили отсеять неподготовленных путем собеседования перед лабораторными и практическими занятиями, НКП категорически запретил любую проверку знаний студентов. В ноябре 1918 г. принято постановление НКП об отмене государственных экзаменов, упразднении дипломов и свидетельств об окончании вузов, текущие экзамены могли проводиться в любое время по согласованию с преподавателем.

С сентября 1918 г. в университеты начали назначать правительственных комиссаров с правом вето на все решения ректора, Совета, Правления. С 1 января 1919 г. должны были освобождаться от работы в вузах все профессора и преподаватели, у которых заканчивался 10-летний срок пребывания в данном вузе, и все лица с 15-летним стажем педагогической деятельности.

Одновременно создавалось студенческое самоуправление с целью противодействия профессорам, не лояльным к советской власти. Разрешены были общие собрания студентов, выборы Советов студенческих старост тайным голосованием. Студенты в большом количестве вводились в составы университетских Советов, различных комиссий, они стали участвовать в решении всех вопросов университетской жизни, за исключением выборов на должности преподавателей.

В годы гражданской войны в университетах происходило образование коммунистических и комсомольских ячеек. Руководство РКП хотело с их помощью завоевать университеты, сломить сопротивление противников советской власти и повести за собой колебавшихся. Так, первая комсомольская ячейка была создана на рабфаке 1-го Московского университета в октябре 1919 г. Партийные и комсомольские ячейки пытались вмешиваться во все университетские дела и уже тогда стремились в ряде случаев подчинить себе ректора, Совет, Правление, навязывать им свои предложения. Это, естественно, вызывало недовольство профессоров, считавших недопустимым вмешательство в решение академических вопросов не очень компетентных лиц. Старая профессура не могла привыкнуть к тому, что политическая партия создавала в вузах партийные организации. Ректор Петроградского университета проф. Шимкевич В.М., когда к нему обратились по вопросу создания парторганизации, сказал: “Тут университет. Какое же отношение к нему имеет коммунистическая партия? Я не возражаю против ее существования, но к чему она в этих стенах?” Это заявление и другие независимые действия ректора послужили основанием для обвинения его в антисоветской деятельности и освобождения от занимаемой должности. А вскоре в ПГУ была создана партийная организация, вслед за ней комсомольская.

В первые годы гражданской войны в университетах среди преподавателей коммунистов было очень мало, гораздо шире были представлены кадеты, октябристы и даже монархисты. Советские и коммунистические органы прилагали большие усилия, чтобы расколоть единство профессорско-преподавательского состава, перетянуть часть на свою сторону, изолировать, а затем и убрать непримиримых противников. Применялись различные методы работы с профессорско-преподавательским составом: от привлечения на свою сторону путем обеспечения сносных в те годы условий жизни до угроз и репрессий.

В 1920 г. на страницах «Известий Петроградского совета» и на ряде диспутов развернулась полемика вокруг университетов. Профессор М. К. Лемке опубликовал статью «Наша высшая школа», содержавшую выпады, крайне негативные оценки, бездоказательные обвинения в адрес профессоров, которые якобы думали только о добывании пайков, а студенчество аттестовывалось шкурниками, чиновниками, обеспеченными лодырями. Вслед за этой статьей было опубликовано еще несколько в таком же духе, в них вся ответственность за состояние вузов возлагалась на профессоров, а советская власть оказывалась не причем. Автор одной из статей призывал разрушить в университетах и институтах все, взять метлу и чисто их вымести. Многие видные ученые выступили против этих выпадов. Так, на диспуте в Дворце труда философ Л. П. Карсавин и социолог П. А. Сорокин выступили в защиту науки, говорили о неуважении новой власти к ней, ставили вопрос о свободе творчества и преподавания. В конце июня 1920 г. еще один диспут, где экономист Б. Бруцкус, историк И Гревс и тот же П. Сорокин дискутировали с М. Лемке, пытавшимся отстаивать свою позицию. А один из его сторонников объявил всю профессуру контрреволюционной. М. Лемке первоначально писал свои статьи под псевдонимом, а после того, как он признал свое авторство, студенты объявили ему бойкот.

В 1919-1920 гг., по инициативе Максима Горького, возникли Центральная и местные комиссии по улучшению быта ученых (КУБУЧ), которые решали задачу материальной поддержки видных деятелей культуры, спасения многих из них от голодной смерти. В их число попали и университетские профессора, но выдерживался идеологизированный подход: так, ученые-гуманитарии, чтобы получить паек КУБУЧ, должны были представить доказательства усвоения ими основ марксизма. В результате голода и холода только в Петроградском университете умерло в годы гражданской войны около 40 преподавателей, в том числе такие всемирноизвестные ученые, как академики Б. Тураев, А. Шахматов, А. Дьяконов, А. Лаппо-Данилевский (все гуманитарии).

Пытаясь сохранить независимость от политических страстей в обстановке гражданской войны, ученые Петрограда создали в декабре 1918 г. “Объединенный совет научных учреждений и высших учебных заведений”, который вел борьбу за автономию высшей школы, пользовался большим авторитетом в университетских кру-

гах. Властные структуры старались ограничить и прервать его деятельность, противопоставить ему объединение красной профессуры, возникшее в Петрограде в 1920 г., но оно оказалось настолько радикальным, что очутилось в полной изоляции и вскоре распалось.

Что касается университетского студенчества, то до конца гражданской войны в его среде было мало коммунистов и комсомольцев (в основном на рабфаках), насчитывалось довольно значительное количество меньшевиков, эсеров, анархистов и т. п. Несмотря на все принятые советской властью меры, не удалось добиться, чтобы представители так называемых нетрудовых элементов оказались в университетах в меньшинстве.

От рассмотрения общего положения университетов в годы гражданской войны перейдем к выявлению некоторых сторон университетской жизни в отдельных из них. Так, в Петроградском университете руководящая группа профессоров отказалась признать Октябрьский переворот, отвергла предложение выступить инициатором обсуждения реформы высшей школы. В феврале 1918 г. Совет Петроградского университета принял решение: «... Ввиду переживаемого момента воздержаться от всяких сношений с Комиссариатом народного просвещения на неопределенное время, причем предоставить ректору и правлению университета разрешить вопрос, когда можно будет войти в деловые отношения с Комиссариатом...». В университете оказалось невозможным осуществить ряд Декретов советской власти: если бы попытались здесь провести в жизнь положение о 15-летнем преподавательском стаже (о нем говорилось раньше), то на физмате бы осталось 3 профессора, а на юридическом только двое. Только в 1919 г. начали налаживаться отношения коллектива Петроградского университета с Наркомпросом. Это стало возможным после заявления А. Луначарского, что университет представляет собой большую ценность, которую советская власть будет беречь и охранять.

Происходили большие изменения в количественном и половом составе студентов. Первоначально шел процесс увеличения числа студентов с 4325 в 1917/1918 уч. г. до почти 20 тыс. к 1 июля 1919 г., среди них уже свыше 11% составляли женщины. Затем прием начал сокращаться, мужская часть студенчества выбывала по различным причинам, и к концу гражданской войны женщины составляли до 70%. Совет старост в ПУ почти весь период гражданской войны находился под влиянием меньшевиков и эсеров и многое сделал для поддержки студенчества. В декабре 1919 г. в университете был открыт рабфак с первым набором в 200 человек.

В 1920 г. в Петрограде объединили три существовавших к тому времени университета и оставили в едином университете только три факультета: физико-математический с 5 отделениями, ФОН и просуществовавший два года медицинский. О масштабах ФОНа можно судить по тому, что в него входило 6 отделений с 96 кафедрами (первым деканом был Н. Я. Марр). Среди выпускников ПУ, готовившихся к педагогической работе, были в те годы такие выдающиеся в будущем ученые, как химик Н. Н. Семенов, математик И. М. Виноградов, филолог В. В. Виноградов, историк Д. Н. Насонов и др.

В особом положении оказался Томский университет, в который перебралось много профессоров и студентов из университетов Европейской России. В результате число студентов выросло до 4900 в 1919 г. В городе возник Союз студенческих старост, активно вмешивавшийся в управление всеми вузами. Уровень преподавания поднялся за счет приезда крупных ученых из Петроградского, Казанского, Пермского университетов. Профессора Томского университета активно участвовали в политической жизни Сибири, четверо из них являлись министрами в правительстве адмирала А. В. Колчака. В 1920 г. начался отъезд многих профессоров в университеты, где они прежде работали, а студенты оставались доучиваться в Томске.

Саратовский университет в рассматриваемый период пережил большие изменения в связи с открытием 4 новых факультетов, резким увеличением числа студентов. Многие кафедры существовали только на бумаге, ибо на 58 кафедр приходилось всего 25 ординарных профессоров. Правление университета во главе с ректором проф. В. Д. Зерновым стояло вне политики, требовало предоставления университету широкой автономии. Это вызвало конфликт с новой властью. В 1918 г. Губоно ввело в Правление университета представителей от рабочих, служащих и студентов, а коммунистическая ячейка повела борьбу против "засилья профессоров" под лозунгом защиты прав студентов и добилась смены ректора и равенства в Правлении профессоров и студентов.

В Московском университете почти весь период гражданской войны шла борьба с ректором, проф. М. М. Новиковым, бывшим членом кадетской партии, который резко выступал против радикальной ломки основ университетского самоуправления, проводимой Наркомпросом. В конце 1920 г. он был отстранен от руководства МУ, где создали Временный Президиум с включением в его состав представителей преподавателей, служащих, студентов, работников НКП. Он выбрал ректора из своего состава: проф. кафедры финансового права Д. П. Боголепова, члена РКП. Однако новый ректор оказался подвержен "левацким" ошибкам (в 1918 г. принадлежал к «левым коммунистам»), выступал против университетской автономии и свободы преподавания, вызвал резкое недовольство профессуры и был вскоре заменен проф. В. П. Волгиным, тоже коммунистом, но занимавшим более компромиссные позиции. В 1919/1920 уч. году в Московском университете шел пересмотр учебных планов на факультетах, увеличивался удельный вес практических занятий, семинаров. На медицинском факультете перешли на 6-летнее обучение, но в связи с потребностями гражданской войны проводили и ускоренные выпуски, и мобилизации студентов на трудовой фронт. Только на медицинском факультете сохранились экзамены и зачеты, но сдаваться они могли в любое время, по согласованию между студентом и преподавателем. В 1919 г. в Московском университете появилась первая женщина- профессор М. В. Павлова, возглавившая новую кафедру палеонтологии.

Созданный в 1920 г. Уральский университет в Екатеринбурге отличался по структуре от других: первоначально состоял из нескольких институтов (медицинский, горный, педагогический, сельскохозяйственный и т.

д.), которые делились на факультеты. Вскоре медицинский институт переехал в Пермь, другие выделились в самостоятельные и сам УГУ был превращен в политехнический институт и только через несколько лет возродился как университет.

Харьковский университет, как и другие вузы Украины, претерпел в эти годы особенно крупные потрясения. В 1919 г. были упразднены должности ректора и проректора, на их место НКПУ назначал комиссара с чрезвычайными полномочиями. В 1920 г. Харьковский университет был полностью распущен, на его основе создали институт народного хозяйства, медицинскую академию, временные высшие педагогические курсы. Наконец, в 1921 г. НКПУ ликвидировал все украинские университеты как наиболее консервативную форму старого высшего образования, вместо них организовывались институты народного образования.

Таким образом, период гражданской войны ознаменовался серьезными переменами в университетской жизни, попытками коренной перестройки университетского образования. Были открыты новые университеты, увеличилось число факультетов в них, резко возросло количество студентов, изменился социальный и половой состав студенчества, велось наступление на университетскую автономию, вытеснялась старая профессура. Но полностью осуществить реорганизацию университетов и подчинить их новой власти в тот период еще не удалось.

Глава 6. От гражданской до Великой Отечественной войны

6.1. Советизация университетов в 20-е годы

Двадцатилетний период между гражданской и Великой Отечественной войнами в истории университетов отмечен особыми трудностями. В эти годы неоднократно предпринимались попытки сузить роль университетов, отстранить их от науки, сократить наборы до минимума и даже полностью прекратить их существование. Несколько раз подвергались чистке и репрессиям преподавательские кадры университетов, их состав почти полностью обновился, и не всегда это приносило положительные результаты. Постоянные и часто ничем необоснованные эксперименты с программами курсов, учебными планами, соотношением лекций и практических занятий, коллективными и индивидуальными формами отчетности студентов — все это не способствовало повышению уровня университетского образования, качества выпускавшихся специалистов. Кроме того, постоянное отсутствие средств у государства, при условии, что все университеты были государственными и не имели другого источника финансирования, привело к тому, что за 20 лет старые университеты не имели возможности построить для себя новые корпуса (а при росте числа студентов, увеличении количества практических занятий, открытии новых факультетов и кафедр это становилось необходимым), библиотечные здания, в лучшем случае получали неприспособленные для занятий помещения. Единственно, что в какой-то степени строилось в рассматриваемый период, студенческие общежития, ибо рост числа иногородних студентов в университетах и трудности с разрешением жилищного вопроса в крупнейших городах страны, где находились отечественные университеты, делали невозможной учебу приезжих при отсутствии общежитий. Общее количество университетов в 20-е гг. сократилось по сравнению со временем гражданской войны, ибо одни из них были закрыты (Смоленск, Ярославль, Самара, Астрахань и т.д.), другие слились (например, 1-й и 3-й московские). Несколько новых университетов открылось только в столицах ряда союзных республик (Алма-Ата, Фрунзе, Ереван и т.д.).

В начале 20-х гг. в условиях проводимой в стране новой экономической политики в университетах ощущалось некоторое оживление. Наряду с закрытием ряда вновь созданных университетов, старые университеты (Московский, Петроградский, Томский, Саратовский и др.) начали расширяться, ибо они обладали достаточным количеством квалифицированных кадров, в них сохранилась в значительной степени материальная база. Так, в Московском университете к лету 1921 г. насчитывалось более 26 тыс. студентов, почти половина из них на физмате, в 3 раза больше преподавателей, чем в 1913 г.

Однако уже в следующие годы в университетах произошло изменение внутренней обстановки, а для значительной части старой профессуры создавались невыносимые условия работы. Ленин писал в 1922 г. о позоре, когда "почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в его, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу". И началась борьба за вытеснение из университетов старой профессуры, особенно на гуманитарных факультетах. По Декрету СНК от 4 марта 1921 г. были ликвидированы философские и исторические факультеты, сокращено филологическое образование, прекратилось преподавание классических языков и классической филологии. В Томском университете был ликвидирован даже ФОН, и оставшиеся преподаватели гуманитарных предметов вместе с частью книжного фонда университетской библиотеки переведены в Иркутск. Не имея достаточных знаний, боясь проиграть в непосредственной схватке на научной почве так называемым буржуазным ученым, новое поколение марксистов, опираясь на всестороннюю помощь органов советской власти и коммунистической партии, повело дело к проведению чисток и изгнанию из университетов наиболее талантливых и самостоятельно мысливших ученых. Часть из них уже тогда попала в тюрьмы и лагеря, часть была выслана за границу, а некоторые, движимые патриотическими чувствами, считавшие себя обязанными остаться в Советской России и пережить все трудности вместе со своим народом, вынуждены были скрывать свои истинные взгляды, делали вид, что одобряли политику большевиков. Опубликованные в последние годы дневники, письма, воспоминания В. Вернадского, И. Павлова, Ю. Готье и др. позволяют увидеть, как крупнейшие ученые приспосабливались к новой жизни, сохраняя верность общечеловеческим идеалам.

В первой половине 20-х гг. продолжалась разработка положения о российских университетах, но на первых порах ограничились изданием отдельных положений для некоторых университетов. Такие временные положения действовали в Московском, Петроградском и ряде других университетов. В начале 1921 г. комиссия под руководством проф. О. Ю. Шмидта подготовила "Положение об управлении высшими учебными заведениями РСФСР", принятое НКП. В этом документе указывалось, что во главе университета находится правление, назначаемое Главным управлением профессионального образования НКП. Ректор был одновременно председателем правления. Правление утверждало состав президиумов (деканатов) факультетов и все решения внутриуни-

верситетских органов. В правление входили представители студенчества, органов советской власти, профсоюзов и т.п., а профессура играла второстепенную роль.

Положение встретило неодобрительные отзывы в высших учебных заведениях, особенно со стороны профессоров, в ряде вузов возникли конфликты. Тогда действие положения приостановили и приступили к выработке нового, которое было обсуждено летом 1921 г. на конференции деятелей высшей школы и принято СНК РСФСР в сентябре 1921 г. Это был первый советский устав вуза, согласно ему университеты окончательно включались в общую систему советских организаций и учреждений, а ректоры стали ответственными советскими работниками. Упразднялась административная автономия университетов, ничего не говорилось о научной работе. Ректор Петроградского университета Н. Державин опубликовал брошюру, в которой заявлял, что лозунг автономии университетов был прогрессивен при царизме, а после Октябрьской революции этот лозунг — или проявление бессознательной наивности, или сознательной борьбы буржуазии с рабочим классом.

Согласно уставу члены Правления утверждались НКП. Правление назначало преподавателей и научных сотрудников университета и представляло в НКП профессоров для утверждения. В составе всех факультетских и университетских органов значительную часть составляли лица, непосредственно не имевшие отношения к университету (представители советских, партийных, профсоюзных, комсомольских органов и т. п.). Ликвидировались кафедры, вместо них создавались предметные комиссии на паритетных основах из преподавателей и студентов.

В университетах новый документ встретил неодобрение профессорско-преподавательского состава, что заставило внести в него ряд изменений, пойти на определенные уступки. В начале 1922 г. профессора МГУ отправили письмо в Совнарком, в котором описывали тяжелейшее положение университета и ставили вопрос: коренным образом изменить отношение к высшей школе или закрыть университеты. Некоторые меры были приняты, но главное внимание власти обращали на пролетаризацию студенчества и советизацию преподавателей. Одновременно началась чистка вузов от преподавателей, объявленных нелояльными к советской власти, и от социально чуждых студентов. По рекомендации чекистов в связи с забастовкой в МГУ часть студентов была призвана в ряды Красной Армии, а студенты-медики отправлены на борьбу с эпидемиями. По предложению студентов предметные комиссии в 1-м Московском университете сняли чтение курсов лекций таких известных профессоров, как М.К. Любавский, А. А. Кизеветтер, С. Н. Прокопович и др., обвиненных во враждебности к советской власти. В Петроградском университете в первой половине 20-х гг непрерывно шел процесс борьбы со старой профессурой, классово чуждым студенчеством. В конце 1923-начале 1924 г. было исключено около тысячи студентов, а весной 1924 г. еще 3 тысячи, под видом неуспевающих отчисляли нелояльных к советской власти. В результате изменился социальный состав студенчества, партийно-комсомольское ядро стало играть решающую роль в жизни университета, комсомольцы возглавляли все студенческие организации. Дольше всего сопротивлялась старая профессура на физико-математическом факультете, но и здесь проведенные административные меры привели к 1925 г. к изменению обстановки.

Процесс чистки в университетах занял несколько лет, и в 1925 г. в ряде документов отмечалось, что теперь вузовские преподаватели перешли на сторону советской власти, влились в ряды строителей нового общества, а студенчество серьезно изменило свой социальный облик, во многих университетах теперь большинство студентов составляли представители рабочей, батрацкой и бедняцкой молодежи, удельный вес выпускников рабфаков вырос среди студентов до трети, сотни студентов состояли в рядах РКП или РКСМ. Так, в ЛГУ в 1925 г. среди 4, 5 тысяч студентов было 600 комсомольцев и почти 800 выпускников рабфака. Все это позволило постепенно вводить положение во всех вузах, и оно действовало до 1930 г.

В 20-е гг. систематически проводились организационные перестройки внутри университетов: ликвидировались одни факультеты, сливались другие, проходило перепрофилирование, вместо широкой фундаментальной подготовки вводилась узкая специализация, забвению предавалась такая функция университетов, как подготовка студентов к научной работе. Государству диктатуры пролетариата не нужны были кадры юристов (ведь они могли поставить вопрос о нарушении властными структурами Конституции, законов, правовых норм), поэтому университеты лишались юридических факультетов; медицинские факультеты постепенно выводились из состава университетов и создавались на их основе медицинские институты; физмат стремились превратить в педагогический или технический факультет и т.д. Например, в Саратовском университете, получившем в 1922 г. имя Н. Г. Чернышевского, к 1924 г. все гуманитарные и естественнонаучные специальности были объединены в педагогический факультет, ФОН преобразован в факультет хозяйства и права, из старых сохранился только медицинский факультет. Таким образом, исчезал классический университет с присущим ему набором факультетов, с сочетанием широкой образовательной и научной подготовки.

Объективному наблюдателю было ясно, что все эти структурные изменения, ежегодные пересмотры учебных планов, курс на почти полную замену лекций практическими занятиями, внедрение бригадных методов занятий и многое другое, вводившееся в университетах в 20-е гг., не приносило желаемых результатов. Знания студентов, особенно выпускников рабфаков, были невысокими, ежегодно среди не выполнивших учебные планы оказывалось свыше 50% студентов физиков, математиков, химиков, процветало второгодничество, значительная часть студентов училась по 7-8 лет, не укладываясь в 4-летний срок (в отдельные годы своевременно оканчивало университет 3-5% студентов, поступивших на физмат).

Партийные и советские органы особое внимание уделяли в 20-е гг. двум факультетам: рабфаку и ФОНу. Сюда проводился тщательный классовый отбор, не допускались чуждые элементы. Поэтому был высок про-

цент коммунистов и комсомольцев, составлявших большую часть университетских партийных и комсомольских ячеек и влиявших на решение всех вопросов университетской жизни. На этих факультетах, в первую очередь, был проведен отбор преподавателей по одному принципу: лояльность к советской власти, признание марксистской методологии.

Для воспитания всего студенчества в коммунистическом духе постепенно вводилось преподавание общественных дисциплин. Так, в постановлении СНК РСФСР от 4 марта 1921 г. «Об установлении общего научного минимума, обязательного для преподавания во всех вузах РСФСР» (подписано В.И. Лениным) указывалось, что вводятся такие обязательные предметы, как: Развитие общественных форм (семестр по 4 часа в неделю), Исторический материализм (семестр — по 3 часа), Пролетарская революция (2 семестра — по 2 часа), Политический строй РСФСР (семестр — по 2 часа), План ГОЭЛРО (2 семестра — по 2 часа). К середине 20-х гг. был определен обязательный минимум для всех факультетов, проводить занятия по этим предметам могли только преподаватели, стоявшие на марксистских позициях. Первоначально в политминимум входило изучение исторического материализма, политического строя и социальных задач РСФСР, курса "Капитализм и пролетарская революция". В дальнейшем названия обязательных дисциплин менялись, и к началу 30-х гг. на всех факультетах читались политическая экономия, диалектический и исторический материализм, экономическая политика.

С середины 20-х гг., когда кадры старых специалистов были в значительной степени вытеснены, встал вопрос о подготовке к преподавательской деятельности выпускников университетов. С этой целью с 1925 г. в университетах начала открываться аспирантура, отбор в нее осуществлялся по рекомендации партийной ячейки, среди студентов выделялась категория выдвиженцев — это были коммунисты и комсомольцы, безупречного классового происхождения, проявившие себя, прежде всего, активностью в общественной работе.

В первой половине 20-х гг. в университетах появились профсоюзные организации, но носили они специфический характер. Студенты оставались членам тех профсоюзов, в которых они состояли до поступления в университет. Таким образом поддерживалась связь с производством. Поэтому вместо единой профорганизации существовало большое количество профсоюзных секций (так, в МГУ-1 в 1924 г. было 135 профсоюзных секций), а дети крестьян и студенты, не успевшие вступить в профсоюзы до поступления в университет, оказывались вне их. С середины 20-х гг. студенчество стало ориентироваться на профсоюзы по своей будущей профессии. При такой структуре профсоюзы не могли выражать общие интересы студенчества, а занимались частными проблемами небольших групп студентов.

Что являлось характерным для студенческой жизни 20-х гг.? Значительная часть студенчества активно занималась общественной работой, основное время уделяя выполнению разных поручений, участвуя в многочисленных митингах, собраниях, заседаниях, чистках и т. п. мероприятиях. Им было не до учебы, многие из них не заканчивали университеты, отзывались партийными, советскими, профсоюзными, комсомольскими органами на практическую работу, выдвигались затем на руководящие посты, но так и оставались на всю жизнь недоучившимися или, в лучшем случае, завершали образование заочно. Эта часть студенчества считала многие университетские предметы ненужными, ставила вопрос о сокращении сроков обучения, об узкой специализации, выражала часто недоверие старшему поколению преподавателей, стремившихся передать им фундаментальные знания, привить интерес к достижениям мировой культуры. В той части студенчества, которая принадлежала к социально чуждым советской власти слоям населения и была лишена возможности открыто проявить свою общественную активность, был выше удельный вес заинтересованных в серьезной учебе, стремившихся заниматься наукой. Именно из этой части студенчества вышли многие профессора и ученые, которые сохранили лучшие традиции российских университетов, связи с мировой наукой и обеспечили успехи отечественной системы образования в последующие десятилетия.

Для проведения массовых мероприятий при университетах открывались студенческие клубы. Один из первых был создан в 1922 г. в 1-м Московском университете, где под клуб приспособили университетскую церковь, несмотря на протесты многих служащих, преподавателей и беспартийного студенчества.

В начале 20-х гг. студенты вместо стипендий получали натуральные пайки: несколько буханок хлеба, 2-2,5 кг сельдей, 500 г подсолнечного масла в месяц. Паек выдавался всем рабфаковцам, многим студентам ФОНа, а на остальных факультетах меньшинству студентов, в зависимости от материального положения и социального происхождения. С 1922 г. вводились государственные стипендии, а в 1924 г. была установлена единая государственная стипендия в денежном виде, составлявшая первоначально около 20 руб. К середине 1927 г. в Ленинградском университете, например, стипендию получала треть студентов, по-прежнему все рабфаковцы и выпускники рабфака на других факультетах. К концу 20-х гг. было установлено, что стипендию должны получать 75% студентов и при этом в большей степени стала учитываться их успеваемость.

О материальном положении студентов в середине 20-х гг. можно составить представление по данным, приведенным в "Саратовских известиях" в декабре 1924 г. Так, среди студентов Саратовского университета не имело соответственно полу собственных брюк и юбок 4,7 % и 13,9 % (т. е. студенты носили их по очереди), были студенты, вообще не имевшие белья; только 2-3 % студентов систематически употребляли в пищу молоко и коровье масло, а более 70 % обходилось без них; 8,7 % учившихся в университете совсем не обедали, питались только всухомятку.

Серьезной проблемой для университетов являлось обеспечение студентов общежитиями. Для оказания помощи в этом вопросе возникли комиссии по улучшению быта студентов, студенческие кооперативы, кассы взаимопомощи. В 1924 г. было создано Всесоюзное общество помощи пролетарскому студенчеству во главе с

Н.А. Семашко, вводились отчисления от зарплат руководящих работников, членов РКП (б) в фонд помощи студенчеству.

Во второй половине 20-х гг. у государства появилась возможность выделить некоторые средства на капитальное строительство в ряде университетов, закупку нового оборудования и книг. Так, в Томском университете был проведен капитальный ремонт, создан крупный научный центр — Сибирский физико-технический НИИ. В Саратовском университете в 1926 г. построены несколько зданий клиник медицинского факультета.

Сравнительное благополучие университетов, достигнутые ими успехи были прерваны в конце 20-х гг., когда после шахтинского дела началась реорганизация всей системы высшего образования, приспособление ее к текущим нуждам экономики, усилился процесс борьбы с классово чуждыми элементами. Во всех крупных политических процессах конца 20-х — начала 30-х гг. среди обвиняемых значительную часть составляли университетские профессора и преподаватели, многие из них были приговорены к длительным срокам заключения, часть умерла в тюрьмах и лагерях. По так называемому «академическому» делу подверглись репрессиям выдающиеся ученые-гуманитарии, профессора Ленинградского университета. Среди них были академики Платонов, Тарле, член-корреспондент АН СССР Приселков и др.

Для осуществления сталинского плана форсированного строительства нового общества в СССР, проведения индустриализации, коллективизации, “культурной революции” не нужны были специалисты с университетским образованием. Достаточно было за 3 года получить узкую инженерную специальность, научиться командовать людьми, без раздумий и сомнений выполнять любое распоряжение начальства, особенно партийного. В такой атмосфере университеты были обречены на отмирание, о чем писалось в периодической печати, говорилось на совещаниях работников органов народного образования. Очень показательна в этом плане статья Г. Бровмана и Е. Поповкина в журнале «Революция и культура» (1929, № 21), в которой авторы заявляли, что университеты своей замкнутостью соответствовали корпоративности феодального общества, что они полностью оторваны от жизни, являются порождением культуры паразитических классов, выпускают из своих стен никуда не пригодных людей, паразитов, кроме медиков и юристов. Поэтому университет как единое целое должен быть уничтожен, превращен в ряд узкоспециализированных вузов, как это уже сделано на Украине.

За два года (1929-1931) в СССР количество вузов выросло со 152 до 701, из многопрофильных делали узкоспециализированные, делили здания, книжные фонды, оборудование, преподавательский состав. Из состава университетов выводились многие факультеты, на базе Саратовского университета за короткий срок было образовано 8 институтов, им были переданы и часть университетских помещений, и книги, и профессорские кадры, и студенты. Даже ректор МГУ проф. А. Д. Удальцов заявлял, что университет надо расчленять, ибо он очень громоздок. В результате из состава Московского университета были выделены в качестве самостоятельных институтов геолого — разведочный, филологический, советского права и др. факультеты. В Составе МГУ остались лишь биологический, химический, физико-математический и рабочий факультеты. Все основные кадры гуманитариев из Московского университета оказались в МИФЛИ, где была сохранена университетская система гуманитарного образования. НКП упразднили многие университеты, превратив их в рядовые вузы (Нижегородский, Иркутский, Пермский, Дальневосточный и др.).

В связи с расширением сети пединститутов, которые готовили кадры для школы, появились предложения закрыть ряд университетских факультетов, в том числе физмат. И хотя удалось сохранить физматы в составе университетов, но прилагались большие усилия, чтобы их техницизировать. Все гуманитарные специальности были удалены из университетов и переданы или в пединституты, или в узкоспециализированные учебные заведения (из экономического факультета СГУ образовали планово-экономический и кредитно-экономический институты). Реорганизация коснулась многих сторон университетской жизни: ликвидировали коллегиальные органы управления (Правления, деканаты), упразднили факультеты (в МГУ образовали отделения, в ЛГУ секторы) и кафедры. В университетах резко сократилось число факультетов до 2-3, при этом обязательно оставался рабфак и еще 1-2, сохранявшихся, чтобы окончательно не похоронить университет. Значительно уменьшилось количество студентов в университетах и численность преподавательского состава. Если в Саратовском университете в 1930 г. было 5 факультетов, на которых училось 3,5 тыс. студентов и работало 54 профессора, то в 1932 г. осталось 710 студентов и 13 профессоров. Подобные изменения происходили и в других университетах.

Таким образом, в начале 30-х гг. университетская система в СССР переживала серьезный кризис, усилиями руководителей народного образования была поставлена на край гибели.

6.2. Восстановление и утверждение университетской системы

В ходе осуществления первой пятилетки были допущены серьезные ошибки во всех сферах жизни советского общества, а среди особенно пострадавших от непродуманных экспериментов оказались университеты, влачившие в начале 30-х гг. жалкое существование, лишенные большинства своих факультетов. К концу 1930 г. во всех университетах РСФСР насчитывалось немногим более 4 тыс. студентов, т.е. меньше, чем в России в середине XIX в. Тяжелое состояние университетов сказалось на всей системе высшего и общего образования в стране, на положении науки. Поэтому уже в 1930 г. начали осознаваться печальные последствия содеянного с университетами и стали приниматься меры к изменению их положения. В конце 1930 г. на третьей сессии Государственного ученого совета НКП обсуждалась программа реорганизации университетов таким образом,

чтобы они играли главную роль в подготовке научно-исследовательских кадров и преподавателей для вузов и техникумов. Летом 1931 г. вышло Постановление СНК РСФСР, в котором указывалось, что университеты должны стать центрами подготовки научно-исследовательских кадров по естественно-научным и физико-математическим дисциплинам.

В связи с этим Наркомпрос предложил повысить требования к поступавшим в университеты; начали менять учебные планы в целях расширения преподавания фундаментальных наук, нахождения правильного соотношения теории и практики, подчинения практики студентов, в первую очередь, учебным задачам, а не производственным планам предприятий, где проходила практика. Вновь подчеркивалась роль лекций, осуждалось бездумное применение бригадного метода на всех курсах и на всех факультетах. В 1931 г. были восстановлены закрытые прежде университеты в Нижнем Новгороде, Перми, Свердловске.

19 сентября 1932 г. было принято Постановление ЦИК СССР “Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах”. В этом документе указывалось на необходимость укрепить существовавшие университеты и создать новые в союзных республиках, где их еще не было. Университеты должны были превратиться в основные центры подготовки высококвалифицированных специалистов по общенаучным дисциплинам и педагогов для вузов и средней школы. Постановление окончательно отвергло бригадно-лабораторный метод, восстановило роль лекций в учебном процессе, ввело обязательные вступительные экзамены в вузы, защиту дипломных работ, проведение зимней и весенней экзаменационных сессий.

Университетам возвратили некоторые факультеты и специальности, изымавшиеся у них в предыдущие годы, прежде всего, химические факультеты, но гуманитарное образование еще оставалось за университетскими пределами и в сильно урезанном виде. Вновь возрождались научно-исследовательские институты при университетах, число их быстро росло. В 1933 г. открыли свои двери университеты на Украине после более чем десятилетнего перерыва. При этом украинские университеты сразу восстанавливались с гуманитарными факультетами. В российских университетах первые гуманитарные факультеты (исторические) появились в 1934 г. в Москве и Ленинграде, а в 1935 г. в Саратове. Затем начали воссоздаваться филологические, экономические, философские, юридические факультеты, но только в немногих университетах. Медицинские, агрономические факультеты так и не были восстановлены, и поэтому отечественные университеты до сегодняшнего дня в своем большинстве не соответствуют европейскому стандарту классического университета.

Процесс восстановления университетского образования шел довольно быстро, и Нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов уже в 1934 г. заявил, что университеты вырастают в крупнейшие центры советской научной мысли. В 1938 г. в СССР насчитывалось 23 университета, из них 12 в РСФСР,4 — на Украине, 7 — в других союзных республиках. Самым крупным по числу студентов стал Ленинградский — 6 тыс. В среднем в университете было от 4 до 9 факультетов, обязательно физико-математический и химический, почти во всех биологический. Университеты получали индивидуальные уставы, в 1936 г. они были выведены из-под юрисдикции Наркомпроса и переданы в ведение вновь созданного Всесоюзного комитета по делам высшей школы.

Постепенно происходили большие изменения в студенческой среде: отмена классового принципа отбора, последовательное свертывание системы рабфаков, введение приема только с документом об окончании средней школы или среднего специального учебного заведения, обязательные вступительные экзамены — все это омолодило студенческую среду (теперь свыше 90 % студентов университетов стало моложе 23 лет), сократило удельный вес коммунистов среди студентов, сделало более разнообразным по социальному происхождению состав студенчества. В 1938 г. в университетах были введены единый студенческий билет и единая зачетная книжка.

Университеты переводились на пятилетний срок обучения на всех факультетах, вводились обязательные государственные экзамены по профилирующим дисциплинам, дифференцированная система оценок знаний. Постепенно практика студентов становилась тесно связанной с учебным процессом и переносилась на старшие курсы. Соотношение лекций и практических занятий было принято 1:1, и формы практических занятий старались разнообразить: семинары, специальные семинары, просеминарии, лабораторные работы и т. д. Во второй половине 30-х гг. с целью привлечения студентов к научной работе при кафедрах в университетах возникали студенческие кружки, проводились студенческие научные конференции: на факультетах, в масштабе всего университета и межуниверситетские. В Московском и Ленинградском университетах в конце 30-х гг. были опубликованы первые сборники студенческих работ. Многие отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что именно из университетских студентов второй половины 30-х гг. выдвинулось то поколение советских ученых, которое обеспечило успехи отечественной науки во многих областях в послевоенные годы.

Во второй половине 30-х гг. усилилось внимание к подготовке кадров высшей квалификации, было восстановлено присуждение ученых степеней, в университетах развернулась защита диссертаций, быстро расширялась аспирантура. В Постановлении СНК СССР от 13 января 1934 г., которым восстанавливались ученые степени и звания, были сформулированы основные положения об аспирантуре, действующие до сих пор. После этого ежегодно расширялся прием в аспирантуру, и к началу 1939 г. в университетах РСФСР насчитывалось 1200 аспирантов, из них 464 учились в МГУ.

Закреплению преподавательских кадров в университетах способствовал переход от почасовой оплаты труда к штатно-окладной системе. Этот переход занял несколько лет, и только в 1937 г. почасовая система была окончательно отменена. В университетах, как и в других вузах, устанавливались определенные штаты, численность их зависела от количества студентов. Преподаватель мог состоять в штате только одного вуза и обязан был в

среднем работать 5 часов в день (это охватывало все виды учебной и научно-исследовательской работы). Несколько повысилась заработная плата университетских работников: в 1938 г. профессор Саратовского университета получал 1000-1300 руб., доцент — 800-900 руб., ассистент — 600 руб., деканам добавляли 50% от штатного оклада, за заведование кафедрой доплачивали 160-180 руб.

По мере сокращения рабфаков и уменьшения числа учившихся в них в стране возникала и получала развитие система заочного обучения. В университетах начало ей было положено в 1927 г., когда в МГУ открыли бюро заочного обучения юристов. С начала 30-х гг. заочное обучение в университетах расширялось, но особый толчок оно получило в связи с Постановлением СНК СССР от 29 августа 1938 г. “О высшем заочном обучении”, которым приравнивались очное и заочное образование, выпускники того и другого получали одинаковые дипломы. Это стимулировало повышение требований к студентам-заочникам.

Материальное положение студентов в университетах с середины 30-х гг. несколько улучшилось, что было связано с повышением стипендии, увеличением удельного веса получавших ее, строительством общежитий для иногородних. Об уровне материальной обеспеченности студентов можно судить по некоторым данным. Так, в 1935 г. студенческая стипендия составляла в среднем 93 руб. При этом обед в столовой стоил 1 руб.50 коп., хлеб — 1 руб.50 коп. за кг, сахар — 4 руб.60 коп. за кг, ботинки — 100-120 руб., зимнее пальто — 250-300 руб. В последующие годы соотношение студенческих стипендий и цен сохранялось примерно на том же уровне, но в 1940 г. была введена плата за обучение в вузе, что ухудшило материальное положение многих студентов и привело к уходу из университетов значительной части обучавшихся там.

Во второй половине 30-х гг. университеты как и вся система высшего образования подверглись чисткам и массовым репрессиям. Тысячи преподавателей оказались в лагерях ГУЛАГа, тюрьмах, лишены были возможности преподавать и вести исследовательскую работу. Многие погибли в эти годы, что, безусловно, сказалось на уровне работы университетов. Так, в Саратовском университете за три года было сменено и подвергнуто репрессиям несколько ректоров. В Ленинградском университете после убийства Кирова была проведена новая чистка, исключали из партии, высылали из Ленинграда как социально опасных многих преподавателей (в Саратове оказались такие крупные ученые из Ленинграда, как будущие академики Максимов и Никольский, ставший впоследствии членом-корреспондентом АН СССР Гросс).

Во второй половине 30-х гг. большие изменения произошли в крупнейшем университете страны — Ленинградском: выросло до 10 число факультетов, появились новые научно-исследовательские институты, почти вдвое увеличилось количество профессоров и доцентов, среди преподавателей университета в 1940 г. было 20 академиков и 22 члена-корреспондента АН СССР. ЛГУ проявил инициативу в работе со школьниками, организовав для них кружки, проводя олимпиады. В 1938 г. университет принял свой новый устав. Однако репрессии 1937 г. вновь больно ударили по ЛГУ: академик Капица писал председателю Всесоюзного комитета по делам высшей школы Межлауку, что в Ленинградском университете арестовано так много преподавателей, что некому читать курсы лекций. Был репрессирован и директор (в 30-е гг. так именовали ректора) ЛГУ Лазуркин, погибший в тюрьме. Во второй половине 30-х гг. на биологическом факультете университета появился профессор Т. Д. Лысенко и с помощью парткома начал вытеснять генетиков. Несмотря на трудности и репрессии, в ЛГУ работали много, упорно, увлеченно. На основе курсов лекций крупных ученых было подготовлено и издано в 1939-1940 гг. значительное количество учебников и учебных пособий.

С 1933 г. началось восстановление Томского университета: вновь создавались факультеты (первоначально 4), появились лекционные курсы, занявшие ведущее место в преподавании, открыли НИИ биологии, перенесли производственную практику на 3-4 курсы, ввели педагогическую практику на всех факультетах, в 1939 г. открылся географический факультет, а в 1940 г. — историко-филологический. В 1934 г. было торжественно отмечено 50-летие Томского университета, хотя на самом деле он открылся в 1888 г. За 1935-1938 гг. в ТГУ число студентов выросло в 2,5 раза, а с 1940 г. оно начало сокращаться в связи с введением платы за обучение и установкой на выдачу стипендий только при наличии отличных и хороших оценок. В 1939 г. был утвержден индивидуальный устав ТГУ.

Харьковский университет возобновил свою деятельность, как и все университеты Украины, в октябре 1933 г. в составе 7 факультетов (сразу были открыты и гуманитарные факультеты), но переживал первые годы серьезные трудности: не хватало преподавателей высокой квалификации, всего 10 человек имело ученые степени, из 89 кафедр работало только 65, существовал систематический недобор студентов, ибо прием шел по социальному признаку и, в основном, за счет рабфака. Постепенно многие недостатки изживались: улучшалась материальная база, университету была передана Центральная научная библиотека Харькова, к 1940 г. почти в 2 раза увеличилось количество студентов, а число остепененных преподавателей достигло 200 человек, среди них 62 доктора наук и профессора.

Саратовский университет приступил к существенной перестройке своей работы с 1933 г., когда вместо отделений были сформированы 4 факультета: химический, биологический, физико-математический и геолого-почвенно-географический. В 1934 г. на этих факультетах училось 1160 студентов, среди работавших преподавателей было 16 профессоров и 28 доцентов. В 1935 г. осуществили первый набор 100 студентов на исторический факультет, а в 1938 г. геолого — почвено -географический факультет разделился на два: географический и геолого-почвенный. Число кафедр возросло с 27 в 1935 г. до 48 в 1939 г. При университете открылись научно-исследовательские институты геологии (НИИГ) в 1935 г. и математики и физики (НИИМФ) в 1937 г.

Крупным событием в жизни Саратовского университета явилось его 25-летие, отмечавшееся 6-10 апреля 1935 г. Подготовка к нему вызвала оживление общественной деятельности не только в университете, но и во всем городе. Как отмечал знаменитый хирург, академик С.И. Спасокукоцкий, участвовавший в юбилейных торжествах, им был придан всесоюзный и политический размах. Город был вычищен, гостей на вокзале встречало до 30 легковых машин, их разместили в наиболее престижной тогда гостинице "Астория " (теперь "Волга"). Торжественное заседание проходило в театре оперы и балета, речь об истории СГУ произнес профессор — медик Григорьев П.С., работавший в университете с 1919 г. От правительства СССР университет приветствовал Г. Н. Каминский — Нарком здравоохранения, сказавший, в частности, что все университетские здания должны отойти мединституту, а университету уже выделены средства для строительства новых зданий. В последующие дни состоялись встречи выпускников, научные конференции, банкеты. Юбилей дал толчок к дальнейшему развитию СГУ в предвоенные годы.

Московский университет начал новый период своей деятельности весной 1933 г. в составе 5 факультетов, в 1934 г. открытием исторического факультета приступили к возрождению гуманитарного образования. В дальнейшем росло число студентов и преподавателей МГУ, открывались новые кафедры и факультеты, расширялось заочное обучение (в 1937 г. 4 тыс. заочников). В связи с восстановлением ученых степеней в университете с 1934 г начались защиты диссертаций, и в 1939 г. в составе штатных работников МГУ насчитывалось 138 докторов наук и 211 кандидатов, в университете работало 14 академиков и 29 членов-корреспондентов Академии наук СССР.

Большие изменения произошли во второй половине 30-х гг. в составе студенчества МГУ: если в 1934 г. более половины студентов были старше 23 лет, то в 1940 г. таких осталось лишь 6%, удельный вес коммунистов среди студентов за эти годы снизился с 23% до 3%, а комсомольцы стали представлять более 3/4 всего студенчества. Основная масса студентов (свыше 80%) теперь получала стипендии. В августе 1939 г. был введен в действие новый устав МГУ, а в мае 1940 г. университету присвоено имя Ломоносова.

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны университеты сумели преодолеть многие трудности на пути своего развития, восстановили свои позиции ведущих вузов страны. В их стенах обучалось в 1940 г. 70 тыс. из 650 тыс. студентов высших учебных заведений Советского Союза.

Глава 7. В годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война Советского Союза отразилась на всех сферах и на всех сторонах жизни общества, сказалась на судьбе каждого человека. Не обошла она стороной и университеты. Преподаватели и студенты проявили высокую степень ответственности за судьбы Родины, стремление всеми силами служить делу победы над врагом. Уже в первые дни войны тысячи преподавателей и студентов добровольно заявили о готовности в рядах Красной Армии защищать свою страну, а те, кому отказали в их просьбе, рвались попасть в народное ополчение. Так, в Томском университете на фронт ушло 69 преподавателей и научных работников и 397 студентов, в Ленинградском 2500 человек оказалось в рядах Красной Армии и народного ополчения, в Московском — около 3000, в Саратовском — более 600. Значительная часть из них отдала на фронте свою жизнь за светлое будущее страны, мемориальные доски на университетских стенах и обелиски в университетских городках призывают нас вечно чтить память погибших. Тысячи посланцев университетов проявили героизм в ходе боевых действий, их ратный труд отмечен орденами, медалями, звездами Героев Советского Союза. Во многих университетах созданы музеи Великой Отечественной войны, с посещения которых первокурсники начинают знакомство с традициями своего университета.

Оставшиеся в тылу студенты и преподаватели, кроме занятий в университетах, принимали самое активное участие в сооружении оборонительных систем, трудились на предприятиях, заменяя ушедших на фронт рабочих, систематически выезжали в сельскую местность для проведения посевных кампаний и уборки урожая, участвовали в заготовках топлива на зиму и т. п. Особое место занимала забота о раненых, о семьях фронтовиков и погибших. Студенты и преподаватели шефствовали над ними, выступали с концертами перед ранеными, помогали в учебе детям погибших.

Многие университетские помещения были переданы для размещения госпиталей и эвакуированных заводов. Томский университет потерял большинство своих зданий, прекратили работу все университетские НИИ, местные власти хотели вообще закрыть его. В годы войны основная масса студентов совмещала учебу с работой (в МГУ до 80%), главным образом на оборонных предприятиях.

Особая страница в истории университетов — эвакуация в связи с фашистской оккупацией или угрозой таковой. Эвакуации подверглись все университеты Украины и многие российские (Воронежский, Ростовский, Московский, Ленинградский). Так, Харьковский университет был эвакуирован в Кзыл-Орду, где в 1942 г. его слили с эвакуированным Киевским в Объединенный украинский государственный университет, имевший первоначально 23 кафедры и 331 студента. Московский университет в октябре 1941 г. эвакуировали частично в Ашхабад, а в 1942 г. перевели в Свердловск. В Москве учебный год начался только в феврале 1942 г., в Ашхабаде приступили к занятиям в декабре 1941 г. около 1500 студентов и преподавателей. Условия для учебы и научной работы оказались очень трудными, летняя жара сказалась на здоровье многих москвичей, поэтому ректорат обратился с просьбой перевести университет в Свердловск. Профессор И. С. Галкин, бывший в те годы ректором МГУ, вспоминал об огромных трудностях переезда в Ашхабад, затем в Свердловск, о стремлении коллектива быстрее вернуться в Москву. Некоторые научно-исследовательские институты и лаборатории Ленинградского университета в августе 1941 г. вывезли в Елабугу, где был создан филиал. Тяжелые условия блокады города (за время блокады от голода и болезней погибло свыше 30 профессоров и более 60 доцентов) вынудили основную часть ЛГУ в феврале — марте 1942 г. эвакуировать в Саратов, где 1 апреля на базе Саратовского университета возобновили учебную и научную работу 189 преподавателей и 361 студент из Ленинграда. Преподаватели Ленинградского университета были размещены в лучших гостиницах города. В марте 1943 г. в Саратове приступили к работе научно-исследовательские институты ЛГУ: математики и механики, физики, биологии, физиологии и другие. В родном городе осталась небольшая часть коллектива (около150 человек) для сохранения университета в условиях войны.

Несмотря на эвакуацию, большие материальные и человеческие потери, университеты на новых местах налаживали работу, начинали учебный процесс, сотрудничали с местными вузами, активно участвовали в общественной жизни, продолжали выполнять правительственные заказы для фронта и т.д. Так, студенты и преподаватели Лениградского университета совместно с саратовцами участвовали в освоении Елшанского газового месторождения и строительстве первого газопровода Елшанка — Саратов, давшего топливо саратовским оборонным предприятиям и населению города. Профессора и доценты Ленинградского университета вместе с коллегами из СГУ открыли лекторий в 3 корпусе Саратовского университета, который посетили тысячи жителей города. Кроме того, ленинградцы прочитали несколько тысяч публичных лекций в школах, на предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах Саратовской области.

По мере успехов Красной Армии на фронтах, освобождения университетских городов начался процесс возвращения университетов, возобновления их работы. Так, в Московском университете учебные занятия начались после полугодового перерыва в феврале 1942 г., а в 1943 г. возвратились находившиеся в Свердловске

преподаватели и студенты. К реэвакуации Ленинградского университета из Саратова приступили весной 1944 г., летом студенты и преподаватели без каникул трудились над приведением университетских корпусов в порядок, и осенью 1944 г. ЛГУ открыл учебный год в своих прежних помещениях, к занятиям приступили 1700 студентов и 95 аспирантов. Коллектив Харьковского университета нашел по возвращении в город свои помещения полуразрушенными и разграбленными, общие убытки составляли 28 млн. руб. (в ценах 1940 г.). Но уже 1 сентября 1943 г. 120 студентов приступили к учебе, а к концу учебного года их было более 500. Медленнее возрождались университеты Воронежа и Ростова, понесшие особенно большие потери. Серьезную помощь в восстановлении университетов оказали университетские коллективы Саратова, Казани, Свердловска, Томска, Иркутска, поделившиеся своими библиотечными фондами, оборудованием, направившие туда часть своих преподавателей. Все это ускорило процесс возрождения университетов на освобожденной от оккупации территории.

В трудных условиях войны университетская жизнь продолжалась, хотя в ней произошли большие изменения. В 1941 г. было решено сократить срок обучения в университетах до 3 лет. Состоялось несколько досрочных выпусков. Резко уменьшилась мужская часть университетских коллективов и общее число студентов и преподавателей. Занятия сокращались по времени, приходилось сидеть в холодных, плохо освещенных аудиториях, особенно сложно было проводить лабораторные работы и производственную практику. Часть занятий переносилась в комнаты общежитий, которые немного оттапливались. Менялись учебные планы и вводились новые дисциплины, связанные с военными потребностями. Например, на исторических факультетах начали преподавать историю военного искусства, историю международных отношений и дипломатии, методику и организацию политико-просветительной работы и т.п.

По мере изменения хода войны в пользу Советского Союза университеты возвращались к довоенным порядкам. Уже в 1942/1943 уч. г. восстановлен был на большинстве факультетов 5-летний срок обучения, вновь увеличивался прием в университеты, постепенно в аудиториях появлялись фронтовики, вернувшиеся к учебе или вновь поступившие, росли партийная прослойка среди студенчества и удельный вес мужчин. К концу войны в ЛГУ насчитывалось свыше 3000 студентов и 750 преподавателей, в МГУ — более 6000 студентов (в том числе 1400 заочников), 408 аспирантов и 1197 преподавателей. За годы войны Московский университет выпустил более 4 тыс. специалистов, Томский — свыше тысячи. Открывались новые факультеты: в МГУ — философский, юридический, экономический, международных отношений (вскоре выделенный в самостоятельный институт — МИМО), в Свердловске — биологический, в Горьком — первый в стране радиофизический, в Саратове — выделился филологический, в Ленинградском были восстановлены юридический и восточный. Всего за годы войны была создана в университетах 81 новая кафедра, в том числе 30 в ЛГУ, 25 в МГУ, 16 — в Уральском университете. К концу войны в ЛГУ насчитывалось 130 кафедр, 200 лабораторий и специальных кабинетов, среди работавших в университете 36 академиков и членов-корреспондентов АН СССР. В Московском университете летом 1945 г. имелись 151 кафедра, свыше 100 лабораторий, более 2 тыс. преподавателей, из них 35 академиков и 52 члена-корреспондента АН СССР. К этому времени МГУ стал крупнейшим университетом страны.

Все годы войны в университетах не прекращалась научная работа, хотя тематика ее серьезно изменилась и была в основном подчинена военным нуждам. Несмотря на трудности военного времени, продолжались защиты диссертаций (106 докторских и 520 кандидатских в Московском, 14 докторских и 46 кандидатских в Томском, 6 докторских и 24 кандидатских в Саратовском и т.д.), проводились научные конференции, в 1944 г в Московском университете прошли первые Ломоносовские чтения, ставшие с тех пор традиционными. К концу войны возобновилась научная работа студентов, создавались кружки при кафедрах.

24 февраля 1944 г. в Саратовском театре оперы и балета им. Чернышевского состоялось торжественное заседание в связи со 125-летием Ленинградского университета.

Огромную лекторскую работу проводили преподаватели среди населения, только саратовские ученые прочитали свыше 2 тыс. лекций. Труд многих университетских преподавателей был высоко оценен, они награждались орденами, получали Государственные премии. В июне 1945 г. 4 профессора Ленинградского университета стали Героями социалистического труда: А. А. Байков, И. И. Виноградов, И. И. Мещанинов, А. Е. Фаворский.

Годы войны показали, что отечественная университетская система выдержала трудные испытания, а коллективы университетов внесли достойный вклад в достижение победы.

Глава 8. Восстановление и развитие университетов в послевоенные годы

8.1. Первое послевоенное десятилетие в жизни университетов

В послевоенные годы проблемы дальнейшего развития университетского образования, судеб университетов, их места в системе образования и жизни общества дискутировались во многих странах. Если накануне второй мировой войны на Западе распространялись идеи превращения университетов в центры подготовки образованных профессионалов, которым не обязательно и даже не нужно заниматься исследовательской работой (профессоров надо избирать из педагогов, а не из ученых — отмечал известный мыслитель XX в. Ортега-и-Гассет), то после окончания войны все большее влияние получали взгляды Карла Ясперса, изложенные им в книге “Идея университета” (1946 г.). Он считал необходимым развивать традиции гумбольдтского исследовательского университета, в котором ученые и студенты совместно заняты поиском истины. Так как истина раскрывается в процессе поиска, то исследование — первейшая цель университета. Вторая задача — обучение, ибо знание истины надо передавать. Кроме того, университет должен создавать личность с высокой интеллектуальной культурой, т. е. воспитывать, — это третья задача, и все они взаимосвязаны. Отстраниться от любой из них — означает потерять сам дух университетского образования. Чтобы успешно решать эти задачи, по мнению Ясперса, университет обязан сохранить и укреплять свои академические свободы.

Безусловно, идеи Ясперса оказывали влияние и на отечественные университеты, ибо они в послевоенные годы стремились совмещать все три задачи, но в условиях тоталитарного режима, при отсутствии подлинной университетской автономии сделать это было очень трудно и осуществлялось часто в извращенных формах. Так, поиск истины происходил в разрешенных рамках официальной идеологии, стремившейся подчинить себе не только гуманитарные, но и естественные науки (сессия ВАСХНИЛ в 1948 г. по вопросам генетики, отвержение кибернетики как буржуазной лженауки, попытка осуждения крупнейших ученых-физиков, к счастью, неудавшаяся, и т.п.). Передача знаний студентам также ограничивалась тем, что было разрешено, малейшее отступление преподавателя от утвержденной программы могло ему дорого обойтись. В воспитательном процессе основное внимание уделялось подготовке в стенах университетов специалистов, преданных делу Коммунистической партии, способных выполнить любые ее решения без всяких раздумий,не отягощенных сомнениями и размышлениями по поводу происходившего вокруг. Поэтому, с одной стороны, из наших университетов выходили специалисты высокого класса, имевшие неплохую подготовку в области фундаментальных наук, способные обеспечить научно-технический прогресс страны, с другой стороны, выпускники университетов оказались зашоренными идеологическими барьерами, недостаточно были знакомы с достижениями науки за рубежом, не имели ясного представления ни о своей стране, ни об обществе за пределами СССР. Эти издержки университетской системы в нашей стране особенно проявились в последней четверти XX в.

В первые послевоенные годы значительное внимание уделялось восстановлению пострадавших от оккупации и военных действий университетов, которое в основном завершилось к концу 40-х гг. Постепенно начали открываться новые университеты в столицах союзных республик (Кишинев, Ашхабад, Фрунзе и т. д.), и к 1951 г. уже все союзные республики имели свои университеты. Был восстановлен Дальневосточный университет. Если накануне войны в СССР насчитывалось 29 университетов с 76 тыс. студентов, то в 1955 г. в 33 университетах обучалось 185 тыс. студентов и 5 тыс. аспирантов, около 10% всех студентов страны. В 1946 г. все факультеты университетов ввели 5-летний срок обучения. В этом же году было образовано Министерство высшего образования СССР, и все университеты перешли в его подчинение.

Министерство утвердило типовой проект университетского устава, на основе которого начали разрабатываться и приниматься индивидуальные уставы отдельными университетами. Одновременно ряд ведущих университетов стал переходить и на индивидуальные учебные планы, что позволило лучше использовать их педагогический и научный потенциал, быстрее перестраиваться на подготовку специалистов по новым специальностям. В послевоенные годы в университетах увеличивалось количество факультетов. Так, в Томском университете появились юридический, механико-математический и радиофизический факультеты, в Ленинградском общее число факультетов к 1956 г. достигло 13. Наряду с этим, шел бурный рост количества студентов. В Томском университете за 10 послевоенных лет численность студентов выросла более чем в три раза, в Саратовском университете — в 2 раза, в Ленинградском — почти в 5 раз, а Московский превратился в один из крупнейших в мире, доведя число студентов до 22 тыс. и аспирантов почти до 2 тыс.

В послевоенные годы произошли серьезные изменения в составе самого студенчества. Первые пять послевоенных приемов в университеты дали большое число студентов, пришедших в учебные аудитории из рядов Советской Армии, недавних фронтовиков, людей, не имевших возможности учиться в условиях войны. Поэтому шло повзросление студенчества, увеличение удельного веса коммунистов. С начала 50-х гг. вновь основная

часть принимавшихся в университеты — выпускники средней школы. Именно в эти годы начался быстрый рост числа студентов-заочников, заочные отделения открылись почти на всех факультетах и постепенно число обучавшихся на них достигло трети и более от всего состава студентов. Например, в Саратовском университете в середине 50-х гг. на 3 тыс. студентов дневного обучения приходилось около 2 тыс. заочников, в Ленинградском на 10 тыс. дневников — 4 тыс. заочников и вечерников.

С 1946 г. в отечественных университетах появились первые иностранные студенты из стран народной демократии. Прежде всего, они начали учиться в МГУ, а затем и в других университетах. Например, в Саратовском университете первые иностранные студенты появились на историческом факультете в 1949 г. — граждане Румынии. После них прибыли студенты из Польши, Чехословакии, КНР, ГДР и др. стран. Обучались они в основном на гуманитарных факультетах. Всего в 1949 — 1954 гг. в СГУ обучалось 110 иностранных студентов, а затем их перевели в московские и ленинградские вузы. Саратов же на несколько десятилетий оказался закрыт для иностранных студентов, как и многие другие университетские города, где были сосредоточены предприятия военно-промышленного комплекса (ВПК)

Открытие новых факультетов и кафедр, создание большого количества НИИ и университетских лабораторий, бурный рост студенчества, прежде всего, за счет иногородних и сельской молодежи — все это требовало расширения учебных площадей, строительства новых корпусов и общежитий. Уже в 1945 г. ученые и преподаватели МГУ обратились с письмом к Сталину, в котором ставили вопрос о необходимости создания нового комплекса зданий университета в соответствии с потребностями учебной и научной работы. Понадобилось три года для всесторонней разработки проблемы и подготовки решения Совета Министров СССР, принятого 15 марта 1948 г., о строительстве комплекса МГУ на Ленинских горах, где в конце XVIII в. предлагал сооружение университета великий русский архитектор Баженов. Величественное здание МГУ должно было стать выдающимся памятником сталинской эпохи, олицетворять заботу вождя о науке и образовании, оказать влияние на формирование нового архитектурного облика Москвы — столицы мировой социалистической системы.

За сравнительно короткий срок (5 лет), широко используя принудительный труд, удалось возвести первую часть нового комплекса МГУ, занятия в нем начались 1 сентября 1953 г. Первоначально здесь были размещены естественные факультеты и студенческие общежития, находились дома для преподавателей, а в конце 70-х — начале 80-х гг. рядом вошел в строй комплекс зданий гуманитарных факультетов.

Новое строительство проводилось и в периферийных университетах. Так, в Саратове был построен 5-й корпус университета; благодаря настояниям и усилиям директора НБ СГУ В. А. Артисевич началось возведение прекрасного здания библиотеки, украсившего город. В Харькове в 1953 г. на месте разрушенного во время войны Дома проектов приступили к строительству нового главного здания университета.

Послевоенное десятилетие характеризовалось ростом престижа научно-преподавательской деятельности, что было в значительной степени связано с повышением оплаты труда в вузах, особенно для имевших ученые степени и звания, проведенном в 1946 г. Так, зарплата ректора выросла с 2,5 до 8 тыс. руб., профессора, доктора наук с 2 до 5 тыс. руб., доцента, кандидата наук с 1200 до 3200 руб. (с десятилетним стажем) и т. д. В эти годы соотношение зарплаты доцента, кандидата наук и квалифицированного рабочего составляло примерно 4:1, а профессора, доктора наук 7:1. Такого уровня оплаты труда отечественные ученые и вузовские преподаватели не имели в последующие десятилетия, ибо при постоянном росте цен, повышении зарплаты другим категориям служащих оплата труда ученых и преподавателей вузов оставалась неизменной свыше 40 лет. В 50-е гг. была введена конкурсная система для преподавателей всех вузов: раз в 5 лет каждый должен был переизбираться на должность. К сожалению, до сегодняшнего дня эта система действует, в основном, формально, и подлинный конкурс претендентов не происходит.

В связи с решением проблем укрепления обороноспособности страны особое внимание уделялось ученым-физикам, специалистам, обеспечивавшим развитие ВПК. Поэтому и в университетах в эти годы больше всего расширялись физические, химические, механико-математические, геологические факультеты, а гуманитарные оказывались в загоне. Об этом свидетельствует и такой показатель, как защиты диссертаций. Так, в Саратовском университете из 13 защищенных в послевоенное десятилетие докторских диссертаций только 2 принадлежали гуманитариям-филологам.

Университеты с конца 40-х гг. превращались в центры переподготовки и повышения квалификации для преподавателей фундаментальных дисциплин и общественных наук фактически всех вузов страны. В 1949 г. при МГУ и ЛГУ были созданы первые институты повышения квалификации (ИПК), через учебу в которых в последующие годы прошло большинство университетских преподавателей.

Серьезное влияние на судьбы многих университетских ученых и целых направлений университетской науки оказали постановления ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам и дискуссии в ряде наук в 40-50-е гг. Их результатом были чистки университетских кафедр от подозреваемых в инакомыслии, прекращение преподавания отдельных дисциплин, внедрение единомыслия в ряды ученых, боязнь сделать самостоятельные выводы, отчуждение отечественной науки от зарубежной. В Ленинградском университете после сессии ВАСХНИЛ были изгнаны многие генетики, а деканом биологического факультета стал ярый приверженец Лысенко профессор Презент, не имевший биологического образования, в Саратовском университете вынужден был уехать в Сибирь известный генетик В. Альтшуллер, а докторская диссертация по генетике другого крупного ученого С. С. Хохлова была утверждена только через 20 лет. В Московском университете шла борьба за развитие ядерной физики, ибо декан физического факультета член-корреспондент АН СССР Предводителев выступал против

исследований в этой области, видел в развитии ядерной физики преклонение перед Западом. Поэтому в университете открыли физико-технический факультет, где сосредоточили работу в области ядерной физики (впоследствии он выделился в самостоятельный институт). Серьезный ущерб развитию гуманитарных наук в университетах нанесла развернувшаяся в 1949 г. борьба с космополитизмом. Многие крупные ученые и вузовские преподаватели были обвинены в преклонении перед зарубежной наукой, в антипатриотизме и т. п., их изгнали из университетов. В последующем все это отразилось на состоянии науки и уровне преподавания ряда дисциплин, ибо места крупных ученых и прекрасных преподавателей, подвергнутых остракизму системой, нередко занимали случайные, недостаточно образованные люди. Особенно пострадал в начале 50-х гг. Ленинградский университет, так как после осуждения по "ленинградскому делу" бывшего ректора ЛГУ А. А. Вознесенского многие преподаватели были лишены возможности работать в его стенах, политико-экономический факультет фактически лишился квалифицированных кадров.

Университетское студенчество послевоенных лет жило напряженной и достаточно многогранной жизнью. Значительная часть его была сосредоточена в общежитиях, и 5 лет пребывания в общежитейском коллективе накладывало отпечаток на менталитет будущих специалистов. Многие студенты, особенно фронтовики и пришедшие с производства, упорно овладевали знаниями, видя в этом важное условие своей будущей карьеры. Целые выпуски физиков, химиков, механиков распределялись после окончания в престижные НИИ и закрытые ОКБ. Поэтому было увлечение научной работой. Фактически при всех университетских кафедрах создавались научные кружки, ежегодно проводились факультетские и университетские научные студенческие конференции, восстанавливались студенческие научные общества (СНО).

Студенческой стипендии (220 руб. для первокурсников и небольшое повышение на старших курсах) не хватало, особенно великовозрастным студентам, нередко обремененным семьей. Поэтому многие студенты подрабатывали, больше всего там, где не требовался квалифицированный труд (грузчики, землекопы и т.п.). В начале 50-х гг. появились новые виды приработков студентов: создание бригад, которые в летние каникулы выезжали на строительные, ремонтные, монтажные работы в сельские местности и отдаленные районы страны, где был недостаток рабочей силы. Часто в состав таких бригад входили аспиранты и молодые преподаватели, и занимались они уже квалифицированными работами, применяя полученные в университете знания.

Студенческий досуг организовывался, в основном, комсомольскими и профсоюзными организациями университетов. Создавалось много спортивных секций, кружков художественной самодеятельности, студенческих клубов. Спортивные соревнования охватывали группы, курсы, факультеты, вызывали прилив горячих болельщиков на спортивные площадки, расположенные большей частью под открытым небом. Только позднее у некоторых университетов появились солидные спортивные комплексы. К руководству студенческой самодеятельностью приглашались профессиональные режиссеры, артисты, музыканты, создавались коллективы, не уступавшие по мастерству профессиональным. Так, из самодеятельности ЛГУ вышли И. Горбачев и С. Юрский, в драматической студии МГУ начинали свой путь в искусство А. Демидова и И. Саввина, в Саратовском университете осуществляли первые постановки будущие режиссеры В. Ефремова, Л. Вольфсон, В. Геллер и многие другие.

Таким образом, в послевоенные годы произошло быстрое восстановление и дальнейшее развитие отечественной университетской системы. Даже в условиях идеологического диктата и репрессий университеты продолжали воспитывать высококвалифицированных специалистов, способствовали успехам в фундаментальных науках.

8.2. От «оттепели» до перестройки

В первой половине 50-х гг. в Европе были в основном преодолены последствия второй мировой войны, восстановлена довоенная университетская система. Однако начавшийся новый этап научно-технической революции поставил серьезные задачи перед университетским образованием. Оно перестало быть элитарным и превратилось в массовое, все большее число оканчивавших средние школы продолжало учебу и, чаще всего, именно в университетах. Потребности экономики, культуры, постепенный переход к информационным технологиям вызвали необходимость создания новых факультетов и подготовки специалистов по неведомым ранее дисциплинам. В научной и публицистической литературе вновь усилились дискуссии о месте университетов в обществе, о сути университетского образования, о его связи с повседневными нуждами человечества и т.д. Ряд американских и европейских профессоров выступили с концепциями перестройки университетов, планами создания университетов будущего. Так, президент университета в Беркли (Калифорния) Кларк Керр выпустил в 1963 г. книгу "Цели университета", в которой выдвинул идею нового типа университета — мультивирситета, т.е. университетского комплекса, соединяющего немецкий интеллектуализм и американский популизм. Университет превращался в основное звено индустрии знания, где находили применение и идея гуманитарного университета, и идея интеллектуального университета, и идея американского университета с его тесной связью с бизнесом. Такие университеты стали создаваться в середине 60-х гг., но оказались полны внутренних противоречий, что особенно проявилось в ходе массовых студенческих выступлений в университетских кампусах в конце 60-х гг.

Не случайно в 1969 г. появилась книга профессора философии Массачусетского университета Роберта Вольфа "Идеал университета", в которой мультивирситет рассматривался только как один из четырех вариантов идеальной модели университета и предлагались еще три: храм учености, этакая башня из слоновой кости, где человек, отрешенный от мирских забот, реализует свое книжное призвание; центр подготовки специалистов по определенным профессиям; центр штамповки государственных служащих. В противоположность Керру, Вольфу и другим профессорам радикальные американские студенты выдвинули модель антиуниверситета, требовали разрушить существовавшую университетскую систему, как не дававшую студентам необходимых в жизни знаний.

Волна студенческих волнений, охватившая в конце 60-х гг. многие европейские университеты, вызвала необходимость проведения ряда реформ, которые способствовали быстрому росту числа обучавшихся в университетах. Университеты стали играть все большую роль в политической жизни отдельных стран. Известный американский ученый Дж. Гэлбрейт писал в 1971 г.: "Не профсоюзы, не независимые интеллектуалы, не пресса, и даже не бизнесмены, а университеты возглавили оппозицию Вьетнамской войне, способствовали уходу из политики Джонсона и ускорили вывод наших войск из Вьетнама. Именно университеты лидируют в борьбе против крупнейших корпораций по проблемам загрязнения окружающей среды. И именно университеты на последних выборах в конгресс отправили в отставку наиболее отъявленных временщиков, воинствующих подхалимов и ястребов".

Рост популярности университетов связан был и с курсом на гуманитаризацию образования в целом, что легче всего было осуществить в стенах университетов, где были сосредоточенны гуманитарные факультеты. В ФРГ к середине 80-х гг. две трети студентов обучались в университетах, в Швеции уже в 1977 г. в 6 университетах насчитывалось 89 тыс. студентов из общего числа в 112 тыс., в США к началу 80-х гг. почти 90% из 12 млн. студентов учились в университетах, а также колледжах, школах при них, в Великобритании 44 университета сосредоточили у себя более 95% лиц, получавших последипломное высшее образование, которое позволяло иметь степени магистров и докторов наук, в Республике Корее за 40 послевоенных лет количество студентов увеличилось в 120 раз, и в середине 80-х гг. около 1/4 всей молодежи студенческого возраста обучалось в 100 университетах.

Университетское образование в разных странах отличалось своей спецификой. Так, во Франции университеты выпускали специалистов по естественно-математическим, философско-филологическим, экономическим, юридическим и медицинским дисциплинам; в английских университетах больше всего готовили специалистов по социальным, гуманитарным наукам, искусству; в ФРГ возникло три типа университетов: старые, готовящие специалистов по фундаментальным наукам, в них профессор — прежде всего ученый, а затем уже преподаватель, а студенты стремятся к научной деятельности; созданные на базе специальных вузов и выпускавшие специалистов по естественно-математическим, техническим и медицинским наукам (только в последние годы там появились отделения гуманитарных наук); новые, родившиеся в 60-70 -е гг. XX в. в связи с новыми потребностями общества и наиболее быстро реагировавшие на них. В немецких университетах произошли и значительные структурные изменения: ликвидированы факультеты и кафедры, первичным звеном стал семинар, концентрирующийся вокруг профессора, не осталось доцентов и мало ассистентов, но у каждого профессора секретарь в отдельном кабинете и группа научных сотрудников, работающих в его проекте. Немецкие университеты обладают такой независимостью и самостоятельностью, как никакое другое государственное учреждение, студенты и преподаватели пользуются полной свободой. Американские университеты делятся на ряд категорий: исследовательского типа, комплексной подготовки, колледжи свободных искусств. К исследовательским первой категории относятся 50 ведущих, получающих прямую финансовую помощь от федерального правительства и присуждающих в год не менее 50 докторских степеней по философии. В них обязательно должны быть в качестве факультета медицинские школы.

Во второй половине XX в. расходы на университетское образование так возросли, что ни общегосударственные, ни региональные органы власти не в состоянии их содержать. Отсюда стремление привлечь частный капитал, особенно пожертвования выпускников (во многих университетах создана специальная система связи с окончившими их, работающая в постоянном режиме). Вложение капитала в развитие университетов очень престижно и позволяет получать серьезные налоговые льготы

Интеграционные процессы в послевоенной Европе не могли не отразиться на положении университетов, которые с их постоянной склонностью к открытости, диалогу, объективному и бескорыстному исследованию всегда создают обстановку для взаимопонимания, уважения другого человека, сотрудничества. Была организована конференция ректоров, президентов и вице-канцлеров европейских университетов, которая включала в себя к концу 80-х гг. около 500 университетов. Конференция ведет деятельность, направленную на сближение университетов Европы, унификацию их программ, выработку общего языка, сотрудничество с университетами других регионов, создание совместных исследовательских программ, обмен студентами и преподавателями и т.д. По заданию конференции в 1974 г. была выпущена книга "Университет будущего", написанная группой авторов из Бельгии, Франции и ФРГ. По их мнению, к 2000 г. удельный вес студентов университетов должен был вырасти в Европе в 2-3 раза, повысится их авторитет, им в значительной мере предстояло стать законодателями норм нравственности и гражданского поведения основной части населения. Некоторые из этих предсказаний, как мы видим, оправдались, но не все.

Рассматриваемое тридцатилетие для университетов Советского Союза ознаменовалось рядом крупных событий, с одной стороны, способствовавших росту их престижа, с другой, подрывавших их положение. С середины 50-х гг. до начала 70-х гг. превалировали позитивные моменты, быстро росло число университетов, увеличивались конкурсы в них, усиливалась роль университетских ученых в развитии отечественной науки, велось расширение материальной базы; в 70-80-е гг. отношение к университетам начало меняться в худшую сторону и у властей, и у общества, престижность университетского образования снижалась, оно не реагировало своевременно на новые потребности.

С 1956 г. в РСФСР шел процесс открытия значительного числа новых университетов. В первую очередь, в столицах автономных республик. За три года появились университеты в Якутске, Саранске, Махач -Кале, Нальчике. Новая волна организации университетов прокатилась в начале 70-х гг., только в одном 1972 г. они были открыты в Сыктывкаре, Йошкар-Оле, Ижевске, Грозном, Чебоксарах. Университеты возникали и во многих областных и краевых центрах: Волгограде, Краснодаре, Красноярске, Куйбышеве, Калинине, Кемерово и др. Большинство новых университетов сформировалось на базе местных педагогических институтов, их преподавательский состав перенес в университеты свои институтские традиции. Во многих пединститутах научно-исследовательская работа по фундаментальным наукам почти не велась, не существовало серьезных научных школ, опыта привлечения студентов к исследовательскому процессу. В отличие от царской России и довоенного периода в СССР, когда новые университеты создавались при самом широком участии старых, выделявших для них кадры, оборудование, часть библиотечного фонда, в 50-80-е гг. эта традиция в основном была утеряна. Поэтому процесс становления новых учебных заведений как настоящих университетов шел очень болезненно, затягивался на десятилетия, и, к сожалению, некоторые из них по прошествии 20-30 лет потеряли свои качества хороших пединститутов и не превратились даже в средние по уровню университеты.

Количество университетов увеличивалось, росло число студентов в каждом из них, но по-прежнему удельный вес университетского студенчества колебался вокруг 10% от общего числа обучавшихся в высших учебных заведениях, в четыре раза уступая численности студентов в технических вузах.

Серьезные изменения в составе университетского студенчества происходили во второй половине 50-х- 60-х гг. С 1957 г. вводились преимущества при приеме для лиц с 2-летним производственным стажем. Цель этого мероприятия — изменить социальный состав студентов, повысить удельный вес рабочих и крестьян. Так как многие производственники и демобилизованные из рядов Вооруженных Сил не имели достаточных знаний, то в университетах для них с 1957-1958 уч. г. создавались подготовительные курсы, превратившиеся в дальнейшем в подготовительные отделения (ПО) — фактическое возрождение рабфаков, но в новых условиях, так как на ПО принимали только со средним образованием. Постепенно через ПО формировалась значительная часть студентов университетов, хотя не все из них могли бы быть зачислены по общему конкурсу. Новые правила приема в университеты привели к резкому изменению возрастного состава: так, если в Ленинградском университете в 1956 г. только 12% первокурсников дневного отделения имели 2-летний трудовой стаж или служили в армии, то в 1960 г. таких было уже 57%.

Большие перемены произошли в соотношении между числом студентов на дневном, заочном и созданном в 50-е гг. вечернем отделениях. Постепенно количество заочников и вечерников догоняло дневников, а затем стало их превосходить, особенно на гуманитарных факультетах. В Ленинградском университете в 60-е гг. на историческом факультете до 75% студентов составляли вечерники и заочники, на юридическом — до 70%, а на физическом — только 8%. В целом в 1966-1967 уч. г. в ЛГУ на 9 тыс. студентов — дневников приходилось почти 10 тыс. заочников и вечерников. Надо отметить, что большое число партийных, советских, профсоюзных, комсомольских работников, не получивших своевременно высшее образование, теперь приобретали его заочно. Ситуация в определенной степени напоминала 30-е гг., когда ускоренным путем готовились кадры для индустрии.

Серьезное влияние на университеты оказала реформа народного образования, проводившаяся с 1958 г. Добавление еще одного класса в школе первоначально сократило конкурс в вузах, а затем одновременно стали оканчивать школы десятиклассники и одиннадцатиклассннники, что привело к резкому увеличению желавших поступить в университеты в 60-е гг. Несмотря на попытки Н. С. Хрущева переориентировать школьников на работу в промышленности и сельском хозяйстве после получения среднего образования, основная масса выпускников стремилась попасть в вузы. Усиление в средней школе производственной практики, прием в вузы с трудовым стажем — все это шло за счет снижения знания основ наук и породило систему репетиторства, фактически неизвестную в стране в предыдущие годы.

В 50-60 -х гг. Коммунистическая партия ставила задачу усилить воспитание студенчества в духе идей марксизма-ленинизма. С этой целью с 1956-1957 уч. г. на всех факультетах вводилось обязательное преподавание истории КПСС, политической экономии, диалектического и исторического материализма, а с 1964 г. еще и научного коммунизма. При этом соответствующие кафедры часто заполнялись преподавателями, не имевшими опыта учебной и научной работы в стенах вузов, направленными с партийной и комсомольской работы.

Среди появившихся в тот период университетов необходимо выделить Университет Дружбы народов, созданный в Москве и получивший имя Патриса Лумумбы. В этом университете совместно учились отечественные студенты (по особому отбору) и представители многих африканских, азиатских, латиноамериканских стран. Зарубежные студенты получали здесь знание русского языка и специальность, многие из них в после-

дующие годы выросли в руководящих деятелей своих стран. Университет Дружбы народов с самого начала имел набор факультетов, аналогичных европейским, что делало его диплом признаваемым в других странах.

В 60-е — начале 70-х гг. довольно в крупных масштабах шло университетское строительство. В 1965 г. заложили комплекс новых зданий Ленинградского университета в Петродворце, но его сооружение так и не было доведено до конца. В Казанском университете в 1970 г. вошло в строй высотное здание гуманитарных факультетов, 8 и 9 учебные корпуса построили в Саратовском университете и т. д. Продолжалось строительство университетских общежитий и почти все желавшие в конце 70-х гг. могли получить там место. В то же время медленно решались вопросы сооружения университетских спортивных баз и дворцов культуры, что затрудняло организацию интересного и полезного досуга для студентов и преподавателей в университетах.

С середины 50-х гг. в жизнь студенчества начали входить массовые поездки на целинные земли для уборки урожая. В них участвовали целые курсы и факультеты, студенты фактически лишались полноценных каникул, учебный год часто начинался на отдельных курсах не 1 сентября, а в октябре и даже ноябре. Кроме этого, создавались строительные студенческие отряды, нередко заменявшие квалифицированных рабочих на сибирских и дальневосточных объектах. Все это отвлекало студентов от учебы и научной работы, ломало ход учебного процесса. Позитивным следствием отвлечения студентов на сельскохозяйственные и строительные работы являлось то, что они лучше познавали реальную жизнь страны, в их среде выявлялись неформальные лидеры, многие из которых сумели в годы перестройки сравнительно легко вписаться в новые условия, сделать успешную карьеру.

К числу массовых мероприятий, охвативших университетскую молодежь во второй половине 50-х гг., относились подготовка и участие в VI Всемирном фестивале молодежи и студентов, проходившем в 1957 г. в Москве. Во всех университетах состоялись свои фестивали, конкурсы, вечера. Впервые в истории Советского Союза одновременно десятки тысяч молодых людей из многих стран оказались в Москве и встретились с советской молодежью, нашим студенчеством. Широкий обмен мнениями, обширные международные связи, возникшие у студентов отечественных университетов в дни Московского фестиваля, оказали существенное влияние на общее настроение студенчества. Из рядов участников фестиваля вышла значительная часть будущих диссидентов.

В начале 60-х гг. при обкомах комсомола возникли структуры, занимавшиеся организацией международного молодежного туризма, из которых впоследствии сформировался “Спутник”. Студенты и преподаватели университетов активно участвовали в работе “Спутника”, составляли солидную часть делегаций и групп, посылавшихся за рубеж. Все это благоприятствовало развитию международных связей университетов в целом, хотя они оставались ограниченными, и даже сотрудничество с университетами стран социалистического лагеря носило очень узкий и часто только официальный характер. Только Московский и Ленинградский университеты получили возможность установить постоянное и достаточно широкое сотрудничество с рядом университетов социалистических государств Европы. Так, Ленинградский университет в 1959 г. подписал первый договор о научных контактах с Лейпцигским университетом.

К середине 70-х гг. в СССР имелось 63 университета, в которых обучалось 560 тыс. студентов и преподавало около 50 тыс. научно-педагогических работников, из них более 3 тыс. докторов наук и свыше 20 тыс. кандидатов. Шел процесс укрупнения университетов, если в 1940 г. в среднем в одном университете училось около 2, 5 тыс. студентов, то в 1975 г. — более 9 тыс. К этому времени основная масса выпускников университетов поступала на работу в школы, техникумы и на производство. Кадры научных работников готовились, главным образом, в Московском, Ленинградском и вновь созданном Новосибирском университетах.

В лучших университетах страны (а их рейтинг был довольно постоянным) существовали широко известные научные школы, имелись оснащенные современным оборудованием лаборатории, создавались системы повышения квалификации преподавателей вузов, организация учебного процесса включала привлечение основной массы студентов к исследовательской работе. Однако многие новые университеты не дотягивали до такого уровня, страдали от отсутствия научных школ и незначительного удельного веса докторов наук. Ряд требований, введенных в 60-70-е гг. в процессе защиты диссертаций, особенно докторских (например, обязательное наличие монографии, опубликованной в издательствах, входивших в список ВАКа), привел к тому, что даже в таком старом и прославленном университете, как Харьковский, значительно уменьшился удельный вес остепененных преподавателей, особенно докторов наук.

Во второй половине 70-х гг. начался процесс снижения престижности университетского образования, что было связано с экономией общества на образовании, инвестиции вкладывались в развитие научных исследований в академических институтах, а университетская наука получала крохи. Наши вузы, в первую очередь университеты, не сумели ответить на требования нового этапа НТР, вписаться в формируемое на Западе информационное общество. Перестали востребоваться на производстве многие выпускники университетов, а такие специалисты, как психологи, социологи, вообще не находили спроса. С 1971 г. неуклонно снижалась относительная доля студентов среди населения страны, происходил процесс старения преподавательских кадров. Характерно, что иностранных студентов стали направлять на учебу в основном в технические или узкоспециализированные вузы, а не в отечественные университеты, кроме университета Дружбы народов. Даже строительство новых университетских объектов значительно застопорилось, а ряд зданий был законсервирован на долгие годы. В конце 70-х — начале 80-х гг. не открывались и новые университеты. Серьезной проблемой стал процесс формирования преподавательского корпуса университетов, ибо подбор шел, в основном, по анкетным данным,

с участием представителей партийных органов и КГБ. Многие талантливые выпускники оказались отстраненными от научной работы, вынуждены были искать возможность для реализации своих способностей в других сферах, а иногда и в отъезде из СССР (что было сделать чрезвычайно трудно). В ряде университетов создавалась на кафедрах и факультетах очень тяжелая нравственная атмосфера, и виновниками ее иногда, к сожалению, оказывались крупные ученые, превратившиеся в научных бонз и больше всего боявшихся за свою карьеру. Большой ущерб нанесло университетам преследование в 60-80-х гг. инакомыслящих, среди которых многие были университетскими студентами и преподавателями. Часть из них вынуждена была к эмиграции, некоторые оказались в тюрьмах, лагерях и психиатрических больницах.

Таким образом, к середине 80-х гг. университетское образование в Советском Союзе переживало серьезные трудности, престиж университетского диплома значительно упал, участие университетов в развитии отечественной науки уменьшилось, новые потребности общества не получали адекватной реакции в университетской системе.

Глава 9. Университеты в условиях перестройки

В конце XX в. проблемы университетского образования, его дальнейшего развития, роли и места университетов в жизни общества продолжают оставаться в числе наиболее злободневных. Большинство современных авторов считают, что роль университетов должна возрастать, что только университетская фундаментальная подготовка дает их воспитанникам возможность более быстро и безболезненно приспосабливаться к непрерывно меняющимся потребностям общества. Университетам предстоит определить свои роль и место в процессе формирования мирового общества третьего тысячелетия.

80-е — начало 90-х гг. отмечены усилением интеграционных процессов в вузовской системе, которые особенно коснулись университетов. Во-первых, происходит сближение гуманитарного и технического образования, их взаимопроникновение, что легче всего можно осуществить в рамках университетов, где наличествует весь спектр фундаментальных наук. Во-вторых, возрастает сотрудничество университетов разных стран путем постоянного обмена студентами и преподавателями, разработки совместных научных проектов, унификации учебных планов.

В условиях, когда университетское образование стало массовым, обострилась проблема элитных и рядовых университетов, что связано с финансовыми возможностями, наличием достаточного числа преподавателей самой высокой квалификации, уровнем контактов с разными сферами экономики и культуры.

В большинстве развитых стран в последние десятилетия университеты заняли преобладающее место в системе высшего образования, стали выполнять новые функции. В. Тэйлор — вице-канцлер британского университета в Гулле в 1987 г. подготовил доклад о функциях современного университета, обратив особое внимание на влияние университетского кампуса на развитие экономики региона (создание новых производств, связанных с разработками университетских ученых, обеспечение новых услуг и экспертных оценок, появление новых рабочих мест для обслуживания быстро растущего числа студентов и преподавателей и т.д.). Современные университеты образуют трехъярусную систему: интернациональные, в которых обучаются студенты со всего мира; национальные, представляющие возможности учиться студентам из всех регионов страны; региональные, обслуживающие определенный регион и позволяющие взрослым учиться по месту жительства, предлагающие программы и курсы для локальных профессиональных групп, консультационные услуги местной экономике и местному сообществу.

Расширение функций университетов, их быстрое включение в информационное общество привели к многократному увеличению числа обучающихся в них. В США, ФРГ, Японии абсолютное большинство студентов обучается в университетах. В 1990 г. в США действовало 94 федеральных и штатских университетов и 62 частных, 28 из общего количества имели более чем по 30 тысяч студентов каждый. Все учителя американских общеобразовательных школ к началу 90-х гг. получили университетское образование, 52% из них стали магистрами наук. В то же время в России 25% школьных учителей не имело высшего образования, а из остальных абсолютное большинство кончило педагогические институты, а не университеты. Почти 1,5 млн. выпускников американских университетов ежегодно продолжают обучение в магистратуре или докторантуре, в СССР во всех вузах было только 60 тыс. аспирантов (1989 г.). В то время как во всем мире непрерывно наращивался выпуск специалистов из университетов, в СССР он сократился с 50 тыс. в 1980 г. до 45 тыс. в 1989 г.

Зарубежные университеты увеличивали выпуск специалистов по таким университетским специальностям, как право, социология, психология, информатика, политология и т.п., а в СССР расширялась подготовка инженеров и специалистов сельского хозяйства, их мы обучали в большем количестве, чем во всем остальном мире.

Особенно сложным было состояние финансирования университетов в СССР, где они находились целиком на государственном бюджете. И хотя в абсолютных цифрах расходы на высшее образование в нашей стране росли (так, с конца 50-х до конца 80-х гг. они выросли с 1,1 млрд. руб. до 4,8 млрд. руб.), но это было несопоставимо с развитыми странами (в США за тот же период они выросли с 7,1 млрд. долл. до 142 млрд.). Таким образом, в СССР непрерывно падал удельный вес расходов на высшую школу и науку в государственном бюджете, что при отсутствии других источников финансирования означало постоянное ухудшение положения университетов. Если в США расходы на высшее образование составляли 6,7% валового национального продукта (1987 г.), то в СССР — только 1,2%. Результатом их плохого материального обеспечения явилось отсталое оборудование, невозможность научить студентов работать на современной технике, в первую очередь компьютерной. Расходы на одного студента в год составили в СССР в конце 80-х гг. 960 руб. против 12 тыс. долл. в США, оборудования на одного студента в советских вузах было установлено на 2,5 тыс. руб., в то время как в американских университетах в среднем на 10 тыс. долл., а в наиболее престижных — 80 -100 тыс. долл.

За вторую половину 80-х гг. количество университетов в Советском Союзе выросло незначительно. Например, в РСФСР их стало в 1990 г. 42 с 328 тыс. студентов. Необходимо отметить, что в годы перестройки, несмотря на то, что в руководстве страны и Коммунистической партии появилось много людей с университет-

ским образованием, положение университетов не изменилось к лучшему. Знатные ученики забыли о нуждах своей alma mater. Университеты постепенно перестали получать и те средства, какие им выделялись по бюджету. Начались задержки с выплатой зарплаты и стипендий, повышение которых не поспевало за инфляцией. Дешевизна нашего образования, особенно ярко видная на фоне расходов зарубежных государств на обучение своих граждан в советских вузах, была результатом крайне невысокой оплаты труда наших преподавателей (в 10-100 раз меньше, чем за рубежом) и бесплатности обучения отечественных студентов.

В СССР начался невиданный в мире процесс падения престижности высшего образования, в том числе и университетского, сокращение числа желавших после школы поступить в вузы. К началу 90-х гг. около 11% населения СССР в возрасте старше 20 лет имело высшее образование, при этом наиболее высокий % был среди людей от 40 до 45 лет. В США уже 37% населения старше 20 лет имело высшее образование, и оно равномерно распределялось по возрастным группам.

Если говорить о позитивных результатах перестройки для университетов, то следует отметить постепенное освобождение от идеологической зашоренности, особенно в преподавании общественных и гуманитарных наук. Университеты начали выходить из-под партийного контроля. Преподаватели теперь не были так жестко связаны обязательными рамками программ, получили возможность разрабатывать авторские курсы, учить студентов критическому подходу к действительности. Стало реальным приступить к изучению тех проблем, что долгие годы находились под запретом.

Отечественные университеты в годы перестройки начали налаживать постоянные связи с зарубежными университетами и расширять их. Теперь это стало возможным не только для столичных, но и провинциальных университетов, особенно по мере того, как прежде закрытые города становились открытыми (Саратов, Самара, Пермь, Томск и др.). Впервые после длительного перерыва в этих университетах появились зарубежные студенты и не только из социалистических и развивающихся стран. Начался обмен преподавателями, интеграция наших университетов в европейскую и мировую университетские системы. В ходе развития интеграционных процессов в руководящих органах системы высшего образования появились идеи, воплощение которых в жизнь нанесло бы удар по отечественной университетской системе и позитивным традициям, заложенным еще в XIX в. По нашему мнению, для российских университетов не подходит многоуровневая система американских университетов, нет никакой необходимости ломать и переделывать нашу триаду: студент, аспирант, докторант на американскую: студент, магистрант, докторант, ибо на первом этапе отечественные студенты получают более фундаментальную и завершенную подготовку, чем американские.

Еще одно нововведение периода перестройки, явно противоречащее отечественным традициям, — превращение специальных вузов в университеты. Первыми по этому пути пошли политехнические институты, начав менять свои вывески, но оставляя полностью прежние кадры и старую систему подготовки специалистов. Проводившиеся в те годы опросы показали, что абсолютное большинство преподавателей и студентов не заметили никаких перемен в связи с изменением названия их вуза и считали это косметической операцией с целью повысить престижность своего учебного заведения. Получалась парадоксальная ситуация: вместо того, чтобы поддержать существовавшие классические университеты и сделать их подлинными центрами образования, науки и культуры, начали плодить университеты, которые не соответствовали этому наименованию и только снижали уровень университетского образования в стране. У нас существует вековая и устойчивая традиция — университет в России дает фундаментальное образование по основным естественным и гуманитарным наукам, его преподаватели находятся на переднем крае современной науки, а все студенты обязательно получают навыки исследовательской работы. Узкоспециализированные вузы в России могли стать академиями, но не университетами. Поэтому затея с преобразованием в университеты узкоспециализированных вузов, которая продолжается и в современных условиях, не может не вызвать негативной реакции.

Проведенные в годы перестройки социологические исследования высшей школы дали любопытные результаты относительно преподавательского корпуса университетов: две трети преподавателей мужчины (явное различие со средней школой), более трети преподавательского состава в возрасте от 31 года до 40 лет. У университетских преподавателей самые большие по численности семьи и в то же время они отличались более низкими доходами, имели меньше отдельных квартир, чаще проживали в общежитиях. Кроме того, преподаватели университетов больше всего совмещали свои обязанности с научно-исследовательской работой, меньше, чем в других вузах, работали по совместительству, что вообще было затруднено в те и предыдущие годы законодательно. Очень существенное отличие университетских преподавателей — среди них меньше всего неудовлетворенных своим трудом. Таким образом, обобщенный портрет университетского преподавателя конца 80-х гг. выглядел примерно так: это мужчина самого работоспособного возраста, материально не очень благополучный, имевший достаточно большую семью (по меркам тех лет), часто проживавший в общежитии или коммунальной квартире, увлеченный своим делом, активно занимавшийся научной деятельностью. Исследования позволили выявить большую загруженность посторонними делами преподавателей — до 35 рабочих дней в учебном году. Значительные потери времени были и у студентов, особенно в связи с поездками на сельскохозяйственные работы.

Особенно болезненно перестройка сказалась на строительных работах в университетах: фактически прекратилось строительство учебных корпусов, общежитий, лабораторий, клубов, спортзалов и т.п., не было средств на капитальный ремонт старых зданий.

Таким образом, можно отметить, что перестроечные годы для всей системы высшей школы были достаточно сложными и противоречивыми. Однако абсолютное большинство университетских преподавателей и студентов приветствовали перестройку, поддерживали многие мероприятия тех лет, особенно по развитию гласности, демократии. Значительное количество преподавателей и студентов участвовали в процессе формирования новых политических партий и общественных объединений, некоторые из них были избраны депутатами высших законодательных органов СССР и РСФСР, местных Советов. Однако многие из них не смогли или не захотели в органах законодательной и исполнительной власти последовательно отстаивать интересы народного образования в целом, и университетов в частности.

Глава 10. Становление университетской системы в Российской Федерации

С 1992 г. университетское образование в России вступило в новый этап своего развития. Это связано с целым рядом обстоятельств и, в первую очередь, с тем, что прекратили существование Советский Союз и вместе с ним единая вузовская система. Началось строительство новой системы высшего образования в границах каждой из 15 республик, образованных на территории бывшего СССР. При этом оказались разорванными традиционные межвузовские связи как по линии учебно-методической, так и научной работы, что создало дополнительные трудности. В российских университетах появилось значительное количество специалистов высокой квалификации, выехавших по разным причинах из ныне независимых государств ближнего зарубежья. Так, в Ульяновском университете целые кафедры, особенно на медицинском факультете, состоят из преподавателей, прибывших в 90-е гг. из Таджикистана, Киргизстана, Казахстана. В Белгородском университете работает много профессоров Харьковского университета.

В Российской Федерации уже в 1992 г. четко обозначились новые тенденции в развитии университетского образования: учитывая удельный вес университетов в системе высшего образования во всем мире и желая одним махом преодолеть наше отставание в этом направлении, правительство широко открыло двери для преобразования узкоспециальных институтов в университеты. За один 1992 г. число университетов в РФ выросло с 48 до 97, в Москве вместо двух университетов появилось около 20 новых, в Санкт-Петербурге вместо 1 — более 10, в Саратове был 1, а стало 5 (кроме СГУ, медицинский, технический, аграрный, коммерческий). В результате свыше 20% студентов обучалось к началу 1993 г. в российских университетах.

Некоторые из вновь открытых стремятся сочетать черты классического и современного университета. Например, в Ульяновском университете, созданном на базе филиала МГУ в конце 1995 г., появились такие факультеты, как юридический, экономический, медицинский, а рядом с ними: международного сотрудничества, экологический, трансферных специальностей, гуманитарных наук и социальных технологий. Всего в этом университете идет подготовка по 26 специальностям на 15 факультетах. Выросший на интеллектуальной базе МГУ, первоначально открывшего в Ульяновске свой филиал, местный университет имеет в преподавательском коллективе более 70% специалистов с научными степенями, в том числе 16 % докторов наук. Это позволяет университету широко участвовать в научных программах различного уровня. Неплохие возможности для своего развития получил в последние годы Оренбургский университет, которому по постановлению Правительства Российской Федерации ежегодно выделяется на строительство из федеральных средств 30 млн. руб. и рекомендовано столько же выделять из областного бюджета

Однако в большинстве случаев преобразование институтов в университеты носило чисто формальный характер, о чем свидетельствовали материалы социологических опросов. Так, 69% опрошенных студентов и 63% преподавателей ответили, что образование новых университетов — просто формальное переименование; 14% студентов и 18% преподавателей считали, что это может принести вред, и только по 11% преподавателей и студентов признали повышение качества обучения в связи с преобразованием в университет.

Как уже отмечалось выше, создание узкопрофильных университетов не соответствует отечественным традициям, а также не способствует гуманитаризации высшего образования, ибо большинство новых университетов не имеет солидных гуманитарных факультетов (их, кстати, недостаточно и в некоторых старых университетах: нет юридических, философских, экономических и ряда других гуманитарных факультетов). Нам кажется справедливым замечание декана исторического факультета МГУ проф. Карпова С.П., который в беседе с представителем журнала "Новая и новейшая история" сказал: "Несерьезным выглядит и переименование институтов в университеты и академии. Качество образования при этом редко меняется в лучшую сторону, а достигается в основном лишь рекламный или чисто финансовый эффект. Кроме того, по определению университет не может быть лингвистическим или химическим, он — универсум наук".

Надо отметить, что некоторые вновь оформленные университеты стараются преодолеть свою узкопрофильность. Так, Саратовский технический университет открыл подготовку по ряду гуманитарных специальностей, а также, соответственно, аспирантуру и защиту диссертаций. В Пензенском государственном педагогическом университете созданы экономический и юридический факультеты, особое внимание уделяется научно – исследовательской работе преподавателей и студентов, защите диссертаций, взят четкий курс на превращение в классический университет. Но таких примеров, к сожалению, немного.

Новым явлением в жизни российских университетов стало определенное расширение их прав, принятие университетских уставов, учитывающих конкретные условия и традиции данного учебного заведения. В январе 1993 г. конференция коллектива СПГУ приняла устав, определивший статут университета, как самостоятельного (автономного) вуза Российской Федерации. Основным принципом университетской жизни была объявлена свобода в учебной и научной деятельности. В 1992 г. был издан указ Президента РФ о восстановлении автоно-

мии МГУ, а в 1996 г. она была расширена. На основе новых уставов во многих университетах в середине 90-х гг. прошли первые выборы ректоров на альтернативной основе, к руководству университетами пришли авторитетные ученые, получившие широкую поддержку университетских коллективов.

В последние годы российские университеты стремятся к открытию факультетов, специальностей, позволяющих удовлетворять новые потребности общества. В результате расширилась и началась подготовка в университетах социологов, политологов, культурологов, специалистов по экологии, информатике, социальных работников и т.п. Ректор МГУ академик В. Садовничий поставил вопрос о создании университетской системы подготовки государственных служащих, с этой целью в Московском университете был в 1994 г. открыт институт государственного управления и социальных исследований.

В С.-Петербургском университете число факультетов превысило 20, на них работает свыше 230 кафедр, насчитывающих три с лишним тысячи преподавателей, а студентов стало более 20 тыс.; в 1994 г. был открыт факультет международных отношений, в 1995 г. — медицинский факультет. В МГУ создан факультет фундаментальной медицины и т. д. Ряд университетов, особенно в автономных республиках, сильно вырос в 90-е гг. В Мордовском университете первоначально существовало 6 факультетов, а в 1993г. работало уже 18 факультетов, более 100 кафедр, и свыше 1000 преподавателей обучали 16 тыс. студентов. На 15 факультетах Удмуртского университета училось в 1993 г. 7,5 тыс. студентов, Чувашский университет за 25 лет увеличил число факультетов с 7 до 13, доведя количество студентов до 10,5 тыс. Вновь созданный в 1993 г. Адыгейский университет открыл в 1996 г. филиал в районном центре с педагогическим и экономическим факультетами.

Опыт последних десятилетий показал, что не на всех факультетах и не по всем специальностям возможна полноценная подготовка на вечернем и заочном отделениях. Поэтому получила развитие тенденция к сокращению приема на эти отделения и полному закрытию их на ряде факультетов. Очевидно, что заочное и вечернее обучение должны быть в университетах максимально ограничены, оставаться лишь на некоторых факультетах и более целесообразно развивать сдачу экзаменов экстерном.

Российские университеты получили возможности расширять в последние годы разнообразные связи с зарубежными, участвовать в различных европейских и международных научных и учебных программах. Санкт-Петербургский университет имел к 1997 г. прямые договора о сотрудничестве с 40 зарубежными университетами, на его факультетах обучалось около 1300 студентов, аспирантов и стажеров из-за границы. Это помогает не только преодолевать прежний отрыв от университетской системы Запада, но способствует получению средств, так необходимых нашим вузам в условиях вхождения в рыночную экономику. Безусловно, позитивную роль играют соросовские стипендии, получаемые профессорами, доцентами, аспирантами и студентами многих университетов. Они оказывают существенную материальную поддержку талантливым ученым, аспирантам и студентам, позволяют им отдавать больше времени и сил учебе и научной работе.

Интеграции российских университетов в европейскую университетскую систему помогает их включение в программу “Темпус”. Так, за 1994-1997 гг. Саратовский университет, участвуя в “Темпусе”, получил возможность оборудовать ряд кафедр и факультетов современной техникой, направить на стажировку в университеты Гранады, Анже, Пуатье большую группу преподавателей, аспирантов и студентов исторического, филологического факультетов, отделения социологии. Одновременно идет процесс совершенствования учебных планов факультетов, вводится преподавание новых дисциплин, улучшается языковая подготовка студентов.

Создание различных российских фондов в поддержку гуманитарных и естественных наук и выдаваемые ими на конкурсной основе гранты помогают разработке актуальных научных проблем, особенно в области фундаментальных наук, что всегда было и остается приоритетным делом университетов. В меньшей степени, к сожалению, оказывают помощь университетам органы местной администрации и коммерческие организации, которые часто недооценивают или не понимают, что такое фундаментальная наука, для чего она нужна. Бывают и такие случаи, как, например, с Ульяновским университетом, которому городская администрация оказывает помощь, а областная тормозит его развитие.

Обмен опытом с зарубежными университетами, участие в международных программах позволяют выяснить, в чем наше преимущество и в чем мы отстаем. Отставание, прежде всего, относится к материальной базе российских университетов: отсутствие современного оборудования, недостаток компьютерной техники, множительной аппаратуры, снижение возможностей закупки новейшей литературы и периодики, трудности с оплатой зарубежных командировок, невключенность в систему Интернета и т.д.

В то же время ясно видно, что наша система преподавания фундаментальных наук, широкая общетеоретическая подготовка выпускников университетов, многочисленные семинарские и практические занятия позволяют окончившим российские университеты свободно ориентироваться в сложных ситуациях, принимать самостоятельные решения, участвовать в исследовательской работе на самых современных направлениях. Кадры наших профессоров и доцентов не уступают по своей подготовке зарубежным, имея перед ними определенные преимущества, прежде всего, в общенаучной эрудиции, в умении более широко взглянуть на стоящую перед исследователем научную проблему. Сохранению и развитию положительных сторон отечественного университетского образования призвана служить федеральная программа “Российские университеты”, которая действует уже ряд лет и охватывает все университеты Российской Федерации. Проводимая с участием правительственных комиссий аккредитация университетов должна способствовать объективному установлению их рейтинга, выделению тех из их числа, которые могут получить звание федеральных исследовательских и в связи с этим достаточное финансирование не только для сохранения имеющегося потенциала, но и для движения вперед.

Самые большие трудности российских университетов проистекают в современных условиях от недостаточного и несвоевременного финансирования. Здания университетов ветшают, оборудование приходит в негодность, нехватает мебели в аудиториях, нет современных наглядных пособий и аппаратуры для их использования. Сильно ограничены возможности летней практики студентов различных факультетов, которая обычно проводилась далеко от университетских корпусов. Конечно, все это скажется и уже сказывается на уровне подготовки университетского специалиста. В то же время хочется отметить, что, несмотря на трудности, университеты сохранили основные научно-преподавательские кадры, что начали расти конкурсы поступающих в университеты фактически на все факультеты, что усиливается тяга выпускников к обучению в аспирантуре. И именно в этом залог того, что российские университеты имеют хорошие перспективы.

В ближайшие годы наши старейшие университеты будут отмечать свои юбилеи: 250-летие Московского университета, 200-летие Казанского, 125-летие Томского. Хотелось бы надеяться, что в связи с этими событиями в жизни российских университетов федеральные и региональные власти предпримут меры для улучшения положения всей нашей университетской системы.

Для Саратовского государственного университета последние годы проходили под знаком проведения его 90-летия. Коллективу университета при всесторонней помощи областной и городской администраций, общественности Саратова удалось построить новый прекрасный корпус, получить более просторное помещение для гуманитарных факультетов, открыть несколько новых факультетов и специальностей. Вхождение в состав университета Саратовского и Балашовского педагогических институтов и двух техникумов превратило СГУ в один из крупнейших вузов страны, насчитывающий свыше 20 тысяч студентов. Торжественно было отмечено в феврале 1999 г. 275-летие Санкт-Петербургского университета. На проходившей в связи с этим событием научной конференции были подведены некоторые итоги истории университетской системы в России и высказаны предложения по ее дальнейшему совершенствованию.

Заключение

Человечество готовится к вступлению в XXI век, вырабатывает различные концепции будущего, и важная роль в них отводится высшему образованию, которое в следующем веке станет доступно большинству взрослого населения нашей планеты. Кроме того, возникнет постоянно совершенствуемая система непрерывного образования. На первый план во всех звеньях высшего образования выдвигается проблема его фундаментализации и преодоления разобщенности естественнонаучной и гуманитарной составляющих. А этого можно практически добиться только на базе университетского образования. Поэтому роль университетов будет расти, в их стенах закладывается и будет развиваться общечеловеческая культура XXI века, способная спасти человечество и нашу планету от гибели. Выступая в сентябре 1997 г. в Палермо на форуме «Европейская программа перемен в высшем образовании в XXI веке» Генеральный директор ЮНЕСКО Ф. Майор отметил роль университетов в формировании облика современной Европы и подчеркнул, что они должны стать наблюдательными башнями, с которых можно определять тенденции будущего развития. В XXI веке, продолжал он, необходим универсальный университет, способный решить задачи формирования человека, обеспечивающий возможность получить высшее образование всем и в любом возрасте. При этом только университет может дать именно широкое образование, а не только подготовить человека к определенной работе.

Академик Н. Н. Моисеев считал, что человечество в конце XX в. вступило в планетарный кризис, из которого оно может выйти через коэволюцию. Для этого надо подготовить поколения людей, и решающую роль в осуществлении такой подготовки призвано сыграть образование, в системе которого возрастает значение университетов. Именно они должны подготовить людей к тому, чтобы они могли самостоятельно и непрерывно учиться, уметь быстро решать проблемы, возникающие в нестандартных ситуациях, которых будет становиться все больше.

Главная задача университетского образования в ближайшей перспективе — поставить на службу обществу творческий потенциал каждого человека, ибо вскоре более 90% трудящихся будут заняты в сфере обеспечения будущего и управления, где особенно важно уметь принимать нестандартное решение.

Университетское образование следует, по нашему мнению, преобразовывать таким образом, чтобы студент получал на младших курсах как можно более широкое понимание основных проблем естественных и гуманитарных наук, а на старших курсах имел возможность глубоко изучить свою специальность. Студенты всех факультетов должны учиться культуре мышления, для чего следует ввести обязательное изучение таких дисциплин, как логика, математика. Все студенты университетов должны представлять себе современную естественнонаучную картину мира, правильно понимать взаимоотношения природы и общества. Наконец, не может быть полноценным выпускником университета человек, не обладающий хотя бы началами гуманитарного мышления. К сожалению, мы очень медленно преодолеваем разрыв естественников и гуманитариев, возникший в эпоху резкого разделения на “физиков и лириков”. Десятилетиями прививалось в наших вузах и даже в университетах пренебрежительное отношение к гуманитарным наукам, оценка их как второсортных, малозначащих в практической деятельности. Это, в свою очередь, порождало у части гуманитариев отрицательную реакцию на естественнонаучные знания. В современных условиях только университеты, прежде всего классические, способны постепенно преодолеть барьеры между областями человеческих знаний и воспитать то поколение людей, которое создаст цивилизацию более высокого уровня.

В результате изучения исторического пути российских университетов и опыта их зарубежных партнеров можно попытаться сформулировать некоторые конкретные предложения по перестройке отечественных университетов и наиболее безболезненному их вхождению в рыночную экономику.

Прежде всего, накопленный опыт последних лет позволяет сделать вывод о полезности создания вокруг университетов системы средних учебных заведений (колледжей, лицеев, гимназических классов и т. п.), в которых целенаправленно при активном участии университетских преподавателей готовятся будущие кадры студентов. Для выпускников этих учебных заведений следует бронировать определенное количество мест на каждом факультете и принимать их по результатам школьных экзаменов, освобождая от вступительных. Желательно по наиболее престижным специальностям открывать прием дополнительных групп на коммерческой основе, при условии, что не менее 50% полученных таким образом средств пойдет в факультетский фонд.

Долгие годы вечернее отделение было основным источником пополнения дневного при отчислении неуспевавших. Так как в настоящее время вечерние отделения сворачиваются, то было бы целесообразно принимать на первый курс 10-15% студентов сверх нормы в качестве кандидатов, чтобы за их счет заменять отчисленных по разным причинам.

На 1-2 курсах всех факультетов хотелось бы видеть в учебном плане набор дисциплин, который бы позволял каждому студенту получить представление о современной естественнонаучной картине мира, освоить богатства мировой и отечественной культуры, познать основные этапы развития мировой цивилизации и место в

ней России, хорошо изучить один иностранный язык и научиться работать с современной компьютерной техникой. После этого студент мог бы решать: продолжать ли ему образование на первоначально избранном факультете или переходить на другой в связи с выявившимся интересом. На 3-5 курсах студент университета глубоко постигает свою выбранную специальность, изучает второй язык, обязательно выполняет исследовательскую работу, результаты которой фиксируются в дипломном сочинении.

Для преподавателей университетов обязательным должно быть непрерывное участие в научной работе, регулярная публикация ее результатов. Конкурсы на замещение вакантных должностей желательно проводить на альтернативной основе, для чего повысить престижность работы в университете, в том числе и путем повышения уровня зарплаты преподавателей университетов по сравнению с другими вузами (это можно обосновать: во-первых, при одинаковой учебной нагрузке преподаватели университетов еще занимаются обязательно научной работой; во-вторых, университеты готовят преподавательские кадры для всех других вузов по фундаментальным наукам; в-третьих, университеты играют роль центров переподготовки кадров всех вузов по фундаментальным наукам и т. д.).

Классическим российским университетам нужно получить возможность иметь полный набор факультетов гуманитарного и естественнонаучного профиля, что можно решить при активном участии администрации субъектов Российской Федерации.

Одним из неиспользованных до сих пор путей улучшения материального положения университетов могла бы стать хорошо налаженная и постоянно действующая система связи с выпускниками в масштабах факультетов или всего университета. Непрерывная переписка с выпускниками, организация с ними постоянных встреч, напоминание об университетских событиях и нуждах — все это может подвигнуть окончивших университет, особенно из числа преуспевающих бизнесменов, на внесение определенных сумм в университетский фонд.

Наконец, должна быть продумана система постоянного участия российских университетов в европейском университетском сообществе, обмена преподавателями, студентами, аспирантами. Надо добиваться полной конвертируемости дипломов российских университетов во всем мире. Значительный шаг в этом направлении делается в настоящее время, когда европейские государства готовы признать российские вузовские дипломы.

Университетская система в России существует, несмотря на все сложности и трудности нашего времени, и имеет хороший потенциал для своего дальнейшего развития и совершенствования. Реализация этого потенциала зависит прежде всего от того, сумеют ли федеральные и региональные органы власти осознать первостепенное значение образования для решения всех проблем развития страны как великой державы и предоставить ему абсолютный приоритет в государственном и местных бюджетах.

Хроника важнейших событий в истории российских университетов

1724 г., 28 января. – Указ Петра I об открытии Академии Наук с университетом и гимназией при ней.
1725 г. – Приезд иностранных профессоров и студентов в Академический университет.
1726 г., январь. — Первые лекции в Академическом университете.
1736 г., 1 января. — М. В. Ломоносов в числе других учащихся Славяно-греко-латинской академии зачислен студентом в Академический университет.
1747 г., 24 июля. — Императрица Елизавета Петровна утвердила «Регламент Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге».
1755 г., 12 января. – Указ Елизаветы Петровны об учреждении Московского университета.
1755 г., 26 апреля. – Торжественное открытие Московского университета.
1756 г., 26 апреля. – Выход № 1 «Московских ведомостей» в типографии университета.
1756 г., 3 июля. – Открытие библиотеки Московского университета.
1758 – 1764 гг. – М. В. Ломоносов – ректор Академического университета.
1771 г. – Создание Вольного российского собрания при Московском университете.
1786 – 1793 гг. – Строительство здания Московского университета на Моховой улице по проекту М. Казакова.
1789 г. – Открытие Общества любителей учености при Московском университете.
1792 г. — Защита первой докторской диссертации в Московском университете.
1799 г. – Указ Павла I о создании Дерптского (позднее Юрьевского, Тартуского) университета.
1802 г. – Создание Министерства народного просвещения, в ведение которого переданы все университеты.
1803 г., 25 июля. — Утверждение нового «Регламента Академии наук».
1803 г. – Открытие Дерптского университета.
1804 г. – Открытие Казанского университета.
1804 г. – Образование Общества истории и древностей российских при Московском университете.
1804 г., 5 ноября. – Утверждение Александром I нового Устава Московского университета, действие которого было распространено и на другие университеты.
1805 г., 17 января. – Открытие Харьковского университета.
1805 г., 30 июня. – Торжественное празднование 50 – летия Московского университета.
1805 г. – Создание клинического, повивального, хирургического институтов при Московском университете.
1809 г., 6 августа. – Указ Александра I об экзаменах на чин (необходимо университетское образование).
1812 г., сентябрь. – Пожар в зданиях Московского университета.
1816 г. – Возникновение Варшавского университета.
1817 г. – Начало восстановления здания Московского университета под руководством архитектора Д. Жилярди.
1819 г., 20 января. — Утверждение «Положения о производстве в ученые степени».
1819 г.,14 февраля. – Открытие Санкт – Петербургского университета.
1820 – е гг., первая половина. – Попытка Магницкого, Рунича и др. свернуть университетское образование в России.
1830 г., 10 ноября. — Указ Николая I о передаче всего здания Двенадцати коллегий Санкт-Петербургскому университету.
1831 г. – Закрытие Варшавского и Виленского университетов в связи с польским восстанием.
1833 г., 8 ноября. – Указ Николая I об открытии Киевского университета.
1830 – е гг., первая половина. – Кружок Н. В. Станкевича в Московском университете.
1835 г., 8 марта. — Защита первой в Санкт-Петербургском университете докторской диссертации.
1835 г., 26 июля. – Утверждение Николаем I Общего устава императорских российских университетов.
1837 г. – Введение специализации студентов в Московском университете.
1830 – е гг. - Зарождение первых научных школ в российских университетах.
1848 – 1854 гг. – Меры Правительства по ограничению университетского образования в России.
1849 г., 11 апреля. Указ Правительствующего Сената о назначении ректоров университета министром народного просвещения.
1849 г., 1 мая. — Распоряжение Николая I об ограничении до 300 человек числа казеннокоштных студентов в каждом университете.

1854 г., 22 октября. — Создание первого в мире факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете.
1855 г., 12 января. – Торжества, посвященные 100 – летию Московского университета.
1857 г., 30 января. — Разрешение министерства народного просвещения студентам Санкт-Петербургского университета издавать сборник своих трудов.
1859 г. – Первые студенческие сходки в университетах.
1859/1860 уч. год. – Появление в университетских аудиториях женщин на лекциях.
1861 1863 гг. – Широкое обсуждение в России проекта нового университетского Устава.
1861 г., осень. - Студенческие волнения в Московском и Санкт – Петербургском университетах. Временное закрытие Санкт – Петербургского университета.
1862 г., январь – март. — Создание и деятельность «Вольного университета» в Санкт – Петербурге.
1863 г., 18 июня. – Утверждение Александром II «Общего устава российских университетов».
1865 г., 1 мая. – Открытие Новороссийского университета в Одессе.
1869 г. – Создание Варшавского русского университета.
1860 е гг., вторая половина. – Появление в российских университетах аспирантуры.
1860 – 1870 – е гг. – Создание системы исторического образования в российских университетах.
1878 г., 16 мая. – Указ Александра II об открытии Томского университета.
1880 г., 26 августа. – Закладка первого здания Томского университета.
1884 г., 3 августа. – Утверждение Александром III нового университетского Устава.
1885 г., 8 мая. — Утверждение новой формы одежды для студентов императорских российских университетов.
1888 г., январь — Участие представителей российских университетов в праздновании 888-летия Болонского университета.
1888 г.,27 июля. – Торжественное открытие Томского университета.
1889 г. – Введение на всех факультетах университетов семестровых экзаменов.
1889 г., 30 декабря. – Утверждение жетона для окончивших курс университета.
1893 г. – Переименование Дерптского университета в Юрьевский, унификация его Устава с Уставом других российских университетов.
1898 г., сентябрь. – Открытие юридического факультета Томского университета.
1899 г., февраль – март. –Первая Всероссийская студенческая забастовка.
1899 г., 11 июня. — Установление нагрудного знака для лиц, окончивших курс российских университетов по всем факультетам, кроме медицинского.
1899 г., 29 июля. – Издание «Временных правил об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений».
1901 г., январь – февраль. – Отдача в солдаты 183 студентов Киевского и 27 студентов Санкт – Петербургского университетов.
1901 г., март. — Студенческие выступления во всех университетах России.
1901 г., 9 сентября. — Открытие Физического института при физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета.
1901 г., 22 декабря. — Утверждение «Временных правил организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях ведомства МНП».
1902 г., февраль. — Всероссийская студенческая забастовка.
1904 г. – Открытие Физического института при физико – математическом факультете Московского университета.
1905 г., февраль. – Начало активных студенческих выступлений в ходе Первой российской революции.
1905 г., весна. – Формирование Академического союза.
1905 г., 27 августа. – Введение «Временных правил по управлению университетами».
1905 г., октябрь. – Закрытие на год занятий в Санкт – Петербургском университете.
1906 г., 5 – 26 января. – Совещание ректоров и профессоров университетов для выработки проекта нового университетского Устава.
1906 г., 14 сентября. — Учреждение должности проректора университета.
1907 г. – Восстановление действия университетского Устава 1884 г.
1909 г., 10 июня. – Подписание Николаем II Указа об открытии Саратовского университета.
1909 г., 23 сентября. – Первая лекция в Саратовском университете.
1909 г., — 6 декабря. – Торжественное открытие Саратовского университета.
1910 г., 26 сентября. — Запрещение министром народного просвещения Л. А. Кассо всех студенческих союзов и собраний.
1910 – 1914 гг. – Строительство 4 – х корпусов Саратовского университета.
1910 г., конец – 1911 г., начало. – Студенческие выступления в связи с похоронами профессора Московского университета С. А. Муромцева (Председателя I Государственной думы) и смертью Л. Н. Толстого.

1911 г., 11 января. – Постановление Совета министров о ликвидации университетской автономии.
1911 г. – Уход в отставку 130 профессоров и преподавателей Московского университета в знак протеста против курса Министра народного просвещения Л. Кассо.
1914 г., 16 марта. — Первая защита женщиной магистерской диссертации в Санкт-Петербургском университете.
1915 г., август. – Разрешение принимать женщин в качестве студентов в Саратовском и Томском университетах.
1915 г., осень. – Прибытие в Саратов эвакуированных преподавателей и студентов Киевского университета.
1915 г. – Эвакуация Варшавского университета в Ростов н/Д, где на его основе был открыт в 1918 г. Ростовский университет.
1916 г. – Эвакуация Юрьевского (Дерптского) университета в Воронеж, где на его основе был открыт в 1918 г. Воронежский университет.
1917 г., май. – Преобразование отделения Петроградского университета в Перми в самостоятельный университет.
1917 г., 1 июля. – Решение Временного правительства об открытии в Саратовском университете физико – математического, историко – филологического и юридического факультетов.
1917 г. – Восстановление университетской автономии и выборности ректоров и деканов.
1918 г. – Открытие 16 новых государственных университетов.
1918 г., июль. – Первое Всероссийское совещание по реформе высшей школы.
1918 г., сентябрь. – Второе Всероссийское совещание по реформе высшей школы.
1918 г., осень. – Отмена вступительных и выпускных экзаменов в вузах, всех ученых степеней и званий.
1918 г., осень. – Назначение первых правительственных комиссаров в университеты.
1919 г., 3 марта. – Открытие факультета общественных наук в Первом Московском университете.
1919 г., 11 сентября. – Постановление Народного комиссара просвещения РСФСР «Об открытии рабочих факультетов при университетах».
1921 г. – Ликвидация университетов в Украинской ССР, замена их институтами народного образования.
1921 г., 2 сентября. – Принятие Советом народных комиссаров РСФСР «Положения о высших учебных заведениях РСФСР».
1922 г. – Введение государственных стипендий в университетах.
1922 г. – Создание в Первом Московском университете первого студенческого клуба.
1925 г. – Открытие в университетах аспирантуры.
1927 г., 7 ноября. — Выход первого номера газеты «Студенческая правда» в Ленинградском университете.
1927 г. – Начало заочного обучения в университетах.
1928 г., октябрь. — Создание первой в СССР кафедры физической культуры в Ленинградском университете.
1920 – е гг., конец – 1930 – е гг., начало. – Массовое выделение из университетов узкоспециализированных факультетов. На базе Саратовского университета образовано 8 институтов.
1930 г., январь. – Упразднение коллегиальных органов управления в университетах.
1931 г., апрель. – Постановление ЦК ВКП (б) «О целевых установках университетов».
1931. 13 июля. — Постановление СНК РСФСР « О реорганизации государственных университетов».
1931 г. – Восстановление университетов в Н. Новгороде, Перми, Свердловске.
1931 – 1932 гг. – Появление ряда Постановлений СНК и Наркомпроса РСФСР о повышении роли университетов.
1933 г. – Восстановление университетов в Украинской ССР.
1934 г., 13 января. – Постановление СНК СССР о восстановлении ученых степеней и званий.
1934 г., апрель. — Первая математическая олимпиада в СССР в Ленинградском университете.
1934 г., 16 мая. – Восстановление гуманитарного образования в университетах РСФСР, открытие исторических факультетов в Ленинградском и Московском университетах.
1935 г., 6 – 10 апреля. – Торжественное празднование 25 – летия Саратовского университета.
1935 г. – Открытие исторического факультета в Саратовском университете.
1936 г., 23 июня. – Постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О работе высших учебных заведений и руководстве высшей школой».
1936 г. – Передача университетов в ведение Всесоюзного комитета по делам высшей школы.
1938 г., 29 августа. – Постановление СНК СССР «О высшем заочном обучении», открытие заочных факультетов при университетах.
1938 г., 5 сентября. – Постановление СНК СССР о введении «Типового устава высшего учебного заведения».
1938 г. — Введение в университетах единого студенческого билета и единой зачетной книжки.
1939 г., август. – Введение в действие нового Устава Московского университета.

1940 г., — май. – Московскому университету присвоено имя М. В. Ломоносова.
1940 г. – Открытие Петрозаводского университета.
1940 г. – Введение платы за обучение в вузах.
1940 г. — Массовый выпуск новых учебников для студентов университетов.
1941 г., с 22 июня. – Массовый уход преподавателей и студентов университетов добровольцами в Красную Армию и народное ополчение.
1941 г., 1 июля. – Введение трехлетнего срока обучения в университетах в условиях войны.
1941 – 1942 гг. – Эвакуация Московского университета частично в Ашхабад, а затем в Свердловск.
1942 – 1944 г. – Пребывание Ленинградского университета в Саратове.
1944 г., 24 февраля. – Торжественное заседание в Саратове в связи со 125 – летием Ленинградского университета.
1945 г. – Открытие филологического и механико – математического факультетов в Саратовском университете.
1945 г. – Открытие радиофизического факультета в Горьковском университете.
1946 г. – На всех факультетах университетов введение пятилетнего срока обучения.
1946 г. – Появление в Московском университете студентов из восточно–европейских стран.
1948 – 1953 гг. – Строительство нового здания Московского университета на Ленинских горах.
1949 г. – Создание при Московском и Ленинградском университетах институтов повышения квалификации.
1949 – 1954 гг. – Обучение в Саратовском университете иностранных студентов.
1951 – 1957 гг. – Строительство здания Научной библиотеки Саратовского университета.
1956 – 1975 гг. – Открытие свыше 20 университетов в столицах автономных республик, краевых и областных центрах РСФСР.
1957 г., август. – Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве.
1957/1958 уч. г. – Открытие подготовительных курсов в университетах.
1958 г., 24 декабря. – Принятие Верховным Советом СССР Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР».
1958 г. — Открытие в Ленинградском университете первого в стране отделения экономической кибернетики.
1959 г. – Открытие Новосибирского университета.
1959 г., осень. – Празднование 50 – летия Саратовского университета.
1960 г. – Открытие университета Дружбы народов в Москве.
1961 г., 21 марта. – Утверждение Советом Министров СССР «Положения о высших учебных заведениях СССР».
1972 г. – Создание Совета университетов при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР.
1972 г., 18 июля. – Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране».
1970 – е гг., вторая половина. – Начало снижения престижности университетского образования в СССР.
1984 г. – Реформа народного образования в СССР.
1989 г., 1 сентября. — Открытие факультета социологии в Ленинградском университете.
1980 – е гг., конец — 1990 – е гг., начало. – Массовое переименование узкоспециализированных институтов в университеты.
1980 – е гг., конец – 1990 – е гг., начало. – Расширение связей российских университетов с зарубежными.
1991 г., 16-17 мая. – Проведение 38-й сессии Конференции ректоров Европы в Ленинградском университете.
1992 г., 13 апреля. — Постановление Совета Министров РФ «О развитии гуманитарного образования в Российской Федерации».
1992 г. – Массовый рост числа университетов в Российской Федерации: с 48 до 97.
1992 г. – Открытие Колледжа прикладных наук при Саратовском университете.
1995 г. – Открытие Ульяновского университета на базе филиала Московского университета.
1990 – е гг. – Вхождение российских университетов в систему Интернет.
1995 г., октябрь. — Открытие медицинского факультета в Санкт-Петербургском университете.
1996 г. – Открытие факультета социальных и гуманитарных наук в Саратовском университете.
1998 г. – Объединение Саратовского университета с Саратовским и Балашовским педагогическими институтами.
1999 г., февраль. — Празднование «275 -летия Санкт-Петербургского университета.
2000 г., февраль. — Проведение в МГУ 1-й конференции университетов стран СНГ и Балтии.
2000 г. — Открытие в Саратовском университете 4-х новых факультетов.

Список источников и литературы

Александров В. Я. Трудные годы советской биологии. Записки современника. СПб, 1992.
Благоев Д. Мои воспоминания. М.-Л., 1928.
Бузескул В. Образы прошлого // Анналы. 1922, № 2.
Булгаков В. Университеты и университетская наука (Почему я вышел из университета). М., 1919.
Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897.
Вернадский В. И. Об основаниях университетской реформы. М., 1901.
Вернадский В. И. Страницы автобиографии. М.,1981.
Верник А. М. Наука и тоталитаризм // Звезда. 1998, № 8.
Воронов А. Г. Воспоминания бывшего студента Харьковского университета 60-х гг.// Русская старина. 1913, № 6.
Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. 31 октября 1905 г. — 24 апреля 1906 г. М., 1997.
Воспоминания о студенческой жизни. М., 1899.
Галкин И. С. Тропами моей жизни // Новая и новейшая история. 1998, № 4, 5.
Георгиевский Г. И. О реформе университетов в России. СПб, 1909.
Головнин А. В. Записки для немногих// Вопросы истории. 1997, № 1, 2.
Гончаров И. А. В университете: как нас учили 50 лет назад // Полн. собр. соч. СПб, 1899, т. 12.
Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 1-3. М., 1960-1963.
Дьяконов А. 1905 и 1906 годы в Петербургском университете. СПб, 1907.
Жебелев С. Из университетских воспоминаний // Анналы. 1922, № 2.
Записки Дмитрия Николаевича Свербеева (1799 — 1826). Т. 1. М., 1899.
Зелинский Ф. Ф. Университетский вопрос в 1906 году // ЖМНП. 1906, ч. 1У.
Зернов В. Д. Записки русского интеллигента // Волга. 1993, № 7-11; 1994, № 2-7.
Иванов П. И. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. М., 1903.
Иностранцев А. А. Воспоминания (Автобиография). СПб, 1998.
Иорданский Н. «Миссия» П. С. Ванновского (из воспоминаний о студенческом движении 1899 года) // Былое. 1907, № 9.
Кавелин К. Д. Наука и университеты на Западе и у нас // Кавелин К. Д. Собр. соч. СПб, 1899. Т. 3.
Капнист П. Университетский вопрос. СПб, 1904.
Кольцов Н. К. К университетскому вопросу. М., 1910.
Кони А. Ф. Из лет юности и старости // Кони А. Ф. Собр. соч. М., 1969. Т. 7.
Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л., 1963. Т. 1.
Литературный сборник к 100-летию Императорского Казанского университета: Былое из университетской жизни. Казань, 1904.
Л-ов Н. Несколько слов о положении профессоров в наших университетах // Русский вестник. 1860, № 22, ноябрь, кн. 2.
Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. СПб, 1994.
Любимов Н. А. Университетские письма. М., 1876.
Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 1-10. СПб, 1885-1900.
Материалы к истории Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Ташкент, 1974.
Материалы по истории Санкт-Петербургского университета. Пг.,1919. Т.1.
Материалы V съезда Российского союза ректоров высших учебных заведений (июнь 1998 г.)// Alma mater. 1998, № 7.
Миротворцев С. Р. Страницы жизни. Л., 1956.
Мнение об учреждении университета в С.-Петербурге гр. Северина Потоцкого// Чтение в императорском Обществе истории и древностей российских. 1860. Октябрь — декабрь, кн. 4.
Московский университет в воспоминаниях А. Н. Афанасьева. 1843-1849 гг.// Русская старина. 1886, № 8.
Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989.
На штурм науки. Воспоминания бывших студентов ЛГУ. Л., 1971.
Никитенко А. В. Дневник в трех томах. Том 1.1826-1857. М., 1955.
Новиков М. М. Московский университет в первый период Большевистского режима // Московский университет. 1755 — 1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930.
Общий устав императорских российских университетов 1884 г. Саратов, 1913.
Объяснительная записка к проекту устава императорских российских университетов. СПб, 1910.

Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958.
Пирогов Н. И. Взгляд на общий устав наших университетов // Пирогов Н. И. Соч. Т. 2. СПб, 1887.
Пирогов Н. И. Университетский вопрос / Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения. М., 1953.
Писарев Д. И. Наша университетская наука.// Соч. Т. 2. М., 1955.
Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб, 1844.
Победоносцев К. П. Об университетском преподавании// Победоносцев К. П. Соч. СПб, 1996.
Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г. СПб, 1897-1900. Т. 1-4.
Путь студенчества. М., 1916.
Пыпин А. Н. Мои заметки. М., 1910.
Романович-Славатинский А. В. Моя жизнь и академическая деятельность 1832-1884 // Вестник Европы. 1903, № 1-5.
Сборник, издаваемый студентами императорского С.-Петербургского университета. Вып. 1, 2. СПб, 1857, 1860.
Сеченов И. М. Автобиографические записки. М., 1952.
Скрябин К. И. Моя жизнь в науке. М., 1969.
С-ов Н. И. Университетские старцы: (Из воспоминаний казанского студента)// Русская старина. 1895, № 8.
Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып 1. Университеты до эпохи шестидесятых годов. СПб, 1914.
Сорокин П. А. Долгий путь. Автобиографический роман.Сыктывкар, 1991.
Тельберг Г. Г. «Университет жил совершенно нормальной жизнью» // Источник. 1998, № 3.
Труды совещания профессоров по университетской реформе, образованном при Министерстве народного образования. Под пред. Министра графа И. И. Толстого в январе 1906 г. СПб, 1906.
1905 и 1906 годы в Петербургском университете. СПб, 1907.
Уставы Академии наук СССР 1724-1974. М., 1975.
Устрялов Ф. Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете в 1852-1856 гг.// Исторический вестник. 1884, №6-8.
Фриш С. Э. Сквозь призму времен. М., 1992.
Чичерин Б Н. Воспоминания: Московский университет. М., 1929.
Шварц А. Н. Моя переписка со Столыпиным. Мои воспоминания о Государе. М., 1994.

Алексинский М. А. Университеты на новом этапе// Коммунистическое просвещение. 1932, № 7.
Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000.
Андреев А. Ю. О начале университетского образования в Санкт-Петербурге// Отечественная история. 1998, № 5.
Аскольдова С. М. Колледжи и университеты США. М., 1993.
Асмолов А. Образование бросает вызов// Открытая политика. 1998, № 7-8.
Ашевский С. Из истории Московского университета: к полуторавековому юбилею. 1755-1905.// Мир божий. 1905, № 3-6.
Багалей Д. И., Сунцов Н. Ф., Бузескул В. П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования. Харьков, 1905.
Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета. Т. II (1815-1835). Харьков, 1905.
Багалей Д. И. Экономическое положение русских университетов. СПб, 1914.
Бирюков А. Университет и студенты в начале 60-х гг.//Уч. зап. Казанского университета. 1930, кн. 5.
Бороздин И. Н. Академический университет// Исторический вестник. 1886, кн. 4.
Бороздин И. Н. Университеты России в первой половине XIX века// История России в XIX веке. Т. 2. СПб, 1907.
Бороздин И. Н. Университеты в эпоху 60-х годов//История России в XIX веке. Т. 4. СПб, 1908-1909.
Бровман Г., Поповкин Е. Университет ждет своей революции //Революция и культура. 1929, № 21.
Бутягин А. С., Салтанов Ю. А. Университетское образование в СССР. М., 1957.
Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет //Труды юбилейной научной сессии. Секция исторических наук. Л., 1946.
Верже Жак. История средневекового университета. Прототипы. //Вестник высшей школы. 1992, № 1, 2.
Владимирский-Буданов М. Ф. История университета св. Владимира. Киев, 1884. Т. 1.
Волков О. Из истории старого Московского университета // Волков О. Век надежд и крушений. М., 1989.
Вузы России. Вып 1. Университеты республик Российской Федерации. М., 1993.
Вулисанова Г. Первый ректор Московского университета // Высшее образование в России. 1999, № 2.
Вульфсон Б. Л. Университет будущего: прогнозы и перспективы //Советская педагогика. 1975, № 4.
Высшая школа в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Очерк истории. М., 1995.
Высшая школа в зеркале общественного мнения: (Обзор социологических исследований. (1987-1988). М., 1989.
Гиляровский В. А. Студенты // Гиляровский В. А. Соч. Т. 4. М., 1989.
Главацкий М. Е. Рождение Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1995.

Глинский Б. Б. Университетские уставы (1755-1884) // Исторический вестник. 1900, № 1,2.
Головота Л. В. Университеты и научное книгоиздание (вторая половина XVIII — первая четверть XIX в.) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 60. М., 1990.
Городецкий Е. Н. Советская реформа высшей школы 1918 г. и Московский университет // Вестник МГУ. 1954, № 1.
Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб, 1870.
Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. М., 1971.
Гутнов Д. А. Обучение на историко-филологическом факультете Московского университета в конце XIX — начале XX в.// Вестник МГУ, серия 8, история. 1993, № 1.
«275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет. Летопись 1724-1999. СПб, 1999.
Дворин С. М., Оленин А. Б. Художественная жизнь Московского университета. М., 1958.
Державин Н. С. Высшая школа и революция. М. — Пг.,1923.
Джакипова Г. Ш. Университетское образование: вчера, сегодня, завтра. Бишкек, 1991.
Джанишев Г. А. Университетская автономия// Джанишев Г. А. Из эпохи великих реформ. М., 1893.
Диез-Хохляйтнер Р. Университеты в контексте глобальных проблем современности // Alma mater. 1994, № 5-6.
Егоров Н. С. Советский университет // Вестник высшей школы. 1968, № 3.
Ежов В. А., Мавродин В. В. Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны. Л., 1975.
Ефременко Л. К вопросу о реорганизации госуниверситетов // Коммунистическая революция. 1931, № 11.
Зайченко П. А. Томский государственный университет. Очерки по истории. Томск, 1960.
Захаров И., Ляхович Е. Джон Ньюмен и его модель идеального университета // Alma mater. 1993, № 1.
Змеев В. А. Эволюция высшей школы Российской империи. М., 1998.
Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991.
Иванов А. Е. Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект// Отечественная история. 1997,№ 6.
Иванов А. Е. Университетская политика царского правительства накануне революции 1905-1907 годов // Отечественная история. 1995, № 6.
Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. — 1917 г. М., 1994.
Ивановский В. Н. Движение к распространению университетского образования в России. М., 1900.
Ивановский В. Н. Народное образование и университеты в средние века. М., 1898.
Из истории университетов Европы XIII-XV вв. Воронеж, 1984.
Иконников В. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы. 1876, № 9-11.
История Ленинградского университета. Л., 1969.
История Московского университета. М., 1955. Т.1,2.
История Тартуского университета. 1632-1982. Таллин, 1982.
Карпачев М. Д. Основание Воронежского университета // Отечественная история. 1998,№ 5.
Князев Е. А. Автономия и авторитарность (Исторический обзор реформ отечественного высшего образования). М., 1991.
Коломинов В. Vivat Academia! // Нева. 1998, № 10.
Кононов В. А. Столетие восточного факультета Ленинградского университета // Советское востоковедение. 1956, № 2.
Корбут М. К. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Казань, 1930. Т. 1, 2.
Кравец Т. П. Роль университетов и других высших школ в развитии отечественной науки //Кравец Т. П. От Ньютона до Вавилова. Л., 1967.
Краснобаев Б. И. Издательство Московского университета в системе русской культуры второй половины XVIII в. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1981, № 3.
Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977.
Купайгородская А. П. Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917-1925). Л., 1984.
Купайгородская А. П. На разных языках: ученые России апеллируют к общественности // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996.
Ладыжец Н. С. Развитие идеи западного университета: социально-философский анализ. Ижевск, 1991.
Ладыжец Н. С. Университетское образование: идеалы, цели, ценностные ориентации. Ижевск, 1992.
Ладыжец Н. Университеты Европы // Alma mater. 1991, № 9.
Левшин Б. В. Академический университет в Санкт-Петербурге (Историческая справка) // Отечественная история. 1998, №5.
Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М., 1971.
Ленинградский университет в Великой Отечественной войне. Л., 1990.
Ленинградский университет за советские годы (1917-1947). Л., 1948.
Летопись Московского университета 1755- 1969. М.,1970.

Ляхович Е. С., Ревушкин А. С. Очерк становления первого Сибирского университета — центра образования, науки, культуры. Томск, 1993.
Ляхович Е. С., Ревушкин А. С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998.
Манассеин В. С. Возникновение и развитие идеи учреждения Сибирского университета. Иркутск, 1924.
Марголис Ю. Д., Тишков А. С. Отечеству на пользу, а россиянам — во славу. Из истории университетского образования в С.- Петербурге. Л., 1988.
Мельгунов С. П. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М., 1904.
Мельгунов С. П. Студенческие организации 80-90-х гг. в Московском университете. М., 1908.
Милюков П. Н. Университеты в России // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона. СПб, 1902. Т. 68.
Михайлова С. М., Коршунова О. Н. Страницы сотрудничества Московского и Казанского университетов в XIX веке // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1999, № 2.
Мишёд Люсьен. Идея университета // Alma mater. 1991, № 9.
Моисеев Н. Н. Цивилизация XXI века — роль университетов // Alma mater. 1994, № 5-6.
Модзалевский Б. Академия наук. Новый энциклопедический словарь. СПб, 1911.
Мошкович Г. Г. Университетский устав 1884 года и либеральная профессура 70-80-х гг. XIX в. // Науч. тр. Краснодарского университета. Вып. 103. 1969.
Нужин М. Т. Университеты и их роль в высшем образовании. Казань, 1975.
Общеевропейский процесс и гуманитарная Европа. М., 1995.
Олесеюк Е. Как сэкономить учебный год. // Волга. 1997, № 3-4.
Орлов В. И. Студенческое движение в Московском университете в XIX ст. М.,1934.
Очерки по истории Ленинградского университета. Л., СПб, 1986-1998. Т. 1-6.
Пенчко Н. А. Основание Московского университета. М., 1953.
Петербургский университет и революционное движение. Л., 1979.
Петров Ф. А. Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997.
Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Кн. 1, 2, ч. 1 и 2. М., 1998.
Петухов Е. В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802-1902). Юрьев, 1902. Т. 1.
Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1. 1888-1917. Томск, 1996.
Разумовский В. И. К истории университетов и медицинских факультетов. СПб, 1910.
Ректоры Московского университета (Биографический словарь). Составитель В. В. Ремарчук. М., 1996.
Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802-1902 гг. СПб, 1902.
Рожков А. Студент как зеркало Октябрьской революции// Родина. 1999, № 3.
Российские университеты XVIII-XX веков в системе исторической науки и исторического образования. Воронеж, 1994.
Российские университеты в XIX- начале XX века. Вып. 2. Воронеж,1996.
Российские университеты в XVIII-XX веках. Вып. 3-5. Воронеж, 1997, 1998, 2000.
Савельева В. Яковлев В. Высшая школа и внутриполитический курс России (1907-1911) // Alma mater. 1991, № 9.
Садовничий В. И образование для государства, и государство для образования // Российская газета. 1997, 20 декабря.
Садовничий В. Обучение власти. Подготовка государственных служащих в университетах: возможности и перспективы //Открытая политика. 1998, № 6.
Садовничий В. и др. Университетское образование, приглашение к размышлению. М., 1995.
Саймон Б. Общество и образование. М., 1989.
Семенов В. Н. Ректоры Саратовского университета. Факты жизни и деятельности. Саратов, 1999.
Снегирев И. М. Действия Московского университета в первый период его существования// Уч. зап. Московского университета. 1834., ч. 4, № 11.
Современное университетское образование: Проблемы и перспективы. Саратов, 1994. Вып. 1.
Соловьев И. М. Университетский вопрос во второй половине XIX века// Три века. М., 1913. Т. 6.
Соловьев И. М. Судьбы русских университетов // Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1. Университеты до эпохи шестидесятых годов. М., 1914.
Соломонов В. А. Императорский Николаевский Саратовский университет. История открытия и становления (1909-1917). Саратов, 1999.
Соломонов В. А. Первопроходцы университетской науки. Коллективный портрет первых профессоров и студентов Саратовского университета. Саратов, 2000.
Соскин В. Высшая школа — конец автономии (1921-1922гг.)// Alma mater. 1998, № 1-2.
Столетний юбилей Императорского Московского университета. М., 1855.
Суворов Н. С. Средневековые университеты. М., 1898.

Сухомлинов М. Н. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I// Журнал МНП. 1865, 1866.
Тарле Е. В. Из прошлого европейских университетов //Вестник и библиотека самообразования. 1905, № 12-13.
Третьяков И. А. Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях, говоренное 1768 года// Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Л., 1952. Т. 1.
Университет в блокадном и осажденном Ленинграде. 1941-1944. СПб, 1996.
Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1997.

Университет на пороге XXI века. Абрис учебного процесса. М., 1995.
Университеты России: проблемы автономии и регионального самоуправления. Ростов н/Д, 1995.
Университетская площадь. Очерки. Воспоминания. Воронеж, 1998.
Ушакин С. А. Университеты и власть // Общественные науки и современность. 1999, № 2.
Ферлюдин П. И. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Саратов, 1893. Вып.1. Академия наук и университеты.
Фрийхоф В. История европейского университета: начало нового времени: паттерны // Alma mater. 1999, № 3, 4.
Фроммет Б. Р. Очерки по истории студенчества в России. СПб, М., 1912.
Харьковский государственный университет. Харьков, 1980.
Харьковский университет за 150 лет. Харьков, 1955.
Хусейн Т. Об университетах // Курьер ЮНЕСКО. 1992, октябрь.
Хюсен Г. Образование в 2000 году. Исследовательский проект. М. 1977.
Чанбарисов Ш. Б. Формирование советской университетской системы. М., 1988.
Чернозуб С. П. Реформа высшей школы: наследие и диктат традиций //Общественные науки и современность. 1998, № 2.
Шевырев С. П. История Имп. Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855.
Шевырин В. М. Живое прошлое (По страницам дневника и мемуаров гр. И. И. Толстого) // Отечественная история. 2000, № 4.
Шилов А. В. Из истории Петроградского университета: судьбы ученых в послеоктябрьский период // Петербургские чтения. 1997. СПб, 1997.
Щетинина Г. И. В. И. Ленин о студенческом движении в России // История и историки: Историографический ежегодник. 1970. М., 1972.
Щетинина Г. И. Университеты и общественное движение в России в пореформенный период // Исторические записки, т. 84.
Щетинина Г. И. Университеты России и устав 1884 г. М., 1976.
Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М., 1985.
Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы. М., 1993.
Эймонтова Р. Г. Университетская реформа 1863 года // Исторические записки, т. 70.
Эймонтова Р. Г. Университетский вопрос и русская общественность в 50-60-х гг. XIX в. // История СССР. 1971, № 6.
Яковлев В. П. Политика царского правительства в университетском вопросе (1905-1910 гг.) // Вестник ЛГУ, история, язык, литература. 1969, вып. 1.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Глава 1. Начало университетского образования в России (XVIII век) 8

1.1. Академический университет 8

1.2. Основание и становление Московского университета 10

Глава 2. Российские университеты в первой половине XIX века 13

2.1. Расширение числа университетов и начало формирования российской университетской системы 13

2.2. Университеты в николаевскую эпоху 18

Глава 3. Изменения в университетах России во второй половине XIX века 25

3.1. Российские университеты в эпоху буржуазных реформ 25

3.2. Новая попытка ограничения университетского самоуправления 31

Глава 4. Университетская система России в условиях революций и войн начала XX века 36

4.1. Университеты накануне и в годы первой российской революции 36

4.2. Между двумя революциями 40

Глава 5. Университеты в годы революции и гражданской войны 44

Глава 6. От гражданской до Великой Отечественной войны 50

6.1. Советизация университетов в 20-е годы 50

6. 2. Восстановление и утверждение университетской системы 53

Глава 7. В годы Великой Отечественной войны 57

Глава 8. Восстановление и развитие университетов в послевоенные годы. .59

8.1. Первое послевоенное десятилетие в жизни университетов. 59

8.2. От «оттепели» до перестройки 61

Глава 9. Университеты в условиях перестройки 66

Глава 10. Становление университетской системы в Российской Федерации 69

Заключение 72

Хроника важнейших событий в истории российских университетов. 74

Список источников и литературы 79

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

.

АВРУС Анатолий Ильич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории новейшего времени Саратовского государственного университета, действительный член Академии военных наук, автор ряда монографий и статей по истории международного рабочего движения 20-30 гг., истории политических партий России, проблемам российской интеллигенции, деятельности российских университетов, отношения политических партий России к войнам в первой половине XX века.